

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2016, № 1 (14)

Учредитель
**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

Слепцов П.А., д.ф.н., проф. (гл. редактор); *Андреева Т.Е.*, к.ф.н.; *Антонов Е.П.*, к.и.н.;
Боякова С.И., д.и.н. (зам. гл. редактора); *Бурцева Ж.В.*, к.ф.н.; *Варламов А.Н.*, д.ф.н.;
Винокурова Д.М., к. социол. н.; *Данилова Н.И.*, д.ф.н.;
Ефремов Н.Н., д.ф.н. (отв. секретарь); *Жукова Л.Н.*, к.и.н.; *Игнатьева В.Б.*, к.и.н.;
Ларионова А.С., д.иск.; *Попова Н.И.*, к.ф.н. (зам. гл. редактора);
Романова Е.Н., д.и.н.; *Романова Л.Н.*, к.ф.н.

Ответственный за выпуск *Ларионова А.С.*

Редакторы: *Н.И. Дегтярева, Е.Ф. Молотков*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2016, № 1 (14)

Founder

Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board:

Sleptsov P.A., Doctor of Philological Sciences, professor (editor in chief);
Andreeva T.E., Candidate of Philological Sciences; *Antonov E.P.*, Candidate of Historical Sciences;
Boyakova S.I., Doctor of Historical Sciences (dep. editor in chief);
Burtseva Zh.V., Candidate of Philological Sciences; *Varlamov A.N.*, Doctor of Philological Sciences;
Vinokurova D.M., Candidate of Sociological Sciences; *Danilova N.I.*, Doctor of Philological Sciences;
Efremov N.N., Doctor of Philological Sciences, (executive editor);
Zhukova L.N., Candidate of Historical Sciences; *Ignatjeva V.B.*, Candidate of Historical Sciences;
Larionova A.S., Doctor of Art;
Popova N.I., Candidate of Philological Sciences (dep. editor in chief);
Romanova E.N., Doctor of Historical Sciences; *Romanova L.N.*, Candidate of Philological Sciences.

Responsible for issue *Larionova A.S.*

Editor: *N.I. Degtyarova, E.F. Molotkov*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Артыкбаев Ж.О.</i> Первопредок саха – Елтай батыр (Элдей батыр) в историко-генеалогических сказаниях казахских племен Адай и Баганалы-Найман.....	5
<i>Зориктуев Б.Р.</i> О времени и путях прибытия двух баргутских групп Баргуджин-Токума в Северо-Восточный Китай.....	14
<i>Васильев В.Е.</i> Шаманизм народа саха: к вопросу о сущности и систематизации традиционных верований... 21	21
<i>Жукова Л.Н.</i> Археологические разведки Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского в конце XX века.....	26
<i>Шепелева В.Б.</i> Истоки «советского проекта» в контексте постнеклассической познавательной парадигмы... 36	36
<i>Филиппова В.В.</i> ГИС-технологии в исследовании истории Якутии (по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. и Всесоюзной переписи 1939 г.)	43
<i>Винокурова Л.И.</i> Реализация аграрной политики в Якутии в 1960–1970-е гг.....	47

Филологические науки

<i>Насилов Д.М.</i> Проблемы обучения родным языкам коренных малочисленных народов Севера в диалектных условиях	52
<i>Дырхеева Г.А.</i> Об актуализации социолингвистической проблематики в бурятоведении	57
<i>Васильева Р.И.</i> Основные показатели современной этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия) (по материалам Всероссийской переписи 2010 г.)	63
<i>Васильева Н.М., Данилова Н.И., Нелунов А.Г., Попова Н.И.</i> Якутская орфография в новой редакции	68
<i>Готовцева Л.М.</i> Взгляд на природу фразеологических единиц якутского языка	74
<i>Андреева Т.Е.</i> Прилагательные, обозначающие черты характера человека в эвенкийском языке	84
<i>Робин Харрис.</i> Ключевые факторы обеспечения устойчивого будущего эпических традиций	87
<i>Ларионова А.С.</i> Особенности традиции эпического пения якутов Горного улуса (на примере олонхо Н.М. Тарасова «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бөгө»)	90
<i>Саввинов А.И.</i> Фольклор эссеистских якутов: к истории собирания, изучения и публикации	96
<i>Чарина О.И.</i> Формы бытования эпических произведений русских старожилов Якутии	102
<i>Павлова Н.В.</i> Сказочный репертуар Д.А. Томской	106

Информация

<i>Мухомлева С.Д., Оросина Н.А.</i> Второй Республиканский научно-практический форум «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI в.».....	111
<i>Чарина О.И.</i> Международная научная конференция «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)»	114

Юбилей

<i>Данилова А.Н., Оросина Н.А.</i> Николай Васильевич Емельянов (К 95-летию со дня рождения)	115
<i>Ефремов Н.Н.</i> Наталья Николаевна Широбокова (К 70-летию со дня рождения)	118
<i>Покатилова Н.В., Апросимова Е.Г.</i> Лидия Филипповна Рожина (К 70-летию со дня рождения)	119

Некролог

<i>Иванов С.А.</i> Памяти Михаила Спиридоновича Воронкина	122
---	-----

CONTENTS

Historical sciences

<i>Artykbayev Zh.O.</i> The ancestor of Sakha – Eltay batyr (Eldey batyr) in historical genealogical legends of the Kazakh tribes Aday and Baganaly-Naiman	5
<i>Zoriktuev B.R.</i> About the time and ways of the arrival of two groups of the Barguts Bargudzhin-Tokuma in the North-East of China	14
<i>Vasilev V.E.</i> Shamanism of the Sakha people: essence and systematization of traditional beliefs	21
<i>Zhukova L.N.</i> Archaeological exploration of the Yakut Republican Local History Museum named after Em. Yaroslavskogo at the end of the XX century	26
<i>Shepeleva V.B.</i> The origins of «the Soviet project» in the context of post non-classical cognitive paradigm ...	36
<i>Filippova V.V.</i> Geographic information system in the research of history of Yakutia (based on Circumpolar census 1926–1927 and All-Union census 1939)	43
<i>Vinokurova L.I.</i> The Agricultural Policy in Yakutia in 1960–1970.	47

Philological sciences

<i>Nasilov D.M.</i> Problems of teaching native languages of indigenous peoples of the North in dialect conditions	52
<i>Dyrheeva G.A.</i> About the actualization of socio-linguistic perspective in the Buryat studies	57
<i>Vasilyeva R.I.</i> Key indicators of the modern ethno-linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) (based on the all-Russian census of 2010)	63
<i>Vasilyeva N.M., Danilova N.I., Nelunova A.G., Popova N.I.</i> The Yakut spelling in the new edition	68
<i>Gotovtseva L.M.</i> View of the nature of the phraseological units of the Yakut language	74
<i>Andreeva T.E.</i> Adjectives denoting character traits in the Evenk language	84
<i>Robin Harris.</i> Key factors in providing sustainable futures for epic traditions	87
<i>Larionova A.S.</i> Features of the Yakut epic singing tradition of Gorny region (for example, Olonkho N.M. Tarasov "Swift-Footed, Sure-Footed Nuser Bege")	90
<i>Savvinov A.I.</i> The folklore of the Essene Yakuts: the history of collecting, studying and publishing	96
<i>Charina O.I.</i> Forms of the existing of the epic works of the Russian old residents of Yakutia	102
<i>Pavlova N.V.</i> Fairy repertoire of D.A. Tomskaya	106

Information

<i>Mukhopleva S.D., Orosina N.A.</i> The second Republican scientific-practical forum "Olonkho and Olonkho tellers: problems of existence and revitalization in the XXI century"	111
<i>Charina O.I.</i> International scientific conference "Science in Poland and Russia – similarities and differences (the Humanities Sciences)"	114

Anniversaries

<i>Danilova A.N., Orosina N.A.</i> Nikolay Vasilievich Emelyanov – outstanding Yakut folklorist (to the 95 anniversary)	115
<i>Efremov N.N.</i> Natalia Nikolaevna Shirobokova (to the 70 anniversary)	118
<i>Pokatilova N.V., Aprosimova E.G.</i> Lydia Filippovna Rozhina (to the 70 anniversary)	119

Obituary

<i>Ivanov S.A.</i> In Memory of Mikhail Spiridonovich Voronkin	122
--	-----

УДК 930.85(574.3)

Ж.О. Артыкбаев

Первопредок саха – Елтай батыр (Элдей батыр) в историко-генеалогических сказаниях казахских племен Адай и Баганалы-Найман

Статья посвящена интерпретации исторических сказаний казахских племен Адай и Баганалы-Найман в контексте легенд народа саха об их первопредке – Элдей батыр. Выдвигается гипотеза, что в эпоху Великого переселения народов в авангарде движения кочевников из Востока доминирующей силой была группа, имеющая в своем идеологическом арсенале легенду об Елтай батыр (Элдей батыр).

Ключевые слова: историко-генеалогические сказания, устная традиция, Елтай батыр, миграция, саха, Адай, Баганалы-Найман.

Из различных видов устных источников особую ценность для изучения древней и средневековой истории Центральной Азии представляют исторические сказания тюркских народов, и в особенности, казахское шежире. Следует отметить, что до сих пор каких-либо серьезных исследований в исторической науке Казахстана, посвященных теоретическим положениям и методике изучения устных знаний, пока нет. Можно сказать, что идет проработка на дальних подступах, обстрел отдельных высот, результаты которых выдаются в виде родословных таблиц и схем. Зачастую этой работой занимаются люди, не имеющие никакого отношения к профессиональной историографии.

Шежире долгое время существовало в изустной передаче и было известно только признанным знатокам и носителям народного фольклора. В какой-то степени оно представляло вид закрытого знания, передающегося из поколения в поколение специальными носителями этих знаний – кэрия. Отдельные фрагменты шежире наизусть заучивались выдающимися родоправителями (ба-

тырами и биями) и представителями сословия султанов. Мудрость и опыт прошлого, заключающиеся в шежире, были необходимы в управленческой работе, т.е. выполняли чисто практическую функцию. *«Людей с чистыми помыслами, помнящих старину и генеалогии (нассаб), а также передающих его потомкам, называют шежирешы. В великих народных сеймах (ұлы дүбір мерекелерде) они собираются плотным кругом вокруг шежирешы и расспрашивают его о прошлом, если же это случается в домашних условиях, то они сидят перед ним как ученик перед учителем, запоминая все хорошее, повторяя все сложное (жаксысын жаттап, кыынын каттап). Я сам неоднократно получал такие уроки у знатоков шежире (сол шежрешіден мен–өзім де бірнеше сабақ алып едім).*

Эти традиции появились не сегодня, завтра, а имеют давнее происхождение. Во всех жизненных обстоятельствах они стараются подражать своим предкам, используя в делах мирских мудрые решения шежире (шежире кағидалары) в виде пословиц и поговорок. В пословицах этот на-

род (ел) находит большую помощь и поддержку. И вправду, эта опора действительно полезна им», – отмечает один из выдающихся казахских историков конца XIX – начала XX веков К. Халид [Халид, 1992, с. 51].

М. Тынышпаев, один из выдающихся политических деятелей начала XX в., инженер, а также историк, называет шежире генеалогией и отмечает, что «...без предварительного изучения генеалогии каждого отдельного рода киргизского (казахского. – Ж.А.) народа, а также без выяснения того, с кем и в какие времена он сталкивался, невозможно представить себе общую картину исторических судеб киргизского народа» [Тынышпаев, 1993, с. 68]. То что он под генеалогией имел в виду не родовые схемы, а исторические предания и сказания о происхождении родов и племен, видно из многочисленных его публикаций. Близкое знакомство с жизнью сородичей и работа в научных обществах Туркестана позволили ему почти профессионально использовать материалы устной традиции казахов для реконструкции истории казахского народа XV–XVIII вв. Приведем несколько фрагментов из его статьи о происхождении казахского народа: «*Все предания киргиз Младшей Орды связаны с именами золотоордынских ханов и ногайских муруз. О Тохтамышше в памяти народа сохранились слова “бздын эль Тохтамышлы джамандаганын да коймайды, корсе бас урп, тонкандаганын да коймайды” (наш народ не перестает ругать Тохтамышша, а как увидит его, знает только, что усердно кланяется)*». «...Казахские предания указывают даже время, когда один и тот же народ разделлся на ногаев и казаков», – отмечает М. Тынышпаев [Там же, с. 121].

Что есть казахское шежире? Прежде всего, следует предположить, что традиционное историческое и гражданское сознание кочевого общества Евразии формировалось благодаря шежире. Оно, как фундаментальное явление, является центральным стержнем в структуре исторического знания кочевников и, безусловно, определяет его теоретическое и прикладное значение, хотя в свою очередь исторические знания не ограничиваются рамками шежире. Многочисленные дериваты устной традиции как бы сфокусированы в шежире и придают ему то историческое значение, которое обеспечивает высокий статус этих знаний в обществе. В целом устная традиция формируется из всего комплекса устно создаваемой и

воспроизводимой литературы, а также из образа жизни, требующего сакрального отношения к Слову. В этот комплекс, безусловно, входят как генеалогии, построенные по принципам кровного родства, так и ирреальные схемы. Последние являются лишь структурообразующей вымышленной генеалогией, поэтому требуют объяснения и доказательств. Вот так появляется очень интересный пласт исторических рассказов о происхождении крупных родов и племен. При глубоком анализе и интерпретации подобные сюжеты представляют выдающуюся ценность для историка в качестве источника по древней и средневековой истории Великой степи. Данный комплекс источников очень тесно связан с историческими мифами, которые при профессиональной разработке также служат в качестве гласа древности. Поэтому данный блок источников по шежире, известный среди казахов как «кария сөз», «ескі сөз», а в целом как исторические предания – «аңыз» «хикая», в сочетании с эпическими сказаниями – батырлар жыры, толгау, имеет важнейшее значение в качестве основного компонента устной традиции.

Понимание смысла и назначения истории в кочевом обществе отличается от таковых у других цивилизаций и народов. Например, если основным принципом в системе накопления исторической информации в историографии христианского и мусульманского миров является категория исторического времени, то у кочевников она заменена категорией исторической личности. Основную панораму исторической эпохи в шежире занимает деятельная историческая личность, таким образом, механизмом формирования шежире служит персонификация истории и исторических событий. Категория исторического времени отодвигается на третье место, а на второй план выдвинута категория исторического пространства (*жұрт*). Подсчет исторического времени соответственно осуществляется согласно таксономическим уровням родства, т.е. в расчет берутся агнатные генеалогические поколения и знаменательные события истории, так как это предопределено патриархальными (*ел-жұрт*) и космогоническими представлениями (*мүшел*), которые в свою очередь обусловили двенадцатигодичное цикличное летоисчисление.

Лишь поверхностное рассмотрение нами в логической последовательности легендарных личностей и исторических событий Великой степи, на которых акцентировано внимание казахского

шежире, дает нам возможность уточнить многие детали прошлого, выяснить подробности событий и понять дух эпохи. Эта картина довольно сильно отличается от историй, изложенных в западных или восточных источниках, таковы возможности устной традиции, информация, заложенная в ней, требует несколько иной интерпретации. Очень интересна точка зрения исследователя В. Юдина о том, что «сверка известий (источников устной степной историографии. – Ж.А.) ... с точно установленными фактами истории показывает, что источники степной историографии сообщают сведения верные», что «большинство событий, лиц, о которых рассказывается в них, – историчны», что «это дает основание сделать вывод, что и неизвестные события, и лица этой историографии вполне реальны» [Юдин, 2001, с. 61].

Мы не отрицаем значение письменных источников, конечно, подлинных и имеющих настоящего автора. В таком случае они представляют большую научную ценность. В то же время в них те же, возможно, уже известные, факты истории преподнесены в новом варианте истолкования, преломлены в мировоззренческой системе этого конкретного информатора и не лишены, возможно, субъективизма. Впрочем, эта тема требует специального внимания в контексте изучения проблем истории тюрко-монгольских этносов в традиционный период, а нас в настоящей статье интересует прежде всего значение устной традиции казахов в качестве источника по сравнительному изучению легендарной фигуры древности – Елтай (Элдей батыр), являющегося родоначальником нескольких крупных компонентов центральноазиатских тюркских народов. Попробуем разобраться с помощью шежире с историей происхождения крупнейших и известных казахских племен Адай и Баганалы-Найман.

Адаи в прошлом являлись одним из крупных и многочисленных племен казахов Младшего жуза и живут в основном на территории полуострова Мангыстау, на Устюрте, в низовьях Сырдарьи и Амударьи. По данным сельскохозяйственной переписи Российской империи 1887 г., адаевцев насчитывалось около 110 тыс. чел., в том числе в Мангышлакском (современная Мангыстауская область РК) и Красноводском (современная Туркмения) уездах Закаспийской области – 74 тыс. чел., в Темирском уезде (1, 2 и 3-я Адаевские волости) – 34 тыс. чел. В 1926 г. существовал Адаевский округ с населением 131,5 тыс. чел. В 1999 г.,

по переписи населения Казахстана, только в Мангыстауской области проживало 247,6 тыс. казахов, главным образом адаев. Среди историков и этнографов отсутствует единое мнение о происхождении казахского племени Адай. Некоторые ученые полагают, что конфедерация Байулы, состоящая из 12 племен, в число которых входят Адаи, является союзом различного происхождения. По мнению известного лингвиста С. Аманжолова, Адаи – потомки древних даев Геродота и Страбона, обитавших на восточном побережье Каспия еще во II в. до н.э. («ада» на огузском языке – «остров», отсюда «адаи» – островитяне). На рубеже нашей эры даи входили в племенной союз кангюев (III до н.э. – I н.э.) [Востров, Муқанов, 1968, с. 45–46].

С. Аманжолов, как лингвист, не мог не обратить внимание на созвучие этнических имён дай~адай. Во-вторых, языковед учёл факт проживания казахов-адаев на Мангышлаке, где, как отмечают античные авторы, после ухода массагетов, примерно с III в. до н.э. проживали дахи~даи [Аманжолов, 1959, с. 36].

По второй версии, которую озвучил лингвист А. Нурмаганбетов, Адаи является прямыми потомками древнего телеского (гаогуйского) племени Адйе/Аде/Ады. Ученый, опираясь на мнение многих известных исследователей, считал, что первоначальной родиной тюркских племен являлись Алтай и степи Монголии. Он в своей работе о происхождении адайцев пишет следующее: «В своей “Географии” Страбон указывал, что большая часть скифов, расположенных на территории от Каспийского до Аральского моря, называлась Дай, а они в свою очередь делились на Апарна, Ксанфия, Писсур. На этом основании С. Аманжолов адайцев Младшего жуза относит к Даям, но, по его убеждению, адайцы вовсе не пришельцы с Алтая, а аборигены. Такого же мнения придерживается и А. Абдрахманов. Дайское происхождение адаев у нас вызывает сомнения по ряду причин. Во-первых, нужно еще доказать причины появления “а” перед словом дай. Во-вторых, в современном составе адайцев мы не находим ни одного рода, похожего по своему звучанию на Апарна, Ксанфия и другие, входившие когда-то в состав Даев. В-третьих, настаивают сомнения Н.П. Толля в достоверности сведений Страбона. Все это дает нам основания рассмотреть вопрос о происхождении адайцев Младшего жуза в ином плане, при-

влекая для этого и другие источники» [Там же, с. 98]. Далее исследователь приводит исторические материалы, в которых упоминаются названия древнетюркских племён, похожие по звучанию на этноним адай: «В китайских источниках вместе с родом Баегу в составе Гаогюй мы находим и Аде. Н.А. Аристов упоминает, что один из родов Гаогюй был Аде. Не может не привлечь внимание и то, что в книге М.И. Иванина рядом с родом Баяты находится Меркиты. И если учесть сведения Рашид ад-дина о том, что Меркиты еще называется Одоют, это – любопытный факт. В труде М.И. Иванина мы опять видим с Баегу если не Аде, то тождественный ему Одоют. В исследовании В.В. Радлова встречаем в составе Гаогюю наряду с другими родами и Баегу и Ады. Л.П. Потапов пишет, что в составе Теле в VI–VIII вв. кроме прочих родов был и Адйе. Л.Н. Гумилев в составе телесцев упоминает тот же Адйе, иногда Аде».

Фонетическая трансформация звуковых вариантов Аде, Ады, Атйе, Адйе и Одоют в форму Адай, по мнению А. Нурмаганбетова, произошла уже в тюркской языковой среде. «Остается предполагать, ... что изучаемые нами адайцы не аборигены этого края, а пришельцы из степей Монголии или окрестностей Алтая, ... смешавшиеся с другими тюркскими племенами и народами» [Нурмаганбетов, 1998, с. 56–59].

В свете вышеизложенных гипотез интересно посмотреть, как объясняется происхождение этого племени в устной традиции, на что, к сожалению, ученые еще не обратили свой взор. Среди знатоков шежире из числа старших представителей адаевцев функционирует одна интересная легенда:

«...Среди потомков родначальника Алау, входящего в свою очередь к Алишын, сыну Бекарыс, который является основоположником Младшего жуза, был известный бай по имени Кыдыр. Поскольку счет его лошадям никто не знал, ибо он обладал несметными богатствами, его стали называть Бай. По этой же причине всех потомков Кыдыра народ называет Бай улы т.е. Сыновья Бая.

Говорят, что у Бая было две жены. Имя одной из них – Жанби, во-второй – Улжан. У Жанби была дочка по имени Ханбибы.

Ханбибы, когда повзрослела, вместе с близкими подружками отправилась в степь на прогулку. Это было время бесподобное, природа благоухала, степь расцвела всеми цветами. Подружки решили на отдых остановиться у прекрасного

родника и сели на траву, которая расстилалась как ковер. Солнце светило очень ярко. В этом месте Ханбибы задремала и проснулась от того, что по ее телу пробежалась неведомая ей энергия. Лучи солнца обласкали ее и проникли во внутренние органы и девушка нежилась и проснулась с прекрасным ощущением.

Говорят, что Ханбибы от этого луча солнца забеременела и по прошествии положенного срока, в благолучный час родила сына. Поскольку не было отца ребенка, она, стыдясь этого, тайно родила вдали отцовского аула и, обвернув ребенка в материю, оставила за пригорком.

На следующий день, выехав в степь из своего аула, Бай нашел этого плачущего ребенка. Он привез мальчика домой, затем пригласил человека по имени Аспембет, который славился как провидец. Аспембет посмотрел на ребенка и сразу произнес слова благодарения (бата) и заявил:

– Этот мальчик станет родоначальником племени и прославит твое имя на века.

От радости Бай сделал роскошный праздник и назвал ребенка именем Адай. Это было время, когда другая жена Бая, по имени Улжан, родила также мальчика и кормила грудью. Этого мальчика звали Таз, его мать взяла на себя кормление Адая, так что Адай и Таз выкормлены с одной груди» [Назарбекұлы, Жылкышыұлы, 2015].

Рождение первопредка племени от луча солнца – один из постоянно повторяющихся сюжетов в этногонической истории тюрко-монгольских племен Центральной Азии. Вероятно, поэтому в адаевской среде, а также у других племен казахов такие рассказы не являются чем-то необычным и сверхъестественным. Доказательство этому – ряд поэтических переложений этногонических легенд о происхождении племен Адай, Тама, Кыпшак, Найман, где обязательно присутствуют сюжеты, подобные вышеприведенному. О сверхъестественном происхождении Адая есть небольшая поэма («Адай тегі») известного поэта (жыршы) XIX века Кашаган Куржигманулы. В ней поэт свое повествование о начале истории племени Адай начинает издалека, приведя в первую очередь примеры из истории пророков, а затем излагая происхождение дальнего предка Чингис хана Танирберды (Борджигин).

В исламской литературе пророк Иса (Иисус) является одним из величайших пророков. В священном Коране 25 раз упомянуто благословенное имя его светлости, и 13 раз он был упомянут

под именем Масих (Мессия). Рождение Иисуса (Иса) является чудом, потому что произошло без вмешательства мужчины:

«Вот сказали ангелы: О Марьям (Мария)! Воистину, Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которому – Мессия Иса (Иисус), сын Марьям (Марии). Он будет почитаем в этом мире и в Последней жизни и будет одним из приближенных.

Он будет разговаривать с людьми в колыбели и взрослым и станет одним из праведников».

Она сказала: “Господи! Как я могу иметь сына, если меня не касался ни один мужчина”. Он сказал: “Так Аллах творит, что пожелает! Когда Он принимает решение, то Ему стоит лишь сказать: “Будь!” – как это сбывается”.

Он научит его Писанию и мудрости, Таурату (Торе) и Инджилу (Евангелию)...

Я пришел, чтобы подтвердить истинность того, что было в Таурате (Торе) до меня, и чтобы разрешить вам часть того, что было вам запрещено. Я принес вам знамение от вашего Господа. Бойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне.

Воистину, Аллах – мой Господь и ваш Господь. Поклоняйтесь же Ему, ибо таков прямой путь!» [Коран, с. 29].

Праматерь рода Чингисхана Алан-гоа также, согласно «Сокровенному сказанию», родила трех сыновей от «Небесного бога». Предком Чингисхана является легендарный Бортэ-Чино, который породнился с Гоа-Марал и поселился вблизи горы Бурхан-Халдун. От Бортэ-Чино в десятом колене родился Боржигидай-Мэргэн, первый из монгольских князей. Он женился на Монголжин-гоа, единственной дочери Хорилардай-Мэргэна. Фамильное древо продолжил Тороколджин-багатур, женившийся на Борочин-гоа, от них родились Добун-Мэргэн (Домбауыл, Токтауыл – в казахском шежире) и Дува-Сохор (Дуа соқыр – в казахском шежире). Добун-Мэргэн женился на Алан-гоа, которая, согласно Рашид ад-Дину, была «из племени Куралас», а по «Сокровенному сказанию» – из Хори-туматов [Сокровенное..., 1990 с. 7–8]. В казахском сказании «Алтын бел хан» Алан-гоа была дочерью Кайшылы хана. Пять сыновей Алан-гоа дали начало пяти родам – от Бэлыгунотая повелся род Бэлыгунот, от Бугунотая – Бугунот, от Буху-Хадаки — Хадакин, от Бухату-Салджи – Салджиут. Пятый, Бодончар, был храбрым воином и правителем, от него пошёл род Борджигинов. Все они были объединены общим родовым названием «кият».

В казахском сказании «Алтын бел хан» дается происхождение названия «кият»: «*Слушай, друг мой, плывет что-то яркое по реке. Даст бог, получим мы его на руки. Чтобы нам потом не ссориться, давай заранее определимся, что пожелаешь взять-то, что снаружи или то, что внутри? Возьму я то, что снаружи! – говорит Дуа соқыр.*

Токтагул мерген говорит:

– А я возьму содержимое! Будь, что будет, зависит это от моего везения.

Затем обвязали они стрелу шелковой веревкой, выстрелил Токтагул мерген и попал прямо в сундук, что плыл по реке. Перед тем как выстрелить, Токтагул мерген спросил у своего брата, как стрелять: прямо или косо (кия). А он (Дуа соқыр. – Ж.А.) говорит: “Кия ат”. Вытянули они сундук на берег и открыли. А в сундуке лежит красавица, подобная разве что, полному месяцу в полночь» [Артыкбаев, 2012, с. 296–299].

Таким образом, мужем Алан-гоа стал Добун-Мерген, которому она родила двоих сыновей. После его смерти к Алан-гоа после заката приходил небесный (солнечный) бог в виде жёлтого человека, а уходил перед восходом в облике жёлтого пса:

§ 17. Долго-ли, коротко-ли – Добун-Мерген скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 18. Бэлыгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали тихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: “Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме – это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына”. Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.

§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бэлыгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака...

§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит:...

§ 21. “Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор?

Ведь если уразуметь все это, то выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под пору простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!» [Сокровенное..., 1990 с. 10–12].

Впрочем, есть вторая, более реалистичная версия происхождения племени Адай. Вот что рассказывает со слов известных знатоков генеалогии Көпбол Демесинулы: «Ханбибы, дочь известного богача Кыдыркожа (Байулы), была за сватана батыром из племени Аргын Среднего жуза по имени Елтай. Калым был полностью пригнан, и оставалось провести проводы невесты. Но в это время аул Елтай батыра подвергся нападению врагов. В кровавой битве Елтай был убит. В те времена женихи после частичной уплаты калыма могли навещать свою невесту, поэтому Елтай до своей смерти приходил к своей невесте. Эти посещения назывались “урын келу”. Так поэтому Ханбибы, наша пра-матерь, осталась беременной от Елтая и родила будучи еще на правой стороне отцовского дома (оң жақта отырып). В это время младшая жена Кыдыркожа Улдай также родила сына, которого назвали Каратаз. Дело в том, что наша пра-матерь Улдай была очень смуглой женщиной, из-за чего ее называли Кара моншак (черное ожерелье). Наша пра-матерь Ханбибы, родив ребенка, завернула его в весеннюю шерсть овцы (жабагы) и оставила у кустарника, там, где обычно утром совершает омовение Кыдыркожа бай. Кыдыркожа, готовясь к утренней молитве (намаз) и совершая омовение, нашел новорожденного младенца, завернутого в овечью шерсть (жабагы). Принес младенца к своей жене Кара моншак, которая только недавно родила сына. Каратаз – прозвище этого сына, а в самом деле никто не знает его настоящего имени. В детстве у него на голове выскочила какая-то болячка, которая прилипла к подушке. Говорят, также что Каратаз в детстве был плаксою. Как бы то ни было Кыдыркожа, принародно обращаясь к Богу, назвал (азан шакарып ат қойды) найденного им мальчика именем Адай. Мальчик оказался смышленным, исполнительным и рос быстро, не по годам, а по дням. К тому же и наша пра-матерь Ханбибы тайком от отца приходила и кормила его грудью. Так получилось, что Адая кормили обе женщины. Поэтому у нас говорят “Адай мен Таз емшектес,

Адай мен Таздың ары бір, т.е. Адай и Таз с одной груди, у Адая и Таза честь одна”. Еще наши предшественники говорили: “Құс жақсысы аққу- қаз, ел жақсысы Адай-Таз”, т.е. Лучшие из птиц – гуси-лебеди, лучшие из племен – Адай и Таз.

Как же потом сложилась судьба нашей пра-матери Ханбибы? Она ждала не месяц, не год, а годы, каких-либо вестей со стороны родственников жениха не было. Никто за ней не приехал. В те времена за вдовой (жесір) обычно приходили братья жениха. У Кыдыркожа был табуңиқ (жылкышы) по имени Есентемир, который был беден, к тому же ему было уже за сорок. Однажды многочисленные лошадиные табуны Кыдыркожа бая, спасаясь от бурана, ушли по ветру (ығып кетті). С ними исчез и табуңиқ Есентемир. Когда буран затих, много дней искали как лошадей, так и табуңиқа, но так и не нашли. В общем отчаялись и посчитали, что лошади и Есентемир пропали. Когда наступила весна, потеплело вокруг, Есентемир вернулся в аул в целости и сохранности с табунами. Бай был очень доволен героическим поступком Есентемира и в благодарность выдал за него замуж свою дочь Ханбибы. “Ты спас лошадей в тяжелую зиму, и они будут считаться твоим калымом”, – сказал бай в радостях» [Демесінұлы, с. 3–5].

Последний сюжет очень напоминает содержание легенды о происхождении племени Алтай из состава Аргынской конфедерации в Среднем жузе [Көпейұлы, 2013, т. 9, с. 236–240].

Есть и другие варианты вышеизложенной истории, но в целом большого расхождения между ними нет. Суть всех их сводится к тому, что настоящий предок Адаевского племени – Елтай батыр. Көпбол Демесинулы отмечает, что рассказ «он услышал еще в дестве от стариков («Бұл әңгімені бала күнімде естіген едім») [Демесінұлы, с. 6].

Однозначно, что племя Адай, как и другие основные компоненты конфедерации Байулы, вошло в состав союза в различные времена. Наиболее ярким свидетельством этого является легенда о том, как племена, вошедшие в Байулы, делили между собою знаки (таңба бөлісу). Когда байбише (старшая жена) Кыдыркожа начала делить между сыновьями знаки-тамги, якобы их не хватило Адаю и Тазу. Эта легенда, безусловно, свидетельствует о позднем вхождении этих двух племен в состав союза.

Подобная история сохранилась и о происхождении племени Баганалы-Найман. Это племя занимало в прошлом огромные степные просторы

к северу от среднего течения Сырдарьи до Улытауских вершин Центрального Казахстана. Судя по рассказам баганалинских найманов, их предком является табунщик по имени Елтай: *«После смерти Наймана, провели торжественную трапезу (ас) в честь годовщины. После чего в соответствии с традицией, молодую вдову Наймана по имени Гульше выдали замуж за Елтая, который приходился Найману родственником. Он был внуком Шомака, а он в свою очередь братом деда Наймана»*. По другой легенде, которая рассказывается среди улытауских казахов, *«Елтай родился от младшего брата Наймана по имени Наймантай»*. Как бы то ни было Гульше называли «Кыз-ене», т.е. «Девушка-свекровка», поскольку она по возрасту была младше всех, но была старшей по своему рангу. По этой причине Елтай также, поскольку он как бы занял место Наймана, стали называть «Ел ата». *«Между ними родился один сын, и назвали его Серикбай, все хотели чтобы он был товарищем для сына Наймана Белгибая. От Серикбая родились два сына – Келбука, Кетбука. От Келбука – племя Балталы, а от Кетбука – Баганалы. Так говорили раньше»* [Сейдімбек, 1993, 91 б.]. Здесь в казахском шежире есть увязка истории племени Баганалы и его родоначальника Елтая со знаменитым Кетбука (первая половина XIII в.), современником Джучи хана, сообщившем о его смерти Чингис хану. Кетбука вел войска Хулагу в Западную Азию и в Египет, был известен как аталык-воспитатель, жырау, и полководец.

В одном из вариантов шежира о племени Найман говорится, что Елтай был табунщиком: *«Кыз-еней соединили браком с табунщиком Елтай, который с детства был другом Токпана, умершего сына Наймана. Вдова Токпана, умная женщина по имени Алпеш, посчитала, что следует его называть "Ел ата", поскольку хотя он и табунщик, но женился на ее свекровке. От Ел ата берут начало очень сильные наймановские племена – Баганалы, Балталы, Ергенекты»* [Там же, 10 б.].

Таким образом, здесь мы также встречаемся с табунщиком по имени Елтай. Как известно, испокон веков работа табунщика в степи была престижной. Это удел сильных и смелых людей. Все богатство степняка заключалось в лошадях, их защита была делом не только чести, но и жизни. По шежиру получается, что Елтай – ровесник Наймана, родоначальника многочисленной конфедерации степных племен огузского происхож-

дения. Мы однозначно связываем происхождение огузских племен, в том числе сегиз-огузов, так раньше называли найманов, с сако-скифским конгломератом племен Великой степи. Саки создали высокую для того времени культуру, влияние которой сказалось на огромных просторах Восточной Европы, Западной и Центральной Азии. Эта культурная общность, включавшая Северное Причерноморье и Крым, Евразийскую аридную зону, служила звеном между Передней, Средней Азией и Европой. В этнокультурный ареал саков входили многие племена. *«Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями, живущие далее на восток зовутся массагетами и саками, а прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет частное имя»*, – отмечает Страбон (I век до н.э.) [Страбон, 1964, с. 140].

Затем наступила эпоха Великого переселения народов. Этот новый своеобразный виток миграции жителей степи свое начало берет с восточных горных долин Евразии. Безусловно, это движение не миновало степей Центрального Казахстана и Западной Сибири. Если вначале стремительное возвышение гуннов на востоке сопровождалось сильнейшим давлением на дунху (на севере) и на юечжи (на юге), которые, в конце концов, вынуждены были, бросив родные кочевья, отправиться в миграцию, то впоследствии, в середине первого столетия до нашей эры, начался кризис самой империи. В 71 г. до н.э. Китай нанес тяжелое поражение гуннам с помощью кочевых соседей гуннов – ухуаней, усуней, динлинов. В 56 г. до н.э. общество гуннов раскололось на южных и северных, и началось то, что мы называем Великим переселением народов. Гунны, пройдя тысячи километров по сибирским и уральским степям сквозь земли угрозязычных народов, затем, присоединив приазовских алан, переправились через Керченский пролив и, разгромив города Боспорского царства, оказались непосредственно у стен Рима. Поэтому понятно, почему имя Елтай (Элдей, Эр Элдей) часто встречается на огромных просторах Центральной Азии в качестве предка.

Наиболее яркие легенды об Елтай батыре сохранились у саха (якуты) и самое главное – многие сюжеты из них находят отклик и в казахском фольклоре. В легендах саха говорится о том, что отец Эр Элдея происходил из татарского народа и его называли Татар Тайма. В те времена был у них царем Хан-Боллох. Эр-Соготох-Элдэй *«при*

нем был богатырем, вроде главного должностного лица». Однажды Хан-Боллох распорядился в течение семи дней перебить всех стариков и старух, достигших столетия. Эр Элдей сообщил об этом своему отцу и, посоветовавшись с ним, решил спрятать старика в большом кожаном мешке.

Различные чудачества правителя продолжались. Хан-Боллох потребовал от своего батыра, чтобы тот достал из-под воды красавицу, изображение которой время от времени появлялось на глади воды. Эр Элдей снова пришел к своему отцу за советом: «Отец, выслушав рассказ, говорит: “Твой царь, видимо, сошел с ума. Какая женщина может быть под водой? На горах существует особый зверь, который откликается на каждое слово человека, повторяя их. Он весь покрыт волосами и имеет обыкновение через каждые три дня, сидя на вершине утеса, чесать свои волосы. В это время отражение его видно на воде. Вот это-то твой глупый царь принял за морскую женщину. Если бы тебе хитростью и удалось поймать этого зверя, то царь разгневется, говоря, что это не женщина, и прикажет убить тебя. Нам нужно бежать. Прямо на запад отсюда есть речка, начало большой реки (река Лена, т.е. Уленд на языке саха. – Ж.А.). Лет полтора тому назад я там был, место теплое, с хорошим воздухом, я подумал тогда, что было бы хорошо на старости лет мои осквернившиеся тело и кровь похоронить там. Ты поезжай в эту страну. Возьми с собой суму со мной, в другую суму сложи провизию и бери еще запасного коня на поводу. Дорогу выбирай, глядя на крепкие деревья, держась темной, не солнечной стороны”» [Ксенофонов, 1977, с. 17–18].

Наконец после долгих мытарств Элдей батыр нашел тот народ, о котором рассказывал ему отец: «Наконец он увидел тропы, протоптанные скотом, признаки близости человеческого жилья. Вот показались две конические урасы (қос. – Ж.А.). Старинные люди отличались простотой и скромностью. Поэтому и Элдей сам не захотел войти в урасу, а остался поджидать, пока выйдет кто-либо. Наконец, вышла старуха. Элдей по обычаю того времени приветствовал ее, став на левое колено и подперев левой рукой щеку, три раза сделал перед ней земные поклоны (эта форма приветствия сохранилась у казахов-адаевцев и называется “келин салем”. – Ж.А.). Домохозяйина звали Оногой-Баай (в других вариантах – Омогой бай. – Ж.А.), старуха была его жена. Имели они двух до-

черей, из которых одна была красивая лицом, другая дурнушка. Элдей прожил у них три года» [Там же, с. 20–21].

«Оногой сделал его табунициком; он был превосходный пастух, быстро справлялся со своим делом, легко находил и потерянное», – гласит сказание саха. Вскоре за ним начали замечать благородное происхождение: «Этот Элдей, вероятно, человек очень знатного происхождения, когда он входит, пригнав свой табун, ты приходишь в дрожь», – говорила старуха Оногой баю. В конце концов Элдей батыр женился на некрасивой, но плодотворной дочери Оногой бая и основал свой аул. Большинство современных якутских родов являются потомками сыновей Элдей батыра. В якутской среде много говорится о связи Элдей батыра с коневодством, легенды утверждают, что он был первым инициатором проведения праздника «ысаах» (каз. кымыз мұрындык). Впрочем, вся сюжетная линия легенд о происхождении Элдей батыра присутствует в казахских сказках.

Некоторые упоминания о легендарном Элдей батыре есть в устной традиции теленгитов (телеутов) Алтая. Мы полагаем, что алтайские теленгиты – потомки ближайшего окружения гуннских правителей, их стража и верные помощники. В генеалогии теленгитов-алтаевцев из племени Мундыз, которое является самым благородным племенем из них, вплоть до XVIII в. среди вождей-зайсанов были люди с именами Эр Элдей.

На наш взгляд, основная часть потомков Елтай батыра (Элдей батыра) находилась в составе аргыновской конфедерации, о чем свидетельствует рассказ из казахского шежира о происхождении племени Алтай. Мы этой теме посвятили статью [Артыкбаев, 2014, с. 185–197].

Таким образом, в начале нашей эры на территории заселения сак-скифских племен, известных по устной традиции под названием сака, канглы, огузы, вступили гунны. Вероятно, самоназванием аборигенов было «сака», соседи их называли «қаңлы», т.е. люди степи, а идеология их связана с именем легендарного Огуз хана. В авангарде нового движения воинственных кочевников с Востока доминирующей силой была группа, имеющая в своем идеологическом арсенале легенду об Елтай батыре (Элдей батыре). В северо-центральном районе казахской степи эта группа занимает пограничные территории Канлы и ассимилирует значительную часть (Пішпекбай тобы). Современные канжигалинцы в составе аргынов

являются потомками второй группы (Ишпекбай тобы). Эта группа в античных источниках известна еще в VIII–VII вв. до н.э. как «народ царя Ишпакая», она участвовала в скифских завоеваниях на территории Западной Азии, в частности в 28-летнем походе [Артыкбаев, 2012, с. 4–15].

В это же время часть потомков Елтай батыр уходит на север, занимает Прибайкальские области, заселяет побережье Лены (Уленд) и смешивается с сака-кангаласами. Об этом четко говорят предания, записанные еще в начале XX в. Г.В. Ксенофонтовым. «Омогой – исконный житель этого края, имел жену и семь или восемь дочерей. Были ли у него люди – неизвестно», – рассказывали старики [Ксенофонов, 1977, с. 54–72]. Вопрос о том, в какие времена предки Омогой заселили Якутию, остается открытым. Вероятно, это результат борьбы за металл, которая разгорелась в VII–VI вв. до н.э. в степях Казахстана. Археологи отмечают движение племен, входивших в Тасмолинскую общность, на север: «Все они входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, ведущую роль в которой играли племена Центрального Казахстана. Главенствующее положение центральноказахстанских номадов в общности базировалось на контроле за источниками цветного металла – медными месторождениями региона. Вероятно, сразу же за “скифами” в Южное Зауралье, также как и в Южное Приуралье, приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Основной причиной, вызвавшей включение сакских племен Приаралья в состав кочевого населения Южного Урала, а также проникновение их в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, были исторические события в Средней Азии, связанные с политикой Ахеменидов в этом регионе во второй половине VI в. до н.э...» [Таиров, 2005, с. 17].

В «Словаре якутского языка» Э. Пекарского первопришельцы называются казахами: «Сайсар жена киргиза (т.е. казаха. – Ж.А.) Сарыбайтояна, родом татарка, которая по смерти мужа, с детьми прибыла с юга на то место, где теперь стоит г. Якутск, около рукава Лены Сайсары» [Пекарский, 1958, т. 2, стб. 2137].

Одна из воинственных групп потомков Елтай батыр занимает территорию Западного Казахстана и вступает в контакты с даями. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов отмечают, что эта территория когда-то принадлежала массагетам, а затем перешла к даям: «Массагеты – общее древнее имя

приаральских племен; в III веке имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя – массагетов; ...массагеты окончательно стали дахами» [Кляшторный, Султанов, 1992, 42 б.].

Здесь, в качестве вывода, мы можем связать северную группу потомков Елтай батыр с западной. В одной из версий рассказов о происхождении саха говорится: «Эр-Соготок-Эллэй прибыл с юга, его отец, как рассказывают, происходил из татар. Отца его звали Арсаах, он бежал с сыном от войны. Воевали татары и русские. Последние победили. Арсаах прибыл к верховьям нашей реки верхом на жеребце...». Арсак – не только легендарное имя вождя даев, он основатель правящей династии Парфии (250–224 гг. до н.э.). Арсак в ходе завоевания Парфии освободил Среднюю Азию от ига греко-македонских завоевателей: «Затем Арсак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемых *апарнов*, кочевников, живших по реке Оху, напал на Парфию и завоевал ее». Таковы свидетельства античной литературы. Есть ли взаимосвязь между Арсаах из мифо-этногонии саха и Арсак-вождем приаральских даев? Может быть, здесь идет речь о правящей династии саков, где «ар» означает чистоту и благородность происхождения. Впрочем, это уже тема отдельного исследования.

Литература

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959.

Артыкбаев Ж.О. Казахская эпическая поэма «Козы корпеш-Баян сулу»: саха-казахские мифо-исторические параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск, 2015. – №2. – С. 56–67.

Артыкбаев Ж.О. Казахское сказание о джигите Алтай: общие мотивы в этногенетических сюжетах казахов и саха // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: матер. конф. с междунар. участием. 24–26 октября 2012 г. – Новосибирск, 2014. – С. 185–197.

Артыкбаев Ж.О. Казахское шежере: источник и концепция истории Великой степи. – Астана, 2012.

Артыкбаев Ж.О. Казахское историческое сказание о Толыбай сыншы, родоначальнике племени канжыгалы (канглы, хангаласов) // Сибирский сборник. – Вып.3. – Курган, 2015. – С. 4–15.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX– начало XX вв. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968.

Геродот. История в девяти книгах / пер. с греч. Г. Мищенко. – 2-е изд. – М., 1888.

Демесінұлы К: «Адай тарихын екімынжылдықтан әрі іздеу керек» //http://old.abai.kz/content/korbol-demesinyly-adai-tarikhyn-ekimynzhyllyktan-eri-izdeu-kerek.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступит. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М., 1960

Кляшторный С.Г., Сұлтанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992.

Коран, Сура 3 Семейство Имрана, аяты 45–51.

Көпейұлы М.-Ж. Шығармалары. – Т. 1–20. – Павлодар, 2013.

Ксенофонт Г.В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977.

Қыдырханұлы У. Эттен, Алтай-Марқакөл. – Алматы, 2008.

Назарбекұлы С., Жылқышыұлы Ж. Қазақ халқының шежіре тарихы. Адай тайпасы. 1 т. – Алматы, 2015.

Нурмаганбетов А. Қазақ тіліндегі атаулар тарихы. – Алматы, 1998.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. 1–3. – М., 1958.

Сейдімбек А. (Таракты). Балталы, Бағаналы, ел аман бол. – Алматы, 1993.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. – Элиста, 1990.

Страбон. География в 17 книгах. – Л., 1964.

Тауров А.Д. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э. – М., 2005.

Толыбеков С. Қазақ шежіресі. – Алматы, 1993.

Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы, 1993.

Халид Қ. Тауарих хамса шархи. – Алматы, 1992.

Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII вв. глазами востоковеда. – Алматы, 2001.

Zh.O. Artykbayev

The ancestor of Sakha - Eltay batyr (Eldey batyr) in historical genealogical legends of the Kazakh tribes Aday and Baganaly-Naiman

The article is devoted to the interpretation of historical legends of the Kazakh tribes Aday and Baganaly-Nyman in the context of the Sakha people legends about their ancestor - Eldey batyr. It is hypothesized that in the era of the Great Migration in the forefront of the movement of nomads from the East was the dominant power group, has in its arsenal of ideological legend about Eltay batyr (Eldey batyr).

Keywords: historical and genealogical legends, oral tradition, Eltay batyr, migration, Sakha, Aday, Baganaly-Nyman

УДК 94(571.54)+94(510)

Б.Р. Зориктуев

О времени и путях прибытия двух баргутских групп Баргуджин-Токума в Северо-Восточный Китай*

В статье исследована история двух монголоязычных групп северо-востока Китая – старых баргутов и новых баргутов. Основное внимание уделено вопросу о том, когда и какими путями шло передвижение обеих групп от Байкала на места нынешнего проживания в Китае. Проведен глубокий анализ слова *баргут*, употреблявшегося в двух значениях: этнонима и прозвища. Прозвище *баргут* вызвало появление к жизни имени *новые баргуты*, ставшего самоназванием оказавшейся в Хулун-Буире части племенной общности хори.

Ключевые слова: старые баргуты и новые баргуты, Баргуджин-Токум, аймак сэцэн-хана, Северо-Восточный Китай.

Баргуты относятся к числу издавна известных монгольских этносов. В XIII в. они принимали заметное участие в общемонгольских событиях, в связи с чем их имя часто встречается в летописных памятниках. Исконной родиной баргутов

было восточное побережье Байкала, являвшееся частью обширной местности Баргуджин-Токум по обе стороны сибирского моря. В начале XVII в., когда территория у Байкала стала осваиваться пришлыми русскими, их там не было. Из случай-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-03004
© Б.Р. Зориктуев, 2016

ных и разрозненных, главным образом, дореволюционных, публикаций было известно, что на северо-востоке Китая, восточнее озер Хулун и Буир, обитают две группы так называемых старых баргутов (*хуушан барга*) и новых баргутов (*шэнэ барга*), но, не имея дополнительного материала, трудно было сказать что-либо определенное об их отношении к баргутам Баргуджин-Токума. Такая ситуация сохранялась до конца XX в., пока в результате улучшения международной обстановки не открылись границы и не появилась возможность поездок с научными целями в Китай в баргутские хошуны городского округа Хулун-Буир автономного района Китая – Внутренней Монголии. Настоящая статья написана по результатам экспедиционной поездки в Хулун-Буир в 2015 г.

Баргуты обитают на смежной территории на севере и западе Хулун-Буира двумя компактными группами. Группа старых баргутов (самоназв. – *барга*, числ. – около 10 тыс. чел.) живет в Хуушан Барга хошуне, группа новых баргутов (самоназв. – *шэнэ барга*, числ. – около 20 тыс. чел.) – в Шэнэ Барга Зуун (Восточном) и Шэнэ Барга Баруун (Западном) хошунах. Благодаря собранному полевому материалу, использованию краеведческой и научной литературы история обеих групп баргутов обрела некоторые зримые очертания. Так, старые баргуты хоть и смутно, но помнят свою бывшую родину, которая находилась на восточном побережье Байкала и называлась Баргуджин-Токумом (Баргужин-Төхөм). В старину во время жертвоприношения духам-покровителям (тайлганах) старых баргутов шаман, обращаясь к божествам-онгонам, произносил: «Хатан эхэ Баргужин, хаан эсэгэ Байгулжин» («Царица мать наша – Баргужин, Царь отец наш – Байгулжин»). В приведенном фрагменте призывания Баргужин – это Баргузинская долина на севере современной Бурятии, Байгулжин – район озера Байкал. Кроме того у старых баргутов сохранились воспоминания об острове Ольхон и о баргузинской горе Бархан. Они до недавнего времени придерживались обычая в память о своей старой родине ставить конские седла передней лукой на северо-запад по направлению к Байкалу [I; VII; IX]. Эти данные позволили установить, что старые баргуты являются потомками того самого племени баргут, которое в XIII в. обитало в Баргуджин-Токуме. Их отдаленными предками является этническая общность байырку, название которой в китай-

ских источниках записывалось как баегу. Племя байырку, управлявшееся вождями эльтеберами и иркинами, было одним из наиболее могущественных в тюрко-телеском объединении. Его становление произошло на восточном побережье Байкала [Зориктуев, 2015, с. 314–316].

Старые баргуты говорят, что их предки пришли в Хулун-Буир из Баргуджин-Токума, но этот путь оказался нескорым. Они покинули свою родину до прихода туда русских. Бурятские баргузинские информаторы сообщают эту же версию, уточняя также, что исход из Баргузина был для баргутов вынужденным шагом. Это произошло тогда, когда в местах их обитания стали расти белые деревья и водиться такого же цвета зверьки с черными кончиками ушей [II]. Если принять во внимание тот факт, что в фольклоре ряда сибирских народов появление необычных деревьев служит предвестником надвигающейся беды, то можно предположить, что для баргутов образы белого дерева и белого зверька стали знаком скорого прихода русских, обладавших страшным, изрыгавшим огонь оружием. Как бы то ни было, к приходу первых русских баргутов около Байкала не было. Русские первопроходцы, продвигаясь на восток, аккуратно фиксировали все встречавшиеся на их пути племена и народы. Но в оставленных ими записях ни начала XVII в., когда русские казахи отряды вступили в первые контакты с автохтонным населением на западной стороне Байкала, ни середины этого столетия, когда они перешли на восточное побережье озера, в частности, появились в Баргузинской долине, этноним *баргут* не встречается. Этот факт бесспорно свидетельствует о том, что баргуты действительно ушли из Забайкалья до прибытия туда русских. Высадка же первой группы русских казаков на восточном берегу Байкала датируется 1645 г. [Дополнения к актам... , 1848, № 4].

Оставив Баргузин, как сообщают китайские информаторы, баргуты дошли до верховья Амурса. Когда в 1684 г. вспыхнул крупный военный конфликт между русскими и маньчжурами из-за крепости Албазин, они по воле маньчжурских властей передвинулись на юг, в местность Бодха, в район современного Цицикара. Вскоре произошел новый поворот в судьбе баргутов. В 1727 г. после проведения китайско-русской границы для ее охраны цинским правительством стали формироваться пограничные отряды из числа коренных народов. В 1732 г. из Бодхи в Хулун-Буир

была переселена большая группа мобилизованных, включая баргутов, которые были включены в состав знаменной военно-административной организации маньчжуров. Хулун-Буир окончательно стал новой родиной предков старых баргутов [I; III; VIII].

Новые баргуты также помнят название своей старой родины – Баргуджин-Токум. До прихода в Хулун-Буир они были частью племенной общности хори, которая сейчас проживает в Забайкалье, являясь одним из основных подразделений бурятского народа. Этногенез хоринцев, у которых бытует отчетливо сохранившийся миф об их происхождении от лебеда, прослеживается до сопредельных районов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии. Идентичный в плане типологии миф имеется у крупного рода куулар, большая часть которого расселена в Туве, две другие обитают вблизи оз. Хубсугул и в Дархатской котловине. Вероятно, в названном районе некогда существовала обширная этнокультурная общность, почитавшая в качестве тотемического первопредка лебеда. После ее распада хоринцы оказались на северном берегу Байкала, откуда постепенно перешли в Забайкалье [Зориктуев, 2011, с. 153–156].

Новобаргутские информаторы, с которыми мне довелось работать в экспедиции, единодушны в том, что их предки пришли в Хулун-Буир из сэцэн-хановского аймака Халхи. Названия других регионов в их сообщениях не упоминаются. То, что хоринцы до переселения в Хулун-Буир называли себя своим исконным племенным именем или во всяком случае хорошо его помнили, сомнений не вызывает. Но долгое проживание в плотном иноэтническом окружении, быстрый отрыв от забайкальских соплеменников-хоринцев после закрытия в 1727 г. государственной границы привели к тому, что у этих хоринцев полностью сменились этническое самосознание и самоназвание. Сейчас они, употребляя в качестве своего этнонима только одно имя *шэнэ барга*, осознают себя новой самостоятельной этнической общностью и утверждают, что не имеют ничего общего с забайкальскими хоринцами, хотя их родовой состав целиком, за небольшим исключением, идентичен этническому составу хоринских бурят [IV–VI]. В связи со сказанным надо заметить, что встречающееся иногда даже в научной литературе мнение, что новых баргутов следует рассматривать как часть бурятского народа, конечно же, неверно [Нимаев, 1993, с. 79, 85, 86].

Что касается вопроса, когда и в силу каких причин хоринцы оказались в аймаке сэцэн-хана, то вначале надо ответить на другой сложный и неизученный вопрос о характере взаимоотношений между хоринским племенем и халхаским аймаком. Недавно вышедшая, основанная на новых монгольских источниках статья Цонгоола Б. Нацагдоржа подтверждает высказывавшуюся ранее в российской науке точку зрения, что в XVII – начале XVIII в. Восточное Забайкалье представляло собой зону влияния халхаского сэцэн-хана. Реально это выражалось в том, что население региона, в частности, хоринцы, административно приписанные к Нерчинскому уезду, находилось в положении данников, а получателем дани был сэцэн-хан. К числу его данников, кроме хоринцев, относились также отдельные тунгусские роды, обитавшие в Еравне. В 1674 г. казаки писали в своих донесениях, что на еравнинские озера приезжают «мунгальские люди Цысан-хана собирать с тунгусов ясак» [Зориктуев, 1997, с. 79].

По моим наблюдениям, монгольское данничество той поры имело две формы: 1) уплата дани, 2) предоставление войска, выполнявшего военное задание по приказу повелителя [Там же, с. 78–80]. Ярким примером, подтверждающим сказанное, является убийство в 1650 г. на южном берегу Байкала русского посла Е. Заболоцкого. Покушение было совершено «братскими немирными мужиками» владельца крупного монгольского удела на Селенге Турухай-табуна [Там же, с. 79–80]. Отряд «братских мужиков» высокопоставленного монгольского князя состоял из людей не указанного конкретно в источниках даннически зависимого от него бурятского племени или рода (*бурят* [buræ:d] – русское написание одной из ранних форм этнонима *бурят* [подр. об этом: Зориктуев, 2011, с. 225–228]). Зона влияния Турухай-табуна распространялась от южной границы современной Республики Бурятия на северо-восток до еравнинских озер.

Становится очевидным, что не стоит рассматривать зафиксированное во второй половине XVII в. в русских архивных источниках большое число отъездов хоринцев в Монголию и обратно как простое мирные, совершавшиеся сугубо по желанию, перекочевки в поисках хороших пастбищ для скота. По большей части это были вынужденные переходы значительных по численности групп людей для выполнения предусмотренных данническими обязанностями воинских задач по повелению сэцэн-хана.

Сохранился монгольский документ, в котором говорится, что в 1734 г. хоринец чжалан-дзангинь Жамсан (здесь я о Жамсане пишу, как о хоринце, хотя в документе он указан как баргут. Почему, как баргут, объясню ниже. – Б.З.) подал оставленный без ответа рапорт с просьбой дополнительного включения его и подчиненных ему людей в количестве 530 чел. для присоединения к сородичам в воинское соединение, отправляемое в Хулун-Буир для охраны государственной границы. Жамсан объяснил, что в то время, когда шло формирование этого контингента, он находился в Улясутае (совр. Дзабхан. – Б.З.), а оставленные на месте старшины решить данный вопрос не смогли [Нацагдорж, 2012, с. 215–216].

Воинское соединение из сэцэн-хановского аймака было направлено в Хулун-Буир в 1734 г. В него вошли 2400 чел. мужского пола, из которых были сформированы восемь корпусов (хошунов). Командиром левого крыла был назначен Дугар, правого – Цэрэн [Там же, с. 213; Tubšinnima, 1985, p. 93, 95, 96]. Основная задача корпусов заключалась в несении караульной службы по охране государственной границы. Вошедшим в состав корпусов хоринцам маньчжурская администрация дала имя – *новые баргуты* [IV; V; VI].

Устные сообщения информаторов, несколько дополненные материалами монгольских и русских архивов, указывают описанный мною путь, по которому в Хулун-Буир прибыли предки старых и новых баргутов. Другие, может быть, более надежные источники, насколько мне известно, к настоящему времени не выявлены. И тем не менее время от времени появляются работы, в которых подаются совсем другие сведения. Одно из них принадлежит перу ученого из Внутренней Монголии Д. Буяндэлгэру. Он пишет, что племя, называвшееся *баргут*, впервые упоминается в «Тайной истории монголов». Оно обитало в местности Баргуджин-Токум к востоку от Байкала. В XIII в. по обе стороны этого озера и в верховье Енисея, помимо баргутов, жили хори-туматы, ойраты и другие группы. В 1207 г. территория между Алтаем и Байкалом, занятая лесными племенами, была включена в состав Монгольского государства. За заслуги перед Чингис-ханом ойратского вождя Худуха-беки все лесные племена стали называться ойратами. В «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна имеется выражение «ouirad bagatud-un bagarhun otog-un alag čingsang...». В нем слово *bagarqun* – один из вариантов этно-

нима *баргун* (*bagarqun* – *bargun* – *bargu*). Оток *bagarqun*, т.е. баргут, занимал ведущие позиции в батудском тумэне ойратов. Его предводитель Алаг-чжи-юнь некоторое время был главой ойратского племени. В 1455 г. ойраты в верховье Енисея были разгромлены восточными монголами-харачинами. Год спустя Алаг-чжи-юнь был убит на своей родине в Кэм-Кэмджиуте, т.е. в Туве. После этого события баргутский оток стал частью восточномонгольского племени юншизбу и на его стороне участвовал в ряде сражений за политическое и военное господство над монголами. В 1508 г. группа племен, в составе которой были баргуты, подняла восстание против Даян-хана Бату-Мункэ, закончившееся поражением. Баргуты стали подданными сына Даян-хана Убасандза-чин-тайджи, после чего их следы на продолжительное время исчезли из источников. Вновь их имя всплыло в цинское время в конце XVII в. в аймаке халхаского сэцэн-хана, откуда баргуты были переселены маньчжурами в Хулун-Буир [Buyandelger, 2002, p. 1–3, 5, 6, 9, 10, 11, 20, 23, 26].

Не во всем можно согласиться с Д. Буяндэлгэром. Автору следовало четче разобраться в географическом расположении основных этнотерриторий на севере Центральной Азии. В XIII в. и позже достаточно обширная местность по обе стороны Байкала, занятая преимущественно многоязычными этносами, называлась Баргуджин-Токумом. Западнее ее, по долине Енисея, с охватом Горного Алтая, где жили предки тувинцев, алтайцев и хакасов, располагались области Кэм-Кэмджиут и Кыргыз. Важно отметить, что Кэм-Кэмджиут на юго-восток и юг простиралась до р. Селенга и северных предгорий Хангая. Поэтому местность Секиз-мурэн, населявшаяся ойратами и располагавшаяся в бассейне Малого Енисея, находилась в пределах страны Кэм-Кэмджиут [Зориктуев, 1993, с. 175–179], а не Баргуджин-Токума, как считает Д. Буяндэлгэр.

Заслуга ойратского предводителя Худуха-беки перед Чингис-ханом, выразившаяся в том, что он в 1207 г., перед началом монгольского вторжения в Саяно-Алтай, провел отряд Джочи к верховью Енисея, имела значение только для ойратов. Поэтому в источниках отсутствуют сведения о том, что по завершении енисейского похода монголов все лесные племена, включая и тех, которые с баргутами жили в Баргуджин-Токуме, стали называться ойратами. Нельзя согласиться с мнением автора, что после XIII в. баргуты вошли в со-

став ойратов и стали жить на Енисее, а их имя *bagru* приобрело там форму *bagarqun*. О том, что такого случая в истории этнонима *барга* никогда не было, говорит тот факт, что в разных районах Евразии, где были монголы, данное имя бытует только в одной известной форме – *баргут*.

Автор ошибается, считая, что до появления в Хулун-Буире старые и новые баргуты составляли единое этническое образование. Дело вовсе не в наличии в обоих названиях слова *баргут*, о котором пойдет речь дальше. Просто это были два разных этноса, каждый из которых имел свой этнический состав, свою мифологию, свою культуру, свой язык и т.д. Наконец, у каждого этноса были свое имя и своя самостоятельная, неповторимая история, которую необходимо изучать отдельно. Поэтому при исследовании баргутской истории важно указывать, о какой группе в том или ином конкретном случае идет речь. Отсутствие в разбираемой статье такого подхода обусловлено незнанием фактического материала, который можно найти только в Хулун-Буире.

Самая большая ошибка Д. Буяндэлгэра заключается в том, что он неверно интерпретирует термин *оток*, отождествляя его с понятием *род*. Многочисленными исследованиями, начатыми Б.Я. Владимирцовым и продолженными последующими исследователями, установлено, что оток, являясь важной социальной и хозяйственной единицей в структуре монгольского общества, в том числе ойратского, основывался на территориальном единстве, а не на этническом. Другими словами оток объединял разнородное, по воле случая оказавшееся на одной территории, население [Владимирцов, 1934, с. 132–137; Златкин, 1964, с. 79–81; Вяткина, 1969, с. 36, 37; Авляев 2002, с. 40–42; Бембеев, 2006, с. 19].

Оток у ойратов, как и у всех монголов, входил в тумэн, тот – в состав племени. *Оток* распадался на аймаки – группы, отнюдь не скрепленные между собой родственными узами. Но каждый отдельный аймак, что необходимо подчеркнуть, состоял из нескольких близкородственных семей, пусть и принадлежавших к разным родам, но ведущих свое происхождение от одного общего предка. Например, известный буддийский деятель и составитель нового ойратского алфавита «Тод бичиг» («Ясное письмо») Зая-Пандита, принадлежал к племени хошут, отоку гуручин, аймаку шангас. По такому же принципу раскрывается содержание выражения «*oyirad bagatud-un bagar-*

hun otog-un alag čingsang...» (Алаг-Чинсан из *bagarhun*'ского отока, *bagatud*'ского тумэна, *oyirad*'ского племени...) в сочинении Саган Сэцэна. В нем не указано, какие семьи входили в *bagarhun*'ский отток, из какой семьи и, главное, из какого конкретного рода был его глава Алаг-Чинсан. Но поскольку данный отток, подобно другим ойратским, был организован, как сказано, по территориальному принципу и состоял далеко не из родственных групп, то в него входили представители разных родов. Этот ключевой момент Д. Буяндэлгэр не учел, что привело его к неверным выводам о тождестве понятий *род* и *оток*, терминов *bagru* и *bagarhun* и о трехвековом скипании баргутов (каких баргутов? – Б.З.) за пределами своей родины по просторам Центральной Азии, чего в действительности не было.

Анализ источников, созданных после XIII в., показывает, что первые упоминания о баргутах относятся к началу XVII в. Выше я закончил разбор статьи Д. Буяндэлгэра на том месте, где он утверждает, что после разгрома в 1508 г. от Даянхана следы баргутов на длительное время исчезли из источников. Далее Д. Буяндэлгэр пишет, что после такого перерыва имя *баргут* вновь появилось в источниках в 1646 г. В качестве довода им процитирован отрывок из текста цинского манифеста от 3-го года Шуньчжи (1646), в котором содержится рассказ о битве сына маньчжурского хана Нурхацы Додо с халхаскими тушэту и сэцэн-ханами. Преследуя разбитое войско сэцэнхана Шолоя, пишет Д. Буяндэлгэр, набранного из воинов абаганаров, *баргутов* (курсив мой. – Б.З.), хатагинов и урянханцев, Додо захватил много трофеев и пленных [Buyandelger, 2002, р. 27–30]. Здесь хочу еще раз напомнить, что мне в ходе полевой работы в Хулун-Буире от новых баргутов многократно приходилось слышать, что их предки были переселены маньчжурами к Большому Хингану из сэцэн-хановского аймака Халхи. Этот взгляд, в котором по историческим меркам запечатлено событие не столь отдаленного прошлого, круто изменившее судьбу достаточно крупного этнического коллектива, позволяет говорить, что в отрывке из цинского манифеста речь идет не о каких-то абстрактных баргутах, коим посвящена большая часть статьи Д. Буяндэлгэра, а о реальных предках новых баргутов – хоринцах. Выше мною отмечалось, что предками новых баргутов была забайкальская племенная общность хори. Однако почему в цинском доку-

менте хоринцы названы баргутами? Это название имеет давнее происхождение. В XIII в. и, возможно, в более раннее время степные монголы называли обитавшие восточнее Байкала лесные племена баргут, хори и тулас, что хорошо видно из «Сборника летописей», общим словом *баргут*. Автор памятника Рашид-ад-дин этот феномен раскрывает так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 121]. Мнение отдельных исследователей о том, что здесь слово *баргут* надо рассматривать как название племенного союза, ошибочно [Нимаев 1993, с. 47]. Никаких предпосылок для существования в то время у Байкала союза племен не имелось, в связи с чем в источниках свидетельств в пользу данной гипотезы найти невозможно.

В приведенном контексте слово *баргут* – не этноним, а прозвище, данное степными монголами трем указанным группам по названию местности, где они жили (Барга, Баргуджин-Токум). Если семантика самоназвания *баргут* – «грубый, некультурный, необразованный, неотесанный» [Монгольско-русский..., 1846, с. 1108; Буряад-оруд словарь, 1973, с. 87], то значение одинаково звучащего прозвища, относившегося ко всему населению региона, включая баргутов, – «жители Барги или Баргуджин-Токума». Баргуджин-Токум в понимании степных монголов, имевших несколько пренебрежительное мнение о жителях лесов, был глухой, холодной по климату, отдаленной провинцией на окраине их державы.

Наблюдения показывают, что если прозвища через определенное время не становились самоназваниями обозначаемых ими этносов, то они, как правило, постепенно выходили из употребления и исчезали. Такая участь постигла, например, прозвище *бурут*, данное китайцами кыргызам Тянь-Шаня, сложное прозвище *булагачин* и *кэрэмучин*, появившееся, как считают, из лексикона персидско-монгольской купеческой среды и прилагавшееся к лесным племенам Предбайкалья; прозвище *калмак*, употреблявшееся ойратами по отношению к алтайцам, прозвище *луча*, обозначавшее у тунгусов русских, и т.д.

Такое же будущее ожидало прозвище *баргут*, потому что хоринцы и само собой, разумеется, баргуты всегда именовали себя своими племен-

ными самоназваниями (судьба третьей этнической группы восточного крыла Баргуджин-Токума – туласов – после XIII в. неизвестна. Вопрос о ней, если не считать некоторых кратких и крайне общих рассуждений, неизучен. – Б.З.). Об этом убедительно говорят русские архивные документы XVII в., из которых видно, что хоринцы при встрече с русскими первопроходцами неизменно называли себя своим исконным именем *хори*. Название другой общности Забайкалья – *баргут* в них не упоминается, так как она в это время уже находилась на северо-востоке Китая.

Однако ситуация повернулась так, что слово *баргут* в качестве прозвища населения Забайкалья стали употреблять маньчжуры. На монгольской территории они первыми столкнулись с хоринцами, которые, как свидетельствуют данные русских архивов и хоринского фольклора, совершали частые и продолжительные по времени перекочевки в Восточную Монголию. Возможно, одна из наиболее ранних встреч состоялась в 1646 г., о чем можно судить по тексту датированного этим временем упоминавшегося выше цинского манифеста. Тогда маньчжуры разбили войско сэцэн-хана Шолоя, в составе которого были баргуты. Содержащимся в цинском документе словом *баргут* вне всякого сомнения обозначены находившиеся в то время в аймаке Шолоя предки новых баргутов, т.е. хоринцы. Этот важный момент помогли мне уяснить, что подчеркнуто мной выше, сообщения нынешних хулун-буирских информаторов.

В ходе последующих встреч маньчжуров и хоринцев прозвище *баргут* постепенно стало приобретать этническую окраску, т.е. оно обеими сторонами стало применяться в качестве этнонима. В этом плане весьма примечательно, что в русских источниках середины XVII в. хоринцы иногда проходят под именем *баргут* [Долгих, 1960, с. 327]. Можно предположить, что так называли себя хоринцы молодого возраста, у которых после достаточно продолжительного пребывания в Восточной Халхе среди монголов и маньчжуров произошли подвижки в сторону смены этнического самосознания. Не исключено, что отдельные потомки этих хоринцев именовали себя баргутами до начала XX в., если это, конечно, не было с их стороны неудачной шуткой. Но тем не менее сохранились сведения, что в 1929 г. группа хоринского населения Гучитской волости (современный Мухоршибирский район Респу-

блики Бурятия. – Б.З.) называла себя *баргутами* [Румянцев, 1962, с. 236]. В целом же отдельные подобные проявления не повлияли на общую картину. Хоринцы в русских источниках второй половины XVII – начала XVIII в., несмотря на интенсивные передвижения в обе стороны, вызывавшиеся, главным образом, острыми противоречиями с русскими властями, с одной стороны, и необходимостью выполнения даннических обязанностей перед сэцэн-ханом, с другой, постоянно упоминаются под своим именем.

Цинская администрация, наверное, знала, что, кроме хоринцев, которых она называла *баргутами*, в Баргуджин-Токуме имеется еще одна автохтонная группа, имевшая это же самое имя. Но она вряд ли она могла думать, что когда-то маньчжуры будут жить с этими двумя разными этносами на одной территории и их одинаково звучащие имена могут стать причиной неудобств в управлении ими. Но жизнь распорядилась именно так. В 1732 г. в Хулун-Буир прибыли предки старых баргутов, именовавшие себя *баргутами*, а через два года, в 1734 г., с востока Халхи, – хоринцы, которых маньчжуры вместе с монголами называли этим же именем *баргут*. Поняв, что проблема, невольно созданная при их участии, требует немедленного разрешения, маньчжуры «настоящим» баргуджин-токумовским баргутам дали имя *старые баргуты*, а пришедшим несколько позже хоринцам – *новые баргуты*.

Такова история переселения на северо-восток Китая двух групп баргутов Баргуджин-Токума. Сообщения хулун-буирских информаторов остаются на сегодняшний день наиболее надежным и ценным источником для исследования данного вопроса.

Источники и литература

- Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – Элиста, 2002.
- Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Ставрополь, 2006.
- Буряад-оруд словарь. К.М.Черемисов зохёобо. – М., 1973.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
- Вяткина К.В. Очерки истории культуры и быта бурят. – Л., 1969.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 3. – СПб., 1848.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. – М., 1964.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2011

Зориктуев, Б.Р. Баргуты Китая и проблема происхождения этнической общности байырку (баегу) // Кыргыз жана Карахандар каганаттары. Куттуу билим жана мамлекет. Бишкек ш., 2015 жылдын аяк оона (сентябрь) айынын 18-19у. – Бишкек, 2015.

Зориктуев Б.Р. К вопросу о местоположении Баргуджин-Токума // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.

Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. – Улан-Удэ, 1997.

Монгольско-русско-французский словарь, составленный проф. О.Ковалевским. – Т. 2. – Казань, 1846.

Нацагдорж Цонгоол Б. О победе баргутов в Россию в 1730 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-удэ, 2012.

Нимаев Д.Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1, кн.1. – М.; Л., 1952.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.

Buyandelger Jiyačidai. Qalq-a barγu-yin egüsül irel // Mongyol arkivs. – Kökeqota, 2002.

Tubšinnima Galjud. Barγučud-un teüken irelte. – Öbür Mongyul, 1985.

Информаторы

- I. Нанин, 1954 г.р., г. Хайлар АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- II. Упанов Ж.Д., 1900 г.р., с. Баянгол Баргузинского р-на Респ. Бурятия, запись автора, 1978 г.
- III. Билигсүрэн, 1943 г.р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- IV. Очир, 1941 г.р., г. Амгалан АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- V. Дугаржаб Цо, 1939 г.р., г. Амгалан АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- VI. Пунсэгванжил, 1941 г.р., г. Амгалан АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- VII. Бямба, 1928 г.р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 1998 г.
- VIII. Мөнхша, 1947 г.р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.
- IX. Буяндэлгэр, 1947 г.р., г. Баян-Хурэ АРВМ КНР, запись автора, 2015 г.

B.R. Zoriktuev

About the time and ways of the arrival of two groups of the Barguts Bargudzhin-Tokuma in the North-East of China

The article researches the history of the two Mongol speaking groups of the North-East of China – Old Barguts and New Barguts. Special attention is paid to the problem when and in what ways the both groups moved from the Baikal to the places of the present habitation in China. A deep analysis of the word bargut used with the two meanings: etnonym and nickname. The nickname of bargut caused the appearance to life of the name new barguts, which became a self-name of the tribe community of Hori found in Hulun-Buir.

Keywords: Old Bargut and New Barguts, Bargudzhin-Tokum, aimak of setsen-khan, North-East of China

УДК 39:256 (=1.571.56)

В.Е. Васильев

Шаманизм народа саха: к вопросу о сущности и систематизации традиционных верований

Роль и место шаманства народов Восточной Сибири в общем корпусе ранних форм религии в научных трудах вызывает много вопросов, которые требуют утвердительного ответа на основе объективного, непредвзятого анализа. Краткий обзор историографии шаманства даёт возможность рассмотреть проблему через призму политики царской России. Это приводит к выводу о том, что в освещении шаманства свою роль сыграли идеологические установки государства и церкви, ориентированные на духовное и экономическое слияние бывших «инородцев» империи с русским народом. В этом свете разрозненные сведения о дохристианских верованиях аборигенов востока Сибири вызывают интерес в плане возрождения духовных ценностей в современном глобализирующемся мире, пренебрегающем экологическими и гуманитарными проблемами, возникающими на стыке цивилизаций Востока и Запада.

Ключевые слова: шаманизм, мировые религии, христианство, слуги дьявола, святой шаман, классификация ранних культов.

В дореволюционную эпоху шаманство народов Сибири рассматривали как мракобесие, антипод православия, а всех шаманов – как «слуг дьявола». В этом выражалось миссионерское отношение церкви к религии аборигенов, которые подлежали всеобщему крещению. В русле культурной ассимиляции и русификации «инородцев» появилась теория о существовании «белого» и «чёрного» шаманства. Эту идею не совсем верно приписывают Доржи Банзарову, который шаманство у монголов называл «чёрной верой», отличной от ламаизма («жёлтой веры»). Размышляя о сущности шаманизма, этот автор писал, что источниками веры степных кочевников являлись «сила природы и дух деятельности человека» [Банзаров, 1997, с. 31–32]. Ради справедливости отметим, что первый бурятский учёный под «чёрной верой» имел в виду верования простолюди-

нов («черни»), которые по принципам отношения к общечеловеческим ценностям не уступали учениям буддизма, брахманизма, зороастризма и возникли самостоятельно.

Идею «чёрной веры» своеобразно развивал В.Ф. Троцанский, внеся раскол между «слугами» Бога и Сатаны, хотя данная проблема заключается в сложных взаимоотношениях между адептами мировых и традиционных религий. Теория Василия Филипповича строилась на основе антагонизма между жителями разных миров. Автор признавался в том, что у него нет достоверных сведений об обрядах якутских «чёрных» шаманов, поэтому он заимствовал идею у бурят [Троцанский, 2012, с. 146–152]. Таким образом, теория о «чёрной вере» саха была построена по методу искусственного перенесения опыта буддистов на христиан. Это было сделано для того,

чтобы шаманов объявляли «поклонниками дьявола». На наш взгляд, Д. Банзаров был объективным, считая шаманство естественной верой, а В.Ф. Трошанский видел в нём религию туземцев, в которой преобладало злое начало. При этом последний ссылался на *тойонов*, писавших о том, что «шаманство не есть вера или религия якутов». На самом деле эти слова в рукописи источника отсутствовали, из чего следует вывод о том, что их приписали иркутские чиновники, составлявшие «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» [Пекарский, 2012, с. 167].

Важно заметить, что первое сведение о «святых» шаманах упоминается в статье Н.С. Горохова [2012, с. 147], который святость понимал с точки зрения христианства и порицал шаманов, верных традициям предков. О деятельности новых служителей культа И.А. Худяков писал, что они за определённую мзду исполняли ритуалы и заменяли малочисленных священников [2002, с. 166–172]. По сути, эти ловкие люди извлекали выгоду, выдавая себя за «пророков» новой веры. Бесспорно то, что здесь речь идёт о крещёных шаманах, благодаря которым якуты своего «Белого Бога» стали отождествлять с Иисусом Христом.

Более жестокий урон шаманству был нанесён в советское время, когда его объявили шарлатанством и поставили вне закона. Перегиб в политике выражался в том, что ещё в 1920 г. вышел циркуляр Якутского ревкома о борьбе против шаманства. Советы должны были изымать медные и железные предметы шаманов для нужд общества, а бубны, костюмы и идолы сжигать на местах [Слепцов, 1961, с. 52]. Нетрудно представить, как мог повлиять такой приказ на события Гражданской войны в Якутии.

Одним из видных общественных деятелей, выразивших настроения той переломной поры, был А.Е. Кулаковский. Критикуя слова В.Ф. Трошанского о том, что саха почитали богов, которым были чужды принципы добра и справедливости, автор в то же время признавался, что воссоздать из осколков древние верования саха очень сложно [Кулаковский, 1979, с. 7–8]. Поэтому автор не мог полностью отойти от концепции предшественника, что видно из его слов: «... шаманами неправильно называют жрецов, служителей Белого и Чёрного божеств». Далее он писал, что в результате упадка культа «Белого Бога» обряды плодородия исполняли «чёрные» шаманы [Там же, с. 8–9, 96–100]. Видимо, шат-

кость взглядов мыслителя заключалась в том, что он протестовал против принижения религии саха во времена царизма, но не принимал идеи марксистов, проводивших политику красного террора. Автор поэмы «Сон шамана» не мог согласиться с тем, что шаманы были объявлены сумасшедшими людьми [Ксенофонов, 1992, с. 254–265] и на этой основе их лишали гражданских прав, чего не допускал даже старый режим.

В своё время мысль о том, что шаманы были психически больными людьми, разделял и С.А. Токарев. Хотя своё сомнение по этому поводу он высказал в словах о том, что *ясного понимания шаманства не имеется*, и многие вопросы ждут более глубокого изучения [Токарев, 1990, с. 281, 266–291]. Учёный первым ввёл классификацию ранних культов, среди которых встречается и шаманство. Его классификация послужила теоретической базой для трудов Н.А. Алексеева. Но, видимо, усомнившись в верности этой системы, исследователь исключил шаманство из ранних культов, выделив в особый культ. Так, Н.А. Алексеев писал, что определить *сущность и место шаманизма* в системе верований «возможно лишь при обобщении всех имеющихся материалов, только при углубленном фронтальном исследовании религии сибирских народов» [Алексеев, 1980, с. 7–8].

Как видим, учёный ставил задачу всестороннего изучения шаманства в комплексе верований этносов Сибири и справедливо отмечал, что основной функцией шаманов является защита людей от злых сил. Сугубо шаманскими были обряды лечения больных, устранения несчастий, а также ритуалы инициации и погребения. При этом обряды, которые совершались обычными людьми до возникновения шаманизма, позже стали исполняться и шаманами [Алексеев, 2008, с. 357].

На наш взгляд, этот тезис имеет ряд спорных моментов:

1. Архаичные культы огня, леса, гор, воды были глубоко присущи всем шаманам, ибо они кормились за счет охоты, рыбалки и скотоводства. Значит, шаманы особо не выделялись среди сородичей и совершали обряды «кормления» духов природы, дарами которой они пользовались.

2. Материалы, собранные в течение двух столетий, несут на себе печать влияния православия. Это создаёт иллюзию того, что обряды христианской эпохи существовали в таком виде издревле и являлись традиционными.

3. В советское время все сведения по шаманству проходили строгую проверку и в научный оборот вводились данные, которые доказывали, что шаманы являются служителями «чёрного» культа, которые одинаково могли приносить и добро, и зло.

4. Выделение дошаманских и шаманских культов проводит «водораздел» между шаманами и народом. Шаманы отчуждались от культа плодородия, обряды которого ранее проводили родовые жрецы. Это объяснялось тем, что шаманизм обладал «антинародной» сущностью.

Несправедливость этих положений очевидна потому, что шаманы саха содержали скот, а значит, обязаны были соблюдать все обычаи, связанные с плодородием. Яркий пример перенесения поздних явлений на ранний период приводил Н.А. Алексеев [2008, с. 275]: *айыы ойууна* – это жрецы, которые ошибочно названы «белыми» шаманами. Они не впадали в экстаз, не посещали иные миры при помощи духов *абааһы*, хотя деление Вселенной на три мира было характерно и для культа *айыы*.

Этот взгляд вызывает сомнения из-за противоречивости источников. Так, одна из легенд действительно гласит о том, что *айыы ойууна* «не держит бубен и не носит костюм с подвесками», «не приносит жертв *кэрэх* и *ытык*» и вообще отличается от злого *абааһы ойууна*, который обычно имеет предков *хоро* [Боло, 1994, с. 217–218]. Из текста легенды мы можем узнать и такие факты: «чёрный» шаман, в своё время «съевший» своих врагов, раскаялся и совершил камлание к богине земли. После этого злые духи покинули его, и он, обретя творцов *айыы*, стал родоначальником двух наслегов. Отсюда видно, что знатный шаман жил во времена крещения якутов и был назначен князю за отказ от старой веры.

Существование «белых» шаманов не подтверждает и миф о том, что сын Элэя Намылба Силик являлся первым жрецом – «*үрүҥ Айыы ойууна*» [Там же, с. 266]. Если убрать из этого названия слово *Айыы*, то получится словосочетание *үрүҥ ойууна* ‘белый шаман’. Намеренно ли было написано слово *үрүҥ* с маленькой буквы, чтобы скрыть имя *Үрүҥ Айыы Тойона*, сейчас уточнить нельзя, но сомнительность текста мы определяем тем, что главный персонаж пантеона ассоциировался с образом Христа.

Не углубляясь в подробности проблем шаманизма, приведём данные, записанные от бурятско-

го учёного Т.М. Михайлова. По его словам, праздник *Тайлаган* испокон веков был связан с шаманскими ритуалами, которые проводились до полнолуния и прекращались при ущербе луны. У бурят не было строгого разделения между «чёрными» и «белыми» шаманами, а значит – и четкого определения «белый» и «чёрный» шаман. Зато были заметны синкретические явления. Так, например, в 1985 г. Тарас Максимович наблюдал у нижнеудинских бурят странный обычай: поклоняясь шаманским божествам, старики восклицали: «Лас Христос!», а на вопрос о значении слова отвечали: «Давно у нас заведено, а что это означает, мы сами не знаем». Говорят, раньше миссионеры повторяли: «Не забывайте своих *бурханов*, но Христа – в первую очередь!» [ПМА, 2005].

Бурятский *бурхан* Лас Христос относится к тому же ряду якутских богов, которые были приравнены к культу святых. Т.М. Михайлов сообщил ценную информацию, что у бурят не было терминов, обозначающих «белых» и «чёрных» шаманов. Исследователь пантеона богов «Гэсэриады» Б.С. Дугаров дополняет, что по-бурятски *хара хуштэй* означает ‘древний, мощный, сильный’. Вероятно, «чёрные» (земные) шаманы являлись древнее «белых» (небесных) шаманов. Обычно «белыми» назывались божества победителей, а «чёрными» – побеждённых, но разница между ними почти неуловима.

Зыбкость границы между идеалами добра и зла отмечается в работе С.Б. Болхосоева: некоторые божества буряты Прибайкалья иногда относили к восточным *тэнгриям*, которые со временем, освоив сакральное пространство, превращались в западных гениев. Эта метаморфоза объясняется тем, что божества других народов наделялись отрицательными чертами. Далее автор приходит к выводу: «чёрными» считались шаманы, имевшие небурятских предков и лишённые права входить в круг моления локальных групп бурят [Болхосоев, 2003, с. 5–15, 19–20]. При этом в основе поверий о чужеродном «корне» *хари утха* лежал культ женского начала и огня, а «чёрные» шаманы назывались *хүйтэни бөө* и генетически были связаны с материнским родом [Там же, с. 12–14]. Эта версия заставляет вспомнить слова шамана Б. Гансуха о том, что среди монгоلودархатов существуют хара дархаты («чёрные дарханы») и шара дархаты («жёлтые дарханы»), и первые являются наиболее древними («коренными», изначальными») [Дугаров, 2013, с. 244].

Интерпретация термина *хара* в значении «чужой» напоминает семантику монг. *хүйтэнэ* ‘холодный’. Рассматривая эту проблему глубже, мы нашли термин *хар лама* ‘духовный глава христианской веры’ [Монгол-казах толь, 1984, с. 568]. Интересно то, что сами монголы называли миссионеров «чёрными ламами». Слово *хүйтэнэ* соответствует тюркскому термину *салкын* ‘прохлада, ветерок’, который лежит в основе поверья саха о воздушной душе *салгын кут*. Название этой души иногда звучит как *сабаан кут* и ассоциируется с тёплым дыханием. Это позволяет сравнить термин *утха* с каз. *утас* и як. *утах* ‘нить’, ибо душа в виде нити определяет судьбу человека. Возможно, изначально «корень» *хара утха* был связан с пуповиной, которую монголы хоронили на родине предков, что было равносильно тому, что тюрки погребали послед под очагом. Мы раньше писали о том, что анимистические поверья тюрко-монгольских шаманистов восходят к общеалтайским культам земли и женских предков [Васильев, 2000, с. 16]. Данную тему в контексте мифов и ритуалов затрагивает Е.П. Слепцов [2009, с. 11–21]. При этом автор на наш труд не ссылается и подчёркивает, что «чёрное» шаманство саха носит элементы верований циркумполярных народов.

Символика чёрного цвета – это архетип, входящий к общему пласту тюрко-монгольской культуры. В эпосе саха Ньургун Боотур ездит на чёрном иноходце, а богиня Вселенной (чёрной земли *хара сир*) обитает внутри Мирового дерева. В лексике саха слово *хара* также означает ‘изначально’. Так, и в тюркских языках термин *кара* имеет смысловые значения: ‘большой, крупный; главный, великий, могучий’ [Кононов, 1978, с. 161–164]. В этом свете вспомним, что саха называли один из сортов кумыса *хара кумыс*, что дословно означает «чёрный кумыс». Догадка Б.С. Дугарова о первичности земных шаманов находит подтверждение в статье И.Д. Новгородова [2004, с. 23]: у якутов удаганки считались могущественнее шаманов. Якутское шаманство близко тунгусскому типу не только по внутреннему содержанию, но и внешне. Так, бубен якутского шамана похож на тунгусский, а его костюм ничем не отличается от костюма тунгусского шамана.

Сопоставление шаманизма саха с тунгусским шаманством раскрывает новые параллели. Так, шаманский «корень» у тунгусов был связан с культами земли, предков и тотемов. По тунгусским мифам,

душа всякого умершего шамана попадает в нижний мир, где правит Сэвэки – самый могущественный из всех покровителей. Шаманы имели предков *сэвэнов* и выступали как «божьи сыны» [Суслов, 1929, л. 19]. Могущество нижнего бога Сэвэки совпадает с древним поверьем саха о том, что удаганки по рангу стояли выше мужчин-шаманов.

Согласно мифам саха, священное дерево *ойук* (*уйук*) *хара мас* растёт на северо-восточном краю земли, где восходит солнце. Гнёздо большого шамана находится у основания корней дерева, гнёздо среднего – на нижней ветви, а гнёздо слабого – на верхушке дерева. По иной версии, шаманские деревья растут в нижнем и верхнем мирах, а гнёзда душ шаманов расположены снизу вверх по признаку нарастания силы. При этом гнёзда шаманов, одержимых верхними духами, находились на ветвях с южной стороны дерева, а гнёзда шаманов, одержимых духами нижнего мира, – на северных ветвях [Саввин, 1935–1941, л. 110–111, 116].

Схожие данные обнаружены у северных саха. Так, по легенде, две девушки под деревом *арыктаах мас* совершили обряд испрашивания душ детей и проглотили насекомых (жука и шмеля), упавших с кроны этого дерева. В результате девушка, съевшая шмеля, родила шамана *айыы ойууна*, а её сестра от жука зачала шамана *сиэмэх ойуун*, но во время родов она и ребёнок скоропостижно скончались [Васильев, 2013, с. 99]. Последний миф интересен тем, что на ветвях реального дерева обитали души и доброго, и злого шаманов, но хозяйка земли не позволила родиться злему шаману, несущему угрозу для людей материнского рода.

На наш взгляд, шаманские «корни» отличались по родовым и этническим признакам и были связаны с различными способами погребений. Примером тому служат мифы о том, что первыми служителями *всевышнего Юрюнг Айыы* являлись: 1) Эллэй вместе с сыном Намылба Силик; 2) дочь Омо±ой баая по имени *Сыппай* («длинногривая»); 3) внук Омо±оя Лабынха Сүүрүк, улетевший на небо [Предания, легенды и мифы саха..., 1995, с. 53, 69, 287]. Анализ этих мифов позволяет установить, что в омогоевском роде Эллэй был зятем и вначале, как «чужой», не участвовал в обрядах. Надо заметить, что в мифах Омо±ой называется бурятом, а Эллэй – татарин. И это опять напоминает представления бурят о том, что злые *тэнгриш* вышли из среды курьканских божеств, а нижний мир находился на Лене, где живут северные соседи бурят.

В эпосе саха шаманы относились к племени *айыы аймаҕа*. Фольклорист Н.В. Емельянов писал, что название «чёрный шаман» представляет собой кальку из терминологии тех времён, когда шаманов считали «слугами дьявола». Светлый шаман защищал своё племя от врагов и выступал как шаман саха. Термин «шаманизм» не раскрывает сущность вопроса и искажает представление о шаманах [Емельянов, 1992, с. 3–5].

Соглашаясь с этим мнением, подведём итоги краткого обзора. Слитность многих явлений шаманства лишает возможности разделять все культы на *дошаманские* и *шаманские*. Разложив по «полкам» ранние культы, мы не можем собрать их в одну систему. Рассказы о «белых» шаманах сложились во времена, когда шаманы преследовались. В этом свете эволюция шаманства могла проходить по такому пути: лишившись атрибутов, шаманы стали прибегать к помощи кочующих тунгусских шаманов, перенимая их костюмы и бубны. Тунгусы относились к чужим родам, отчего возникало ощущение отчуждения шамана от культуры своего этноса. На поздний переход саха на тунгусский тип шаманства указывает то, что в обрядовой лексике заимствований из тунгусских языков мало. Зато известны случаи, когда шаманы саха проходили посвящение у эвенкийских шаманов.

Шаманство народа саха нужно рассматривать в русле влияния христианства, для которого неверие в Бога было страшным *грехом*. Но саха свою веру воспринимали по-иному: для них рай и ад не были столь существенными, а идея дуализма была размыта так, что добрые и злые духи обитали во всех мирах, что лишало их острого антагонизма. В этом отражено понятие «*уот ортото*», по которому очаг в центре юрты являлся местом, где сосредоточены начала жизни и смерти. Неслучайно дух огня считался сыном Улуу Тойона – самого противоречивого бога саха [Саввин, 1937–1941, л. 42, 84]. Этот принцип *середины* напоминает учение даосизма. Отношение к «чёрным» шаманам в разные эпохи менялось: если в древности ими были выходцы из чужих родов, то позднее к ним стали относиться люди, не угодные центральной власти. Субъективность подхода к «чёрным» шаманам доказывается просто: саха и буряты взаимно причисляли шаманские «корни» соседей к сонму злых духов, но в отношении своих шаманов слово «чёрный» не применяли. Слияние культа *айыы* с православием приводило к отторжению «чёр-

ной» веры и, одновременно, к упадку культа плодородия, исконно связанного с шаманизмом.

Литература

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 318 с.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири // Этнография и фольклор народов Сибири: избранные труды. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 215–400.

Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов // Собр. соч. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 29–56.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с. – На як. яз.

Болхосоев С.Б. Шаманская наследственность «удха» у западных бурят (эхирит-булагатов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003. – 20 с.

Васильев В.Е. Древние истоки культа божеств *айыы* (по фольклорно-этнографическим материалам саха): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 20 с.

Васильев В.Е. Этнографические этюды Момского улуса // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 1 (6). – С. 98–102.

Горохов Н.С. Юрюнг-Уолан. Якутская сказка. – Ч. 1 // Казарян П.Л. Никита Семенович Горохов. Жизнь, дела, научное наследие: монография. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. – С. 124–156.

Дугаров Б.С. Присаянье – Хубсугул: историко-культурные связи и параллели. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 258 с.

Емельянов Н.В. Предисловие // Шаман: легенды о шаманах и шаманских обрядах. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 3–6. – На як. яз.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: избранные труды. – Якутск: «Север-Юг», 1992. – 318 с.

Кононов А.Н. Семантика цветообозначения в тюркских языках // Тюркологический сборник-1975. – М.: Наука, 1978. – С. 159–179.

Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов // Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 7–101.

Монгол-казах толь / Б. Базылхан. – Улаанбаатар: Өлгий; ИЯИЛ АН МНР, 1984. – 887 с.

Новгородов И.Д. Основные черты шаманства у якутов // Якутский музей: краеведческий альманах. – Якутск, 2004. – № 1. – С. 22–27.

Пекарский Э.К. Приложение I // Трошанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. – 2-е изд. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 167–172.

ПМА, 2005 – Полевые материалы автора. Запись из личной беседы автора с Т.М. Михайловым. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. 2005 г.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск: Наука, 1995. – 400 с.

Саввин А.А. Верования якутов. 1937–1941 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. 347 л.

Саввин А.А. Шаманизм: шаманы. 1935–1941 гг. // Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 64. 123 л.

Слепцов П. Циркуляр Якутского губревкома от 20 ноября 1920 г. // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. – Кн. 1, ч. 2. – Якутск, 1961. – С. 52.

Слепцов Е.П. Якутский шаманизм в контексте архаичных символических систем: мифология и ритуал:

автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2009. – 22 с.

Суслов И.М. Шаманство и борьба с ним. 1929 г. // Архив ГМИР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–77.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М.: Политиздат, 1990. – 662 с.

Троцанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. – 2-е изд. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 224 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа: (Отдельные главы). – Якутск: Бичик, 2002. – 208 с.

V.E. Vasilev

Shamanism of the Sakha people: essence and systematization of traditional beliefs

The role and place of shamanism of the people of Eastern Siberia in the general case of the early forms of religion in scientific works causes many questions that require an affirmative answer on the basis of objective, impartial analysis. A short overview of the historiography of the shamanism gives the opportunity to address the issue through the prism of the policy of the Imperial Russia. This leads to the conclusion that according to shamanism the role played by the ideological attitudes of the state and the Church focused on spiritual and economic merger of the former “foreigners” the Empire with the Russian people. In this light, the scattered information about the pre-Christian beliefs of the aborigines of the Eastern Siberia are of interest in terms of the revival of spiritual values in the modern globalized world, neglecting the environmental and humanitarian problems arising at the crossroads of civilizations the East and the West.

Keywords: Shamanism, world religions, Christianity, the servants of the devil, the Saint Shaman, classification of the early cults

902.22(571.56)“19”

Л.Н. Жукова

Археологические разведки Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского в конце XX века*

Археологическим отрядом музея выявлены пять кратковременных стоянок-мастерских на II надпойменной террасе р. Муна в Жиганском районе ЯАССР; у деревни Матта Мегино-Кангаласского улуса найдены следы пребывания древнего человека от неолита до позднего средневековья. В статью вошли материалы научных отчетов, представленных в Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР (1977–1978 гг.).

Ключевые слова: древние мастерские, подъемный материал, обломки и отщепы, орудия, датировка памятника.

Якутский республиканский краеведческий музей им. Ем. Ярославского (ныне – Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского) проводил плановые археологические работы с 1933 г. Работы выполнялись периодически и не прекращались даже в период Великой Отече-

ственной войны 1941–1945 гг. [Березкин, 1960; Заборовская, 1966; Бравина, Попов, 2008]. В послевоенное время исследования в этом направлении существенно сократились, практиковались вскрытия случайно обнаруженных захоронений, например, бронзового века в п. Кангаласы (1958 г.) [Новгородов, 1960].

* Консультационную помощь в составлении отчетов, представленных в Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР, оказал научный сотрудник лаборатории археологии ЯФ СО АН СССР В.А. Кашин.

В период работы автора статьи в музее (1974–1978 гг.) был поставлен вопрос о возобновлении систематических археологических исследований. Необходимый практический опыт был получен нами во время полевых работ Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР под руководством Ю.А. Мочанова и С.А. Федосевой на стационарных памятниках: Дюктайская пещера, Усть-Миль, Верхне-Троицкое, Эжанцы, Ихинэ, Усть-Тимптон, Усть-Чиркуо. Работы проводились в разные годы начальниками отрядов: И.В. Константиновым, В.А. Кашиным, З.И. Филипповой, Н.А. Щербаковой (1970–1974 гг.).

Этот опыт пригодился при осмотре древнеякутских погребений, сообщения о которых поступали в музей в 1976 и 1978 гг. [Жукова, 1976; 1978; 1984; 2015].

Археологическая разведка в 1977 г. была осуществлена по р. Муна Жиганского района ЯАССР, не населенной и малоисследованной в историко-культурном отношении. Район деятельности выбран с учетом пожеланий начальника Приленской археологической экспедиции Ю.А. Мочанова.

13 июля 1977 г. отряд в составе начальника, научного сотрудника музея Л.Н. Жуковой и двух рабочих – Н.Н. Тарского (студент исторического отделения ИФФ ЯГУ) и Н.Н. Терехова – из п. Жиганск на вертолете МИ-4 был заброшен на р. Муна в 360 км от устья. В дальнейшем маршрут проходили на резиновой лодке. В завершении маршрута в устье р. Муна отряд был встречен археологической экспедицией Якутского государственного университета под руководством Н.Д. Архипова, и 1 августа 1977 г. совместно вышли из устья р. Муна к метеорологической станции Менкере на р. Лена.

Река Муна – левый приток р. Лена в нижнем течении, длина ее 715 км, скорость течения не превышает 0,8 м/с. Река течет севернее Полярного круга по территории Оленекского и Жиганского районов. Полностью расположенная в пределах Среднесибирского плоскогорья р. Муна берет начало на восточном склоне Оленекско-Вилуйского водораздела и течет в широтном направлении с запада на восток.

Из-за неустойчивого водного режима река не пригодна для судоходства: летом уровень воды в реке резко падает, обнажаются многочисленные косы и перекаты, а небольшие речки совершенно пересыхают. Долина р. Муна хорошо разработа-

на, ширина ее местами достигает 4–5 км. Повсеместно и широко развиты надпойменные террасы (I – высотой 5 м, II – 10–12 м, III – 25–30 м). Одновременно весь комплекс террас встречается редко, часто отсутствует первая или вторая надпойма, береговые обрывы сложены коренными породами [Лебедев, Орлова, 1959].

Везде распространена «вечная мерзлота», летом протаивающая на глубину от 0,2 до 2,5 м. Постоянного населения на территории нет, но она периодически посещается охотниками и пастухами-оленоводами. Дорог нет, встречаются лишь малозаметные охотничьи тропы [Лебедев, 1958]. В середине XX в. район в экономическом отношении не был развит. В 1990-х гг. и в начале XXI в. в верхнем и среднем течении р. Муна проводились интенсивные геологоразведочные и геофизические работы по оценке района на алмазоносность [Широченский, 1996; Суворов, 1999; Попов, 2006]. В настоящее время в районе добывает алмазы ОАО «Алмазы Анабара», дочерняя организация ОАО «АЛРОСА».

Параллельно с археологическим отрядом музея поиски памятников древностей в Жиганском районе производила археологическая экспедиция ЯГУ под руководством Н.Д. Архипова [1977; 1978].

В 1976 г. этой экспедицией была открыта мастерская эпохи камня на левом берегу р. Муна в 50 км от ее устья. Здесь в обнажении 10–25-метровой террасы, названной местным населением Ынгыр хая (Седловидная гора), на протяжении более 1,5 км зафиксировано большое количество первичных отщепов. Готовые орудия немногочисленны: нуклеусы, скребки, скобели, найдены также пластины и резцы на пластинах. «Указанная местность в древности представляла собой гигантскую мастерскую – своеобразную сырьевую базу, куда в поисках кремнистого сланца тысячелетиями стекались первобытные племена Лены (от нее до памятника напрямик по тайге всего около 20 км)» [Архипов, 1977, с. 188].

В 1977 г. разведочными работами археологического отряда музея обнаружены пять кратковременных стоянок-мастерских древнего человека в 162, 99, 86, 55, 34 км от устья р. Муна (рис. 1). Находки каменного инвентаря представлены подъемным материалом и приурочены к береговому обнажению II надпойменной террасы, сложенной известняками и мергелями. Задернованность обнажений террасы слабая.

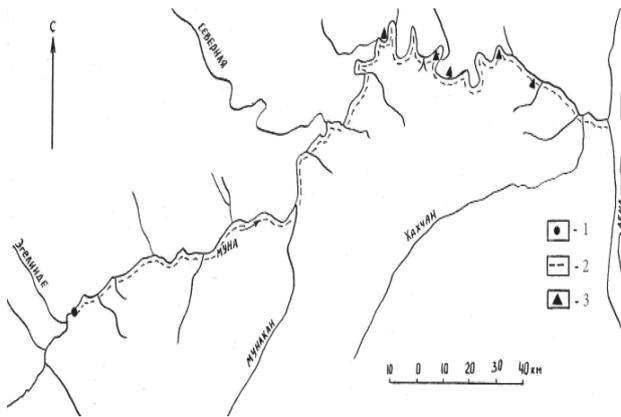

Рис. 1. Жиганский район, р. Муна. Полевые работы музея им. Ем. Ярославского в 1977 г.

Условные обозначения: 1 – место высадки, 2 – маршрут отряда, 3 – стоянки-мастерские

Стоянка 1 (162-й км)

Стоянка расположена на левом берегу реки на II эрозионной террасе, круто обрывающейся к реке. Высота террасы здесь достигает 10–12 м. На протяжении 100 м вдоль бровки террасы среди щебня, гальки и разрушенного дождевыми потоками буро-коричневого суглинка собраны отщепы (120 экз.), пластины (34 экз.) и один скол с площадки нуклеуса. Материалом для них служили плитки кремня различных оттенков от черного до светло-серого, кремнистый сланец и сланец. Сырье это в изобилии встречается здесь же в обнажении террасы. Все находки сконцентрированы в небольших скоплениях, почти треть их обызвесткована.

Скол ударной площадки нуклеуса изготовлен из черного кремня. Судя по фасеткам от снятых пластин, сохранившихся на его боковой поверхности, нуклеус относился к типу призматических, а величина скола площадки говорит о его значительных размерах: длина скола – 5,2 см, ширина – 4,2 см (табл. I, 11).

Все пластины кремневые, лишь две изготовлены из сланца. Размеры пластин различны: от массивных до мелких, однако микропластинок шириной до 0,4 см нет. Максимальная ширина – 2,5 см, минимальная – 0,5 см, средняя для всех – 1 см. Целых экземпляров – 6 шт., наибольшая длина – 8,5 см, наименьшая – 2,5 см. Полных сечений 15 экз., с обломанным верхом – 6 экз., с обломанным низом – 7 экз. По числу фасеток на спинке пластины делятся на четырехгранные – 2 экз., трехгранные – 9, двухгранные – 14 экз. Две

пластины ребристые (табл. I, 3, 4). Четыре изделия имеют участки с первичной поверхностью плитки.

Две наиболее массивные пластины с четырьмя фасетками на спинке – менее правильных форм, сняты с крупных призматических нуклеусов после нескольких неудачных сколов. Этим, очевидно, объясняется довольно значительная толщина пластин – 0,7–0,8 см (табл. I, 5, 6).

Асимметричная двухгранная пластина длиной 6 см на одной из своих граней имеет поперечные фасетки сколов, оформляющих ребро нуклеуса (табл. I, 7). Две пластинки имеют следы сработанности на одном из боковых ребер (табл. I, 8, 9), две другие ретушированы (табл. I, 10, 12).

Три отщепы изготовлены из сланца, 21 – из кремнистого сланца, остальные – из кремня. Крупных отщепов 1 экз., средних – 70, мелких – 33, чешуек – 16, пластинчатых – 7. Единственный в этой группе сланцевый отщеп на двух продольных сторонах имеет следы сработанности (табл. I, 1). На двух противоположных краях округлого отщепы из кремнистого сланца имеются следы подправки крутой ретушью, направленной со спинки на брюшко (табл. I, 2).

Этими изделиями исчерпывается материал стоянки. Все обнаруженные изделия маловыразительны, представлены отходами производства и находятся в переотложенном слое. Все это значительно затрудняет вопрос хронологической и культурной принадлежности стоянки.

Стоянка 2 (99-й км)

На правом берегу р. Муна на самой бровке каменистой осыпи II надпойменной террасы обнаружена вторая стоянка. Узкой полосой длиной более 20 м протянулись вдоль берега небольшие скопления отщепов. Всего собрано 63 отщепы и две пластины из черного полосчатого, дымчатого, серого кремня и кремнистого сланца. Часть находок обызвесткована.

Пластины трехгранные, обломанные. У первой, снятой с нуклеуса из серого кремня, обломан низ, ширина ее 0,8 см (табл. II, 3). Вторая пластина с обломанным верхом изготовлена из черного кремня, ширина ее 1,1 см (табл. II, 4). Следов сработанности или ретуши на них не наблюдается.

Материалом для отщепов (24 экз.) послужил кремнистый сланец, для остальных – кремень. Крупных отщепов всего три (табл. II, 1, 2, 5),

средних – 35, мелких – 25 экз. Четыре отщепы на спинке сохраняют поверхность плитчатой корки.

Стоянка 3 (86-й км)

Стоянка имеет сходные с предыдущими условия местонахождения. Вдоль бровки 12-метровой террасы среди плитчатых обломков материнской породы и оползающих рыхлых отложений собраны отщепы (10 экз.), обломки кремня и две заготовки нуклеусов из дымчато-черного кремня и серого кремнистого сланца.

Одна из заготовок нуклеуса изготовлена из плоской патинизированной плитки черного кремня подтреугольной формы. Высота ее – 4,8 см, ширина – 3 см. Один продольный край нуклеуса оформлен в виде извилистого ребра крутыми двусторонними поперечными сколами. Обе широкие плоскости представляют собой плитчатую поверхность, на одной из них в районе, прилегающем к ударной площадке, имеются спускающиеся вниз три коротких, но широких скола. По всей вероятности, это заготовка клиновидного или одностороннего призматического нуклеуса (табл. II, 6).

С поверхности второй заготовки из черного кремня сняты уплощающие сколы. Плитчатая корка сохранилась лишь на торцовом участке, противоположном ударной площадке. Высота заготовки – 4,7 см, ширина – 2,9 см (табл. II, 7).

Обломок кремня со сколами имеет неправильную форму. Максимальная длина его – 3 см, максимальная ширина – 1,6 см.

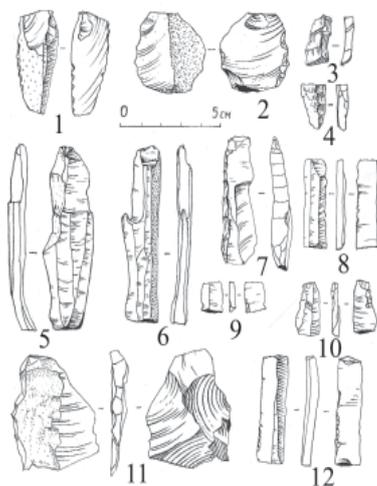

Таблица I. Инвентарь стоянки 1: 1, 2 – отщепы, 3–10, 12 – пластины, 11 – скол ударной площадки нуклеуса

Четыре отщепы из кремнистого сланца, остальные кремневые. Размеры отщепов средние.

Стоянка 4 (55-й км)

В таких же условиях на правом берегу р. Муна в бровке II эрозионной террасы найден обломок черной кремневой плитки клиновидной формы, сохранившей по верхнему краю плитчатую корку. Все сечения плитки подтреугольные. Обе ее боковые поверхности и фронтальная плоскость несут следы сколов. Длина плитки – 4,2 см, ширина – 4,2 см, толщина – 2 см. Возможно, это заготовка нуклеуса (табл. II, 8).

Стоянка 5 (34-й км)

В крутом обрыве к реке среди раздробленной породы 12-метровой террасы найдено всего одно изделие. Это обломок заготовки двустороннего орудия типа остроконечника на плоской плитке кремнистого сланца подтреугольной формы. Боковое ребро заготовки обработано уплощающими сколами так, что образуется извилистый рабочий край. Одна из плоскостей заготовки отслоилась, а на самом низу ее сохранилась плитчатая корка. Поперечное сечение линзовидное. Длина ее – 4 см, ширина – 4,1 см (табл. II, 9).

Культурные остатки всех обнаруженных стоянок представлены подъемным материалом, лежат на поверхности, возможно, в переотложенном состоянии. Они приурочены к бровке II надпойменной террасы, не имеющей более низких террас и

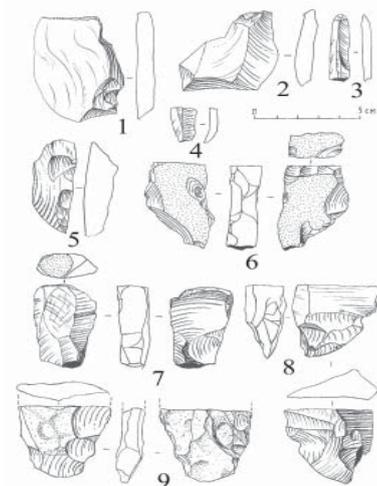

Таблица II. Инвентарь стоянок 2–5: 1, 2, 5 – отщепы, 3, 4 – пластины, 6–8 – заготовки нуклеусов (?), 9 – обломок заготовки остроконечника (?)

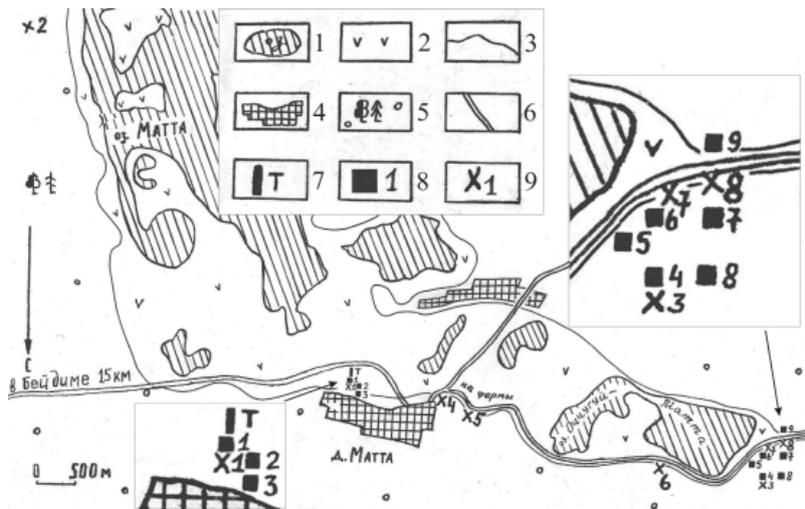

Рис. 2. План местности у деревни Матга Мегино-Кангаласского района. Полевые работы музея им. Ем. Ярославского в 1978 г.

Условные обозначения: 1 – озеро, 2 – пойменные отложения, 3 – горизонталь бровки озерной террасы, 4 – жилые строения, 5 – смешанный лес, 6 – грунтовая дорога, 7 – траншея, 8 – шурф, 9 – местонахождение сборов

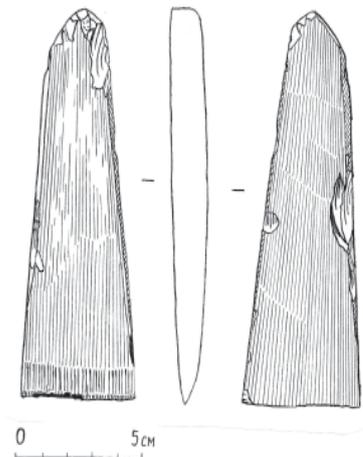

Рис. 3. Шлифованное тесло из нефрита

непосредственно переходящей в бечевник. Характер инвентаря стоянок – чешуйки, отщепы, пластины, заготовки – и отсутствие готовых изделий позволяют сделать вывод, что это кратковременные мастерские, где производилась первичная обработка плиток кремневых и сланцевых пород, в изобилии встречающихся здесь же в обнажении террас. В пользу этого предположения свидетельствует также тот факт, что все отходы производства встречаются небольшими скоплениями-гнездами, предполагающими непродолжительность пребывания здесь человека. Мастер, очевидно, в поисках подходящего сырья бросал неудавшиеся изделия и продвигался дальше.

Возможно, обилие сырья, встречающегося, как правило, в обнажениях II надпойменной террасы, объясняет идентичное геоморфологическое положение стоянок. По условиям залегания находок и специфике инвентаря обнаруживаются близкие параллели с мунскими материалами, добытыми археологической экспедицией ЯГУ. Найденные археологическим отрядом музея мастерские уступают им по протяженности вдоль берегового обрыва.

При сравнении мунских материалов с материалами соседних территорий полнейшие аналогии обнаруживаются на р. Оленек. Сходными являются геоморфология стоянок, условия залегания инвентаря, сырье, некоторые типы изделий. Однако более мощные рыхлые отложения оленек-

ских стоянок позволили И.В. Константинову, проводившему раскопки в этом районе, выделить этапы существовавшей здесь древней неолитической культуры [1970].

К сожалению, материалы, полученные в результате разведки по р. Муна, малочисленны, невыразительны и не позволяют даже приблизительно определить хронологические и культурные рамки обнаруженных памятников. В то же время сам факт присутствия их на р. Муна может оказаться предпосылкой к нахождению здесь хорошо развитых культурных комплексов. Вероятно, при будущих исследовательских работах следует учитывать, что наибольшая вероятность обнаружения следов первобытного человека так или иначе связана с местами выхода кремня и кремнистого сланца – материала, широко использовавшегося во всей арктической зоне Сибири.

В следующем 1978 г. полевые работы музея проводил у деревни Матга Мегино-Кангаласского района (рис. 2).

В конце августа 1978 г. студенческим строительным отрядом «Сардана-78» Якутского государственного университета в музей было передано неолитическое шлифованное тесло из зеленовато-серого нефрита (рис. 3). Тесло найдено на глубине 1 м 80 см при рытье ямы под сваи строящейся животноводческой фермы у деревни Матга. Требовался срочный осмотр местонахождения до завершения строительных работ. Осмотр

проводился при участии рабочих матгинского отделения совхоза им. Максима Горького с 18 по 25 сентября 1978 г.

Деревня Матта находится на двух противоположащих 8–10-метровых террасах интенсивно пересыхающего одноименного озера, на правом берегу р. Лена, в 80 км от г. Якутска на левом берегу реки.

Еще 10 лет назад, по сведениям местных жителей, озера Матта и Оччугуй-Матта были едины, а их противоположные берега соединял длинный мост. Уровень воды в озере был значительно выше современного, и вся пойма была залита водой. В настоящее время местами заболоченная и кочковатая пойма используется местными жителями под сенокосные и пастбищные угодья. Под самой деревней у подножья озерной террасы построены три животноводческие фермы, во время строительства средней из них обнаружено переданное в музей шлифованное орудие.

Ферма находится в 100 м от края сположенной 10-метровой террасы, склон которой занят под огороды и хозяйственные постройки. Тесло было найдено у задней стенки фермы, на глубине 1 м 80 см в мощных озерных отложениях черного цвета. Здесь заложена траншея длиной 2,5 м, шириной 1 м. До глубины 1 м 80 см. дойти не удалось из-за вечномерзлых грунтов, пройденная глубина 1 м 60 см – 1 м 30 см. На глубине 84–87 см в тонком слое черного горелого суглинка (мощность 1–4 см) найдены три обгорелые сломанные косточки утки. Других находок в траншее не оказалось. Стратиграфический анализ показал многие чередующиеся тонкие прослойки темно-серой супеси, темно-бурого суглинка с угольками и корешками, мелкозернистого песка. В мерзлоте уходит мощный слой черного суглинка с угольками, перегнившими листьями и стеблями трав. Вскрытая толща его 30 см (рис. 2, местонахождение сборов 1).

Отсутствие бесспорных археологических находок во вскрытых отложениях не позволяет с должной определенностью говорить о наличии культурного слоя до глубины 1 м 30 см.

Тесло сделано на плитке зеленовато-серого нефрита с продольными темными жилками. Орудие имеет удлиненно-трапециевидную форму, приостренный обушок и прямое лезвие. Поперечное сечение прямоугольное. Орудие тщательно отшлифовано, ребра боковых граней слегка сглажены. Не обработан только обушок, где со-

хранились участок плитчатой поверхности и несколько выщербин. Спинка и брюшко почти параллельны от обушка до средней линии, ниже брюшко слегка, а спинка более круто скошены к лезвию. Со стороны спинки у самого лезвия имеется дополнительная пришлифовка. На лезвии несколько выщербинок от сработанности. Длина тесла – 12,4 см, ширина у обушка – 2,5 см, у лезвия – 4,5 см, толщина у обушка – 1,2 см, по средней линии – 1,3 см, у лезвия – 0,9 см.

В поисках возможной стоянки древнего человека были заложены 8 шурфов вдоль приозерной террасы, в том числе на пашне к западу от деревни, где собраны на поверхности несколько изделий. Однако шурфы новых находок каменных орудий не дали. В шурфе № 6 под дерном в слое серой плотной перепаханной супеси (мощность 6–30 см) на разных уровнях найдено несколько фрагментов шнуровой керамики.

По восточной стенке шурфа № 6 на глубине 22 см найден фрагмент тулова сосуда с оттисками шнура. Тесто сосуда снаружи и изнутри чернобурое, хорошо отмучено, имеет примесь шамота. Толщина стенок – 0,5 см. Ниже на глубине 28 см находился фрагмент венчика шнутового сосуда. Бортик сверху приглажен, украшен косыми параллельными оттисками гребенчатого штампа, опускающегося с бортика на привенчиковую часть. Венчик орнаментирован тремя параллельными поясками того же гребенчатого штампа. Тесто плотное, в изломе черное, снаружи и изнутри черно-бурого цвета. Толщина стенки – 0,5 см, ширина бортика – 0,7 см (табл. III, 12).

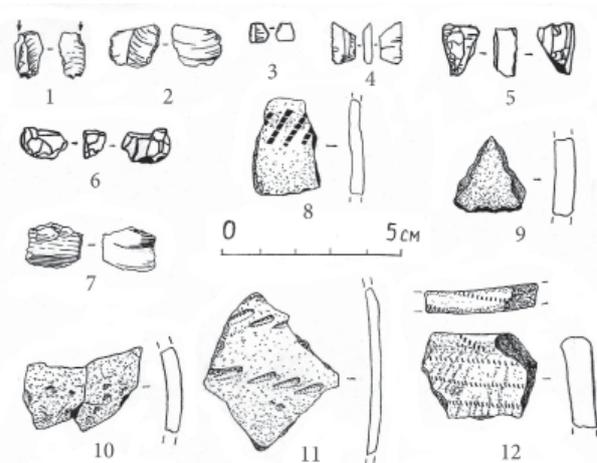

Таблица III. Находки из шурфа и сборов: 1-7 – каменный инвентарь (угловой резец, отщепы, пластины, сколы, обломки), 8-12 – керамика

Два фрагмента тулова сосуда с рельефными от- тисками шнура обнаружены на глубине 30 см. Оба фрагмента по составу теста, цвету и обжигу ана- логичны описанным выше обломкам керамики. Очевидно, все они принадлежали одному сосуду.

Время бытования шнуровых сосудов относит- ся к среднему неолиту, когда в Якутии широко распространилась белькачинская культура. Хро- нологические рамки ее бытования определяются концом V – последней четвертью III тыс. до н.э. (4100 ± 300 – 2160 ± 150 гг. до н.э.) [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 38]. К сожалению, обнаружен- ная в слое керамика находилась в переотложен- ном состоянии. Тем не менее, факт ее присут- ствия свидетельствует о раннем заселении древ- ним человеком берегов озера Матта.

По сообщениям местных жителей, они не раз находили в норах животных, на распаханых участках террасы отдельные каменные изделия. Два из них переданы нам.

Первое изделие найдено лесничим В. Прото- дьяконовым на месте старой пашни к юго-восто- ку от деревни Матта (рис. 2, местонахождение 2). Оно представляет собой заготовку небольшого топора с ушками, оформленного на расколотеи диабазовой гальке. По форме топор напоминает хорошо известные в неолите Якутии тесловидные топоры. Сходство это определяется широким овально-выпуклым лезвием, обработанным с двух сторон сколами и краевой подправкой, отно- сительно узким обушком с выступающими мини- атурными треугольными ушками и приострен- ным верхним шипом. Эти ушки подчеркивают характерный перехват в верхней части изделия. Брюшко топора представляет собой плоский скол, нарушенный подправкой в районе лезвия и обу-

шка. Спинка топора выпуклая, в центральной ча- сти занята поверхностью галечной корки. По пе- риметру спинки идут крутые, оформляющие ору- дие, сколы. На участке галечной корки, прилегаю- щей к лезвию, прослеживаются выщербинки и царапины, не исключено, что это результат ис- пользования топора в качестве наковаленки. Это предположение еще более может показаться вер- ным, если учесть, что противоположная сторона совершенно плоская и предполагает устойчивое положение. Все сечения орудия сегментовидные. Длина топора 8,8 см, толщина 2,5 см, ширина обу- шка 4,9 см, ширина лезвия 6,1 см, ширина шей- ки 4 см (табл. IV, 1).

Второе изделие найдено школьниками на краю старой пашни к западу от деревни Матта (рис. 2, местонахождение 3). Это диабазовый то- пор с ушками и обломанным рабочим краем на массивной гальке серого цвета. Топор имеет ши- рокий обушок, выступающий по краю за тулово орудия в виде небольших подтреугольных ушек. Самая верхняя часть обушка напоминает клино- видное лезвие, образованное за счет двусторон- ней обработки как крупными уплощающими ско- лами, так и дополнительной мелкой подправкой. Боковые ребра топора менее выражены, чем ре- бро обушка, довольно извилисты и неровны. За счет значительной выпуклости обеих широких плоскостей орудия поперечное сечение выпукло- миндалевидной формы. Обработка орудия шла от периферии к центру. Нельзя сказать, что изделие закончено, т.е. преобладают крупные сколы, мно- го незаконченных участков в виде изломов и не- ровностей. Боковые ребра топора слегка сходятся по направлению к лезвию, придавая орудию под- треугольную форму. Длина топора – 15 см, тол-

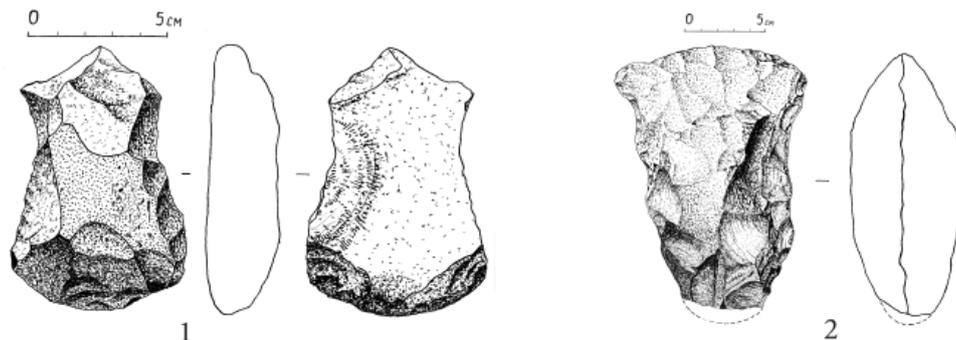

Таблица IV. Материалы сборов на пашнях: 1 – заготовка топора с ушками, 2 – топор с ушками и обломанным рабочим краем

щина – 5,6 см, ширина обушка – 10,7 см, ширина у излома – 4,5 см (табл. IV, 2).

По дороге от деревни Матта к западу, где на старой пашне найден массивный топор с ушками, осмотрена береговая терраса. Здесь зафиксировано еще пять местонахождений каменных изделий, отщепов и керамики.

На спуске дороги, проложенной от деревни к озеру и прорезающей склон террасы, после обильных дождей собраны 1 орудие, 9 отщепов, 6 чешуек и 2 пластины (рис. 2, местонахождение 4).

Угловой резец сделан на пластинчатом отщепе из белого кремня. Лезвие резца образовано резцовым сколом и чуть скошенной плоскостью излома низа отщепа. Длина резцового скола 0,3 см, ширина 0,1 см, длина отщепа 1,2 см (табл. III, 1).

Отщепы кремневые, мелкие, белого, серого и красно-бурого цвета. Два отщепа из светло-серого и белого кремня пластинчатые. У отщепа, сделанного из белого кремня, обломан верх, сохранившиеся участки боковых граней обработаны крутой краевой ретушью, направленной с брюшка (табл. III, 2).

Чешуйки сделаны из белого полупрозрачного и полосчатого кремня. Возможно, среди них имеется 4 мельчайших обломка пластин, но очень мелких размеров.

Пластины обломаны и имеют следы сработанности. Первая представлена сечением из белого кремня, у второй, сделанной из серого кремня, обломан верх (табл. III, 3, 4).

Слева от дороги на поросшей травой площадке террасы собраны два скола со следами обработки и 10 отщепов из серого и розового кремня.

Скол кремневого желвака серо-розового цвета клиновидной формы, поперечное сечение его подпрямоугольное. Наиболее крупная грань его сохранила следы одного продольного и нескольких поперечных сколов. Ребро подправлено мелкой краевой ретушью. С противоположной грани снята микропластина. Длина изделия – 1,3 см, ширина – 1 см, толщина – 0,6 см (табл. III, 5).

Второй обломок из темно-серого кремня неправильной формы. Имеет следы нескольких мелких сколов и выщербин. Длина – 1,3 см, ширина – 0,8 см, толщина – 0,6 см (табл. III, 6).

Отщепы мелкие, из серого и розового кремня и кремнистого сланца. Возможно, здесь находилась стоянка первобытного человека, но она осмотрена накануне отъезда, и земляные работы не проводились.

В 200 м к западу от дороги на склоне 10-метровой террасы (рис. 2, местонахождение 5) собраны три фрагмента тонкостенной керамики, принадлежащих одному сосуду. Судя по фрагменту от привенчиковой части, сосуд был украшен пояском косых вдавлений пятизубчатого штампа. Венчик слабо профилирован. Тесто в изломе черное, однослойное, имеет примесь мелкозернистого песка. Толщина стенок – 0,3 см (табл. III, 8). Такая керамика встречается на памятниках железного века Якутии.

В 3 км к западу от местонахождения 5 в обнажении террасы (рис. 2, местонахождение 6) подняты четыре черепка одного гладкостенного сосуда. Все они являются обломками тулова. Снаружи сосуд имел желто-серый цвет, изнутри – темно-серый, почти черный. Тесто плотное, однослойное, с примесью песка. Толщина стенок – 0,5 см (табл. III, 9). Возможно, время бытования сосуда определяется раннеякутским временем (XVII в.).

В обнажении мысовидного выступа террасы на западной оконечности озерной поймы (рис. 2, местонахождение 7) найден обломок шлифованного орудия из черного кремнистого сланца, 2 кварцитовых отщепа и 3 фрагмента керамики от трех разных сосудов.

Обломок шлифованного орудия представлен небольшим отщепом. На спинке его имеются несколько мелких фасеток от снятых сколов. Сохранились две хорошо отшлифованные грани, образующие тупой угол в 150° и разделяющее их ребро. Очевидно, отщеп был намеренно снят с ненужного, возможно сломанного, шлифованного орудия. Какое это было орудие, установить трудно, но, несомненно, оно не уступало по качеству шлифовки ранее описанному нефритовому теслу. Длина отщепа – 1,2 см, ширина – 1,6 см (табл. III, 7).

Первый сосуд представлен фрагментом тулова с заглаженными отпечатками вафли. Форма сосуда, судя по профилировке фрагмента, была шаровидной. Тесто хорошо отмучено, состоит из двух слоев, в качестве связующего компонента добавлены волосы. Изнутри и в изломе тесто черное, снаружи светло-коричневое. Толщина стенок – 0,4–0,5 см (табл. III, 10). Керамика с вафельными отпечатками была распространена в Якутии в позднем неолите, охватывающем III – II тыс. до н.э. (2900 ± 450 – 1025 ± 235 гг. до н.э.) [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 38].

Два мелких фрагмента принадлежат двум гладкостенным сосудам. У первого обжиг слабый, тесто с большой примесью песка, рыхлое,

плохо отмученное. Цвет в изломе, снаружи и изнутри серый. Толщина стенок – 0,3 см. У второго сосуда обжиг хороший, тесто плохо отмучено. Цвет в изломе черный, снаружи и изнутри розовато-серый. Толщина стенок – 0,3 см. Возможно, оба сосуда датируются железным веком.

На склоне террасы, в 200 м к западу от предыдущего места сборов (рис. 2, местонахождение 8), поднят фрагмент керамики железного века. Фрагмент принадлежал привенчиковой части тонкостенного сосуда, украшенного двумя рядами наклонных удлиненно-овальных вдавлений. Тесто плотное, с примесью травы, обжиг хороший. Цвет в изломе черный, снаружи и изнутри розовато-серый. Толщина стенок – 0,2–0,3 см (табл. III, 11).

В результате проведенного осмотра террасы на протяжении 4,5 км к западу от деревни Матта и добытой керамики из шурфа № 6 получены свидетельства о периодическом посещении древним человеком окрестностей озера Матта, по крайней мере, в среднем, позднем неолите, железном веке и в середине II тыс. н.э., соответствующей культуре ранних якутов. Материалы, полученные от местного населения и в результате наших работ, позволяют предположительно отнести начало этого процесса к среднему неолиту. К этому же периоду относится бытование топоров с ушками [Алексеев, 1996, с. 49]. Отгиски многозубчатого и гладкого штампов (табл. III, 8, 12) сопоставимы с такими же на тонкостенной керамике р. Алдан (Дюкгайская пещера, Белькачи I) [Константинов, 1978, с. 22, табл. XI – XII]. Наличие сосудов среднего, позднего неолита, железного века и раннеякутской керамики дают возможность ожидать нахождения вблизи озера Матта вещей бронзового века.

Остается невыясненным вопрос о стратиграфическом положении находки шлифованного тесла. Типологически тесло можно сравнить с похожими изделиями среднего и позднего неолита, в то же время находки этого возраста обычно встречаются не ниже 30 см от дневной поверхности. Можно предположить, что тесло попало в озерные отложения с террасы. Все следы деятельности первобытного человека приурочены к 10-метровой террасе, и только в результате смыва они могли попасть в делювиальные отложения.

А.Н. Алексеев [1996, с. 42] со ссылкой на работы Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой пишет, что шлифованные тесла появились в раннем неолите Якутии; характерными для среднего неолита были шлифованные ступенчатые тесла с

высокой спинкой [Там же, с. 49]. На памятниках позднего неолита, согласно исследованиям С.А. Федосеевой, тесла встречаются крайне редко. По предложенной С.А. Федосеевой классификации, маггинское тесло относится ко второму типу, отличающемуся трапециевидной формой и шлифовкой. Такие орудия найдены на стоянках рр. Алдан и Вилюй. Однако «отнесение их к ымыяхтахской культуре пока условно» [Федосеева, 1980, с. 185]. Так же условно описанное тесло по технико-типологическим показателям может быть отнесено к ымыяхтахской культуре.

В качестве сырья нефрит характерен для Прибайкальского неолита, отдельные находки предметов из светлоокрашенного и белого нефрита встречаются на неолитических памятниках Якутии. Совместные изыскания археологов и геологов определили источник экспорта нефрита еще в древности из месторождений Средневитимской горной страны. Петрографический анализ, химический состав и некоторые другие особенности нефритов этих месторождений и светлоокрашенных нефритовых изделий из археологических пунктов Якутии (Джикимдинское погребение, поселение Вилюйское шоссе и стоянка Владимировка II) показали их идентичность [Алексеев, Ветров, Дьяконов, Секерин, Тетенькин, 2006, с. 77]. Со ссылкой на разные источники исследователи пишут, что наиболее ранними являются находки нефритовых тесел из 5-го культурного горизонта и погребения местонахождения Сивакон (Нижняя Джилинда-I), датированных в пределах 7,2–7,8 тыс. лет назад. Небольшой обломок тесла из белого нефрита происходит из местонахождения Владимировка II (средняя Лена) со смешанным разновозрастным материалом различных этапов неолита Якутии IV–II тыс. до н.э. [Там же].

Находка у деревни Матта свидетельствует о том, что шлифованное трапециевидной формы тесло из зеленовато-серого нефрита по технико-типологическим показателям может соответствовать таким же орудиям, найденным на археологических стоянках рр. Алдан и Вилюй, а по материалу изготовления тяготеет к более южным районам. Источниками зеленых нефритов разных оттенков издавна считались месторождения Прибайкалья.

Немаловажно то, что изделие найдено в 80 км от г. Якутска, в окрестностях которого у с. Владимировка найден обломок шлифованного тесла из белого нефрита. Находки сделаны на противоположных берегах р. Лены, известно, что реки были

главными ориентирами или магистральными путями при передвижении населения с различными целями (периодические кочевки и переселения, занятия промыслами, военные походы и перевозки грузов и проч.). В частности, известно, что светлоокрашенный нефрит экспортировался на среднюю Лену на значительные расстояния из месторождений Средневитимской горной страны. Перспективно применение аналитических и других методов определения месторождения нефритовой плитки, послужившей основой для изготовления шлифованного орудия из Матты. К сожалению, оба изделия находились в переотложенном состоянии, предварительно, опираясь на классификацию, предложенную С.А. Федосеевой, их можно отнести к периоду позднего неолита.

Примечательна также находка небольшого обломка шлифованного орудия из черного кремнистого сланца среди сборов со старой пашни на местонахождении 7.

Таким образом, археологические работы музея в 1977–1978 гг. производились на памятниках, хронологически охватывающих огромный период времени от неолита до раннеякутских погребений XVIII в. [Жукова, 2015]. Несмотря на то, что находки количественно невелики, они представляют несомненный научный интерес и дополнили коллекции музея новыми данными по истории края. В результате разведочных работ на археологической карте Якутии появились новые местонахождения: в Жиганском районе на р. Муна – пять кратковременных стоянок-мастерских древнего человека. Получен ряд ценных свидетельств о достаточно раннем заселении одного из районов Центральной Якутии – окрестностей озера Матта в Мегино-Кангаласском улусе. Следы деятельности человека здесь засвидетельствованы от среднего неолита до раннеякутской культуры. Замечательным артефактом каменного века является единственное пока найденное на территории Якутии целое шлифованное тесло из зеленовато-серого нефрита.

В заключение сделаем анонс археологическим работам, проводившимся в окрестностях деревни Матта разными исследовательскими отрядами.

А.И. Гоголев в 1976 г. в 3,5 км западнее деревни Матта открыл стоянку-мастерскую Кулун-атах средневековых якутов (XIV–XVI вв.) [1990, с. 10]. В начале 1980-х гг. он же в 1 км к северо-западу от деревни открыл стоянку Кёйя. Через десять лет, в

начале 1990-х гг., работами Н.П. Прокопьева в окрестностях Матты на стоянке Аллах найдены следы пребывания человека раннего железного века (керамика с оттисками штампа, железные нож, проколка)*. В 1996 г. в районе обнаруженного нами местонахождения 4 проводил раскопные работы археологический отряд ЯГУ. На склоне террасы, прорезанной дорогой, обнаружено женское полуразрушенное захоронение неолитического времени [Кириллин, Степанов, 1996]. Материалы раскопок и сборов в районе озера Матта показывают перспективность продолжения здесь археологических поисков.

Литература и источники

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Наука, 1996. – 144 с.

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39) – С. 26–40.

Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секе-рин А.П., Тетенькин А.В. Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. – 2006. – Вып. 4. – С. 74–78.

Архитов Н.Д. Бнгыр хая – новая мастерская эпохи камня в Якутии // Археологические открытия 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 187–188.

Архитов Н.Д. Работы в Жиганском и Олекминском районах Якутии // Археологические открытия 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С. 206.

Березкин И.Г. Археологические и этнографические материалы отдела истории дореволюционного прошлого // Сб. научных статей (Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского). – Вып. 3. – Якутск: Кн. изд-во, 1960. – С. 94–108.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 294 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья. XIV–XVIII вв. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1990. – 192 с.

Жукова Л.Н. Находка в Хатассах // Социалистическая Якутия. – 1976. – 17 сент.

Жукова Л.Н. Это интересно: (Письма из музея) // Там же. – 1978. – 5 дек.

Жукова Л.Н. Археологические исследования Якутского государственного объединенного музея им. Ем. Ярославского в 1976–1978 гг. // Тезисы докладов V республиканской конференции молодых ученых и специалистов, посвященной 60-летию присвоения

* Материалы раскопок хранятся в краеведческом музее с. Майя Мегино-Кангаласского улуса.

комсомолу имени В.И. Ленина. – Ч. 2: Общественные науки. – Якутск, 1984. – С. 18.

Жукова Л.Н. Якутские захоронения позднего средневековья в исследованиях музея им. Ем. Ярославского в конце XX в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2. – С. 30–36.

Заборовская И.В. Этнографические коллекции Якутского краеведческого музея // Сб. научных статей (Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского). – Вып. 4. – Якутск: Кн. изд-во, 1966. – С. 93–101.

Кириллин А.С., Степанов А.Д. Отчет по хозяйственной теме за 1996 г. Мегино-Кангаласский улус. Автодорога Борогонцы – Тюнгюлю, 60–93 км. – Якутск, 1996 // Архив МАЭ ЯГУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 49.

Константинов И.В. Неолитические стоянки на Оленеке // По следам древних культур Якутии. – Якутск: Изд-во СО АН СССР, 1970. – С. 73–93.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.

Лебедев Т.И. Отчет о результатах геофизических работ, выполненных в бассейнах верхнего течения рек Тюнг и Муна в 1957 г. Амакинская экспедиция. Нюрба, 1958. Ч. 1–2. 98 л., 7 графических приложений. Каталогный № 02396.

Лебедев Т.И., Орлова Т.В. Отчет о результатах геофизических работ, выполненных в бассейнах среднего течения рек Тюнг, Линде – Муна в 1958 г. Амакинская экспедиция. Нюрба, 1959. Ч. 1–2. 87 л., 42 графических приложения. Каталогный № 02749.

Новгородов И.Д. Кангаласское захоронение // Сб. научных статей (Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского). – Вып. 3. – Якутск: Кн. изд-во, 1960. – С. 80–87.

Попов Н.А. Отчет о результатах поисково-ревизионных работ на россыпные алмазы в бассейнах рек Муна, Сунгюдэ, Усунку, Моторчуна за 2003–2005 гг. ОАО «Нишне-Ленское». Якутск, 2006. 243 л., 28 графических приложений. Каталогный № 20844.

Суворов В.Д. Отчет о результатах сейсморазведки ГСЗ в бассейне рек Муна и Тюнг для выявления новых кимберлитовых полей. Ботуобинская ГРЭ. Мирный, 1999. 282 л., 4 графических приложения. Каталогный № 19508.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Широченский В.Г. Отчет о поисках коренных месторождений алмазов в бассейнах верхнего и среднего течения р. Муна и р. Оленек за 1993–1996 гг. Амакинская ГРЭ. Айхал, 1996. 376 л., 15 графических приложений. Каталогный № 18880.

L.N. Zhukova

Archaeological exploration of the Yakut Republican Local History Museum named after Em. Yaroslavskogo at the end of the XX century

Archeological group of the Museum identified five short-term workshops on the river Muna in Zhigansky area Yakut ASSR; at the Matta village of Megino-Kangalassky ulus found traces of ancient people from the Neolithic to the Late Middle Ages. The article comprises material from the scientific reports submitted to the Department of Field Researches of Institute of Archeology of USSR Academy of Sciences (1977-1978), and other reporting documentation, including published.

Keywords: ancient workshops, lifting material, fragments and flakes, tools, the dating of the monument

УДК 930 (47) +930.20

В.Б. Шепелева

Истоки «советского проекта» в контексте постнеклассической познавательной парадигмы

В статье анализируются представления современников и последующей историографии относительно революционного процесса 1917 г. в России, место революционно-демократической альтернативы в 1917–1920-х гг. в контексте требований постнеклассики.

Ключевые слова: революционный процесс 1917 г., культурный код, этническая ментальность, эпоха осознанной необходимости, «эпоха совершеннолетия человечества», «новое направление», постнеклассика.

© В.Б. Шепелева, 2016

Непреложный факт сегодня – крайняя неоднозначность оценок советской эпохи. На одном историографическом полюсе исследователи склоняются к выводам о «беспрецедентном *опустошении*, причинённом 74 годами советской власти», о «всемирно-историческом обмане» или «самообмане» большевиков. На другом – приходят к заключению, что объективно XX в. есть «русский век», что «Октябрьская социалистическая революция и то, что получилось в её результате, есть величайшее явление XX столетия... (и даже) величайшее во всей истории человечества» [От победы к развалу..., 2010, с. 142; Зиновьев, 2000, с. 79–125].

Но исследование может рассчитывать на объективные результаты только при опоре на адекватные теоретико-методологические основания. Ныне утверждается в мире наук *постнеклассическая познавательная парадигма*. Обозначим её принципы. *Объективная реальность* есть иерархия сложноорганизованных нелинейных, открытых, способных к самоорганизации динамических систем. Человеческие сообщества рассматриваются как особо сложные среди них. *Непременные условия бытования последних*: им нельзя навязывать пути развития, поскольку путь предопределяется «внутренними тенденциями развития». Управляющие воздействия, не считающиеся с «внутренними тенденциями развития», или ведут к ситуации, когда «все усилия в песок», а система вопреки этим усилиям прокладывает свой путь. Или, если такие управляющие воздействия достаточно мощны, система «заболевает», здесь реальна опасность гибели системы. Зато управляющие воздействия, работающие в резонанс с «внутренними тенденциями развития», обеспечивают ускоренное восходящее развитие системы.

Применительно к обществу речь, видимо, должна идти о «цивилизационном» или «культурном коде», об *этнической ментальности*, если опираться на подходы русской религиозно-философской и научной мысли с XIX в. по современность. При этом и в этнической ментальности, и в «культурном», и «цивилизационном» коде есть смысл вычленять «ядро» – инвариант, предопределяющий идентичность этнического сообщества, цивилизации. Все названные односущност-

ные и разноуровневые феномены рассматриваются, во-первых, как неперемные (для соответствующих уровней) атрибуты личности коллективной и индивидуальной (Л.Н. Гумилёв: «...ни один человек не может жить вне этнической системы» [Гумилёв, 1990, с. 22, 48, 301–306, 489]; К.М. Кантор: «“ядро культуры”... покоится в более глубоких слоях онтологических основ социальной жизни, чем экономика, и имеет принудительную силу по отношению к сознанию индивидов» [Кантор, 1992, с.10, 11, 23, 53]). Иначе, «культурный код», если воспользоваться определениями русских философов, – это лицо, душа народа, этноса. Или – это система «коренных, устойчивых ценностей и норм, которые являются единственными для всех членов общества..., какие бы внутренние противоречия ни были ему присущи», при том что «народные идеалы – (это) важнейшие регулятивы социальной жизни, определяющие пути самодвижения... её» [Там же, с. 75]. Во-вторых, можно сказать, что пока есть «культурный код» – ядро этнической ментальности, есть этнос, народ, нация. Разрушение ядра «культурного кода» означает уничтожение этнического сообщества как коллективной личности, что, вопреки некоторым соображениям «мультикультуралистского» толка, должно подпадать под «правила запрета». Ибо самоценность народа, нации, этноса не может подлежать сомнению, хотя бы потому, что если нет личности индивида вне «этнического поля», то и человечество вне этих сообществ немислимо.

Относительно «мультикультуралистских соображений» поясним: речь идет о том, что *необходимой платой* за «современный *прогрессивный* рост... *разнообразие микрогрупповых и индивидуальных (?! – В.Ш.) культур*» является «ликвидация *самобытности культур этнических, национальных*», ибо лишь «постсоветским людям кажется, что человек не может быть без национальности» [Тишков, 2002, с. 179–194; 2003] и т.д.*? Подчеркнём, системология свидетельствует: сложноорганизованные нелинейные системы жизнеспособны настолько, насколько способны опираться на внутреннее многообразие: но антропосфера есть этносфера. Однако ныне достаточно представительным кругом исследователей евро-

*Интересно, как в таком случае быть с такими известными исследователями, как Дж. Гренвилл, Э.Д. Смит, М. Манн, Х. Сетон-Уотсон, С. Рейнольдс, А. Каппелер, А. Реннер и др., которые ближе именно к этой, якобы специфически «советской», точке зрения [Российская империя..., 2005, с. 395–442; Нации и национализм, 2002, с. 7–25, 201–235].

поцентристской ориентации фактически поставлена под вопрос самоценность культурного кода, ядра этнической ментальности, – во всяком случае, народов западной цивилизационной парадигмы, утверждается, что «сохранение исторической самобытности каждой культуры – задача... *чреватая опасными последствиями*» [Ахиезер, 1991, 2002; Абдеев, 1994; Булдаков, 1997; Гомаюнов, 1991; Кантор, 1992; Маловичко, 2008, с. 179–181; Ракитов, 1994; Хабермас, 2002, с. 366–367, 370–375; 2005, с. 269–340].

Подобные «мультикультуралистские» соображения объективно означают посприятие важнейших «параметров порядка» для человека – социума – человечества, для культуры; посягательство на такую несомненную реальность, как *этносфера*, вне которой ни человека, ни человечества нет [Гумилёв, 1990, с. 24, 42, 500; 1994, с. 38–40, 66, 400, 439.]. «Без меня мир неполный», добавим: ущербный – это особенно верно применительно к этническим сообществам. Обозначенный же выше алгоритм представляется знаковым негативным проявлением энтропийного варианта глобализации и соотносим с постмодернистской, но никак не с постнеклассической парадигмой «проекта Истории».

Между тем подчеркнем: всё исторично – современный уровень научного познания выявляет историчность как фундаментальнейшее свойство мира. В этой связи не получается ли, что научно недостаточно обоснованные импровизации, внедряемые в массовые исторические представления, оказываются нарушением основополагающих «правил запрета» не только в рамках человеческого общежития, но и миропорядка в целом? То есть «историописание» экзистенциально для страны, для народа, для мира.

Всё сказанное выше касалось внутрисистемных отношений. Между тем иерархия систем предполагает, что системы – части мегасистемного целого, должны уметь соответствовать требованиям мегасистемы. Для мира людей мегасистема – планетарное человеческое сообщество, а требования её – это «Вызовы времени» для социумов. Вместе с тем Вызовы времени оправданно соотносить с требованиями «общецивилизационного прогресса» (смена технико-технологических укладов, способов производства), а в предельных измерениях – с историософскими построениями. И, как уже не раз отмечалось, между историософией К. Маркса и христианством несо-

мненные переключки, причём по степени универсализма до сих пор они не имеют «конкурентов».

Сами же ситуации Вызовов времени сопоставимы с разбалансировкой общества, в пределе – с общенациональным революционным кризисом, когда явно раскрывается феномен нелинейности социума как «поле возможностей» относительно будущего. И критический момент кризиса – «точка бифуркации» (по синергетике) приводит к выходу хаотизированной системы случайным образом на новый аттрактор – квазистабильность. В обществе роль «случайности» исполняют люди, со своими интересами, задачами, целями. «Поле возможностей» социума лимитируется, если учитывать предельные значения, с одной стороны, «ядром» культурного / цивилизационного кода/этнической ментальности, а с другой – требованиями мегасистемы: Вызовом времени.

Для России к 1917 г. обозначилась крайне сложная ситуация: жёсткий Вызов эпохи модернизации совместился с развёртыванием в мире «эпохи осознанной необходимости» – её требований. И Первая мировая война заставила ведущие страны-участницы действовать в рамках нового алгоритма – «осознанной необходимости» – посредством системы ГМК. Уточним: монополистический капитализм уже фактически, по необходимости, есть вступление в «эпоху осознанной необходимости». На гносеологическом уровне марксизм, по определению Зб. Бжезинского, кладёт конец «эпохе исторической бессознательности». А в России А.И. Герцен впервые в мире формулирует идею выбора пути исторического развития – сущностную идею «эпохи осознанной необходимости», идею, как бы из недр сегодняшней постнеклассики. И более того, у Герцена были предшественники и в определённом смысле единомышленники: отечественные мыслители от П.Я. Чаадаева до славянофилов, а затем – вся линия русской религиозно-философской мысли, имеющая отношение к развёртыванию идей относительно «продолжающегося антропогенеза и миротворения», эпохи «совершенствования человечества». Так или иначе эти прозрения, идеи присутствовали в народнически-неонароднической мысли. А кроме того, свою роль на рубеже XIX–XX вв. сыграло увлечение русских марксизмом. Общее и в первом, и во втором – приверженность диалектике, принципу историзма. Сама же формула: «эпоха осознанной необ-

ходимости» = «эпоха совершеннолетия человечества» означает небывалую ранее ставку на субъективный фактор, при том что в пределе здесь каждый член общества – субъект.

Что отсюда следует? С одной стороны, как показал ещё П.В. Волобуев, в ходе революции – объективно назревшего процесса – всё разрешается в конечном счёте на уровне субъекта: борьбой партийно-политических субъектов, стремящихся получить поддержку массовых сил [Волобуев, 1987, с. 19–57]. В итоге роль субъективного фактора в революционной России 1917 г. оказалась мощно актуализирована законами самой революции плюс разворачивающейся «эпохой осознанной необходимости».

Отметим, Россия к 1917 г. – «страна второго эшелона капитализма» со всеми вытекающими отсюда острейшими противоречиями (что обстоятельнейшим образом было раскрыто в советской историографии «новонаправленцами»). Достаточно сослаться на факты реальности монополистического капитализма и так и не состоявшегося в качестве основы сельского хозяйства аграрного капитализма, на феномен «октябристского капитала», когда высший капитализм оказывался препятствием на пути прогрессивных капиталистических тенденций и т.д.

Ленин в ходе уроков Первой русской революции пришёл к выводу об определяющей для судеб страны, судеб российского капитализма роли *аграрного вопроса*, а после неудачи столыпинского реформирования – *крестьянско-аграрного вопроса*, причем разрешимого теперь только посредством аграрно-крестьянской революции – «оселка» всей буржуазно-демократической революции в России. При этом «новонаправленцы» фиксировали нелинейность ленинских прогнозов о возможных векторах послереволюционного хода событий: или «американски быстрый» капиталистический прогресс, или импульс для социалистической революции на Западе. Ленинские оценки и коррективы весны 1917 г. в кругах «новонаправленческой» ориентации на рубеже 60–70-х гг. трактовались «предельно близко к тексту» – как видение возможности реализации революционно-демократической альтернативы (РДА), облегчающей *затем* «шаги к социализму»; не выделялось, правда, допущение Лениным возможности реализации в 1917 г. либерально-буржуазного пути развития. Поясним: с марта 1917 г. либералы держали в своих руках соб-

ственные судьбы и судьбы России, причем с мая при помощи умеренных социалистов. Нерешение ими во всех правительственных вариациях главных задач *революции масс* обрекало последнюю на поражение, как и катастрофическая властебоязнь официальных эсеров и меньшевиков. То есть ни либералы, ни господствовавшие в массах после Февраля умеренные социалисты не обнаружили адекватности требованиям *эпохи осознанной необходимости*, не смогли выйти на уровень исторического субъекта. Отсюда как спасение этой революции – большевистско-левоэсеровский Октябрь: революция пролетарская плюс *общекрестьянская* и потому буржуазно-демократическая в значительной мере до лета–осени 1918 г. Правда, «новонаправленцы» из дискуссий 60-х гг. *выводов* относительно социально-экономической природы российского крестьянства и *потому* характера крестьянской революции *не делали* и ленинскую трактовку российского крестьянства как мелкой буржуазии не анализировали. Но в перестроечно-постсоветских условиях «точки над *i*» А.М. Анфимовым, особенно В.П. Даниловым были расставлены: факт «революции общинно-крестьянской» был признан, как и значение крестьянской ментальности в истории страны; в итоге можно говорить о революционном процессе 1917 г. как многосоставном, включающем революцию общинно-крестьянскую, помимо крестьянской буржуазно-демократической, пролетарскую, солдатскую, национальные революционные движения, а на первых порах (Февраль) и революцию классическую буржуазную [Шепелева, 2009, гл. 3–5].

В целом, если освоение в мире новых *субъект-объектных* возможностей не обходилось и не обходится без «метода проб и ошибок», то тем не менее факт – интеллектуально и ментально исключительное «попадание в точку» большевиков в 1917 г., когда оказалось, что вырвать страну из губительной для неё войны, покончить с «формационной» отсталостью, обеспечить системную модернизацию возможно лишь в перспективе *эпохи осознанной необходимости*, сопряженной с постэкономической перспективой.

Эта предельно высоко заданная планка Октября определяла существо «советского проекта». Удержать её оказалось, однако, проблематичным на политико-управленческом уровне в силу ограниченной версии РДА; ограниченных в итоге возможностей проявления потенциала совокуп-

ного российского субъекта, тогда как «советский проект» конститутивно увязан со ставкой на субъект, когда в пределе субъект – каждый член общества. Подчеркнём: адекватной опорой при анализе концепций революции выступает в соответствии с постнеклассикой *историко-ософско-антропологическая матрица*, соответствующая «ядру» культурного кода России и задающая синтез цивилизационного и формационного подхода. Важной основой выявления намечавшихся к 1917 г. исторических альтернатив и одновременно *второй матрицей* для анализа оценок революции является социально-экономическая модель России, реконструированная «новым направлением», уточненная в постсоветское время. «Изоморфность» «западников»-большевиков, Ленина, «революции масс» убедительно раскрыта в социально-экономическом, политическом, отчасти ментальном, срезе представителями «нового направления» (с учётом постсоветского периода), «направления», доказавшего свою «открытость» выходом на новые предметные сферы, выявляющего вариативность исторического процесса и обнаруживающего в целом комплиментарность постнеклассики.

Установлена сходная логика движения поисков для А.И. Герцена, затем В.И. Ленина, наконец – «новонаправленцев»: от «западничества», линейного прогрессизма (упрощенного *общего*) к *особенному, конкретному*, к типологической специфике российского капитализма, в частности. Здесь уже намечается движение к синтезу формационного и цивилизационного подхода [Шепелева, 2013, с.14–15, 28].

При этом обращение к идеям, прогнозам, настроениям-ожиданиям современников – т.е. к явлениям, предуготовливающим по-своему «грядущий конфликт» (здесь субъект и объект в переплетении), как и расклад социальных сил, исходя из этнически-ментальных ориентиров, обеспечивают существенно иную потенциальность в пользу небуржуазного исхода, нежели расстановка сил на партийно-политическом уровне в 1917 г.

Специфика представителей русского суперэтноса в контексте ментальной матрицы, глубокая некомплементарность им ценностей либерализма и как итог – именно «русская идея» привели к превращению партийного большевизма в сильный фактор российской политической реальности, «русская идея» объясняет и феномен необы-

чайно широкого «русского марксизма», а позднее – низового рабочего и солдатского, крестьянского большевизма, она – источник того самого «чуда» победы большевиков в 1917 г., затем в ходе Гражданской войны; «чуда», если не видеть за ним мощной ментальной основы. Таким образом, помимо прочих факторов «за» и «против» Октября 1917 г., ментальность российская подталкивала ход событий в пользу небуржуазных итогов.

Знаково, что источники и историография фиксируют реальность *небуржуазных проявлений* и среди российских либералов.

Но ленинская концепция РДА в 1917 г. оказалась непонятной для многих партийцев. Как ни странно, но в советской официальной историографии (и в литературе зарубежной) закрепились *каменевская трактовка* ленинского видения Февраля и двоевластия (реально речь шла о концепции Л.Д.Троцкого, а вовсе не В.И. Ленина), при том что места для РДА в ней быть не могло. Видимо, и эту интеллектуальную ситуацию среди большевиков 1917 г. необходимо учитывать, оценивая возможности РДА.

Ленин успех «буржуазно-демократической революции *нового типа*» увязывал с взятием власти *революционной демократией*, что, помимо успешного разрешения задач этой революции, означало бы *эволюционные* «шаги к социализму»; тем более, что по существу экономической политики, казалось, едины были основные силы революционной демократии.

Самое существенное здесь – вопрос об упущенной – оптимальной в 1917 г. возможности «мирной революции», альтернативе, исключавшей угрозу Гражданской войны и создающей оптимальные шансы для решения первоочередных, затем среднесрочных – модернизационных задач и обеспечения эволюционного движения к социализму. Сохранение принципиальной последовательности для эсеров-черновцев и левых эсеров, для меньшевиков-интернационалистов – вот, казалось бы, все необходимое, дабы полноценная РДА (к которой подталкивали социалистов большевики) одержала верх.

Как минимум трижды в 1917 г. революционно-демократическая стихия – большинство России выступало «умнее» партийно-советских меньшевистско-эсеровских центров, подталкивая ситуацию в сторону РДА, срываемой раз за разом этими центрами. Наиболее адекватны обозначенной стихии оказались при всех доктри-

нальных издержках большевики, ставшие на деле самой прокрестьянской партией по вопросу о земле (да и власти), «общенациональной партией» по вопросу о войне и мире, по ставке на регулирующую многоукладную экономику.

Итак, Октябрь трактуется как спасение в последний момент *революции масс*. Однако Октябрь – это *не полномасштабная* в политико-партийном измерении *революционно-демократическая власть*, а её левый фланг, вскоре обернувшийся однопартийностью. Уникальная ценность РДА – исключение угрозы гражданской войны – была серьёзно ослаблена, что не замедлило обнаружить себя и чему радикально поспособствовали умеренно-социалистические центры, не считая усилий всего правого блока.

Переход к нэпу означал объективно признание адекватности для России РДА – прежде всего союза с крестьянством (особенно середняком) не только на время политического, но и *социального* этапа революции. Однако попытка её (альтернативы) частичной реализации уже в силу «частичности» оказалась проблематизирована. Вместе с тем обширная советская и современная с добротной конкретикой историография (нередко вне зависимости от авторских позиций) дают обильный фактический материал в пользу выводов о жизнеспособности РДА, шансы для реализации которой открывал Октябрь.

Показательны интерпретации современников революции – Г. Мейера и П.Б. Струве, позиционирующих себя как имперцев-националистов и приходящих к выводу об укорененности Октября – «настоящей революции» в народной толще-этнизме, которая тем не менее есть «национальное банкротство и мировой позор». Эта «квадратура круга» разрешается авторами отказом «эмпирическому русскому народу» в праве на Россию, реально же – противопоставлением себя ядру культурного кода русских. Более последовательная разновидность такого подхода (Р. Пайпс, группа А.С. Ахиезера) оборачивается отказом русскому суперэтносу в праве на историческую оправданность. Попытки М. Малиа, В.П. Булдакова применить «психопатологический» метод к изучению 1917 г. через сведение человека к «Оно» – сомнительны на уровне концептуально-антропологического и историософского самоопределения авторов, противоречат требованиям постнеклассики с позиций подхода и к нации, и к человеку.

«Сквозной подход» к историографии обнаруживает, что большинство современников и позднейших исследователей признавало объективную обусловленность Октября и при самом негативном его восприятии. «Вынужденные объективисты» из непримиримых оппонентов Октября и «объективисты действительные» из первой эмиграции сходятся в «объективизме» через обращение к *этнической ментальности* – т.е. реальным «внутренним тенденциям развития» социума; но из них неумолимо следует, что «настоящая революция» – это Октябрь, что «реально *вся революция* как народное движение... рождалась и родилась из духа большевизма». В обвинениях же *марксизма-большевизма* в «гордыне», «прометеизме» в противоположность «скромности» либерализма нечаянно улавливается сущностная ограниченность западных духовных притязаний, по сравнению с русско-православными, а «вера в спасение через историю» обнаруживает «резонансность» марксизма и русской религиозно-философской мысли, русской ментальности; «большевизм-прометеизм» предстает в качестве явления, предуготовленного изнутри *России мыслящей и страдающей* [см. подробнее: Шепелева, 2009; 2010].

Прослеживается связь: отечественная социально-гуманитарная мысль XIX – начала XX вв. кладёт предел линейной познавательной традиции – и Россия на практике историческим выбором 1917–1920 гг. закрепляет то же самое, с гносеологического языка перейдя на язык онтологии и обеспечивая ответ на двойной вызов Времени.

Октябрь, нэп – это важные, в основе своей органические пласты исторического бытия России, в то время как внутренние негативные тенденции, приведшие в конце концов к *возможности* советской катастрофы, не в сущности Октября и не в сущности нэпа. Они – в антинэповских, а глубже – в противостоящих ядру культурного кода, «русской идее» представлениях и способах действия. Россия как модель мира, эпохальный исторический субъект, проявилась очень убедительно в советской ипостаси, раскрывая не только свой цивилизационный код, но и культурный код планетарного сообщества. Попытки изъять большевистский Октябрь, советскую систему из истории России означают объективно подрыв культурного кода России – самой личности народа; означают посягательство на «целое» России и всемирной истории.

Литература

Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994. – 334 с.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1. – М., 1991. – 318 с.

Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск, 2002. – 607 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 373 с.

Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность: общественно-политическая литература. – М.: Политиздат, 1987. – 312 с.

Гомаюнов С.А. Анатомия антисистемы: к вопросу о природе тоталитарных обществ. – Киров, 1991. – 99 с.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. В.С. Жекулина. – 3-е изд., стер. – Л., 1990. – 526 с.

Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Ди Дик, 1994. – 542 с.

Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 128 с.

Кантор К. М. История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики – М.: Наука, 1992. – 147, [3] с.

Каттелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. – М., 2005. – С. 395–435.

Маловичко С.И. После государственной истории: историографические поиски коэксистенциального целого // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Матер. междунар. науч. конф. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 179–181.

Нации и национализм: сб. ст. / пер. с англ. [и нем.]. – М.: Праксис, 2002. – 409 с.

От победы к развалу. Беседы А. Зиновьева с В. Кожемяко // Наш современник. – 2010. – № 5. – С. 142.

Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 14–34.

Реннер А. Изобретающее воспоминание: русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 441–442.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. – М., 2005.

Тишков В.А. После многонациональности // Знамя. – 2002. – № 3. – С. 179–194.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 542, [1] с.

Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм: сб. ст. / пер. с англ. [и нем.] Л.Е. Переяславцевой и др. – М., 2002. – С. 364–380.

Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Политические работы. – М., 2005. – Гл. 11. – С. 269–340.

Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. – 704 с.

Шепелева В.Б., Из историографии революционного процесса 1917 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12, № 6 (38). – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. – С. 187–192.

Шепелева В.Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Тюмень: Изд-во ОмГУ, 2013. – 39 с.

V.B. Shepeleva

The origins of «the Soviet project» in the context of post non-classical cognitive paradigm

The article analyzes the representation of his contemporaries and subsequent historiography regarding the revolutionary process in 1917, in Russia, the place of the revolutionary-democratic alternatives in 1917–1920 in the context of post non-classical requirements.

Keywords: a revolutionary process of 1917, the cultural code, ethnic mentality, the era of perceived need, “the era of majority of mankind”, “a new direction”, post non-classical

В.В. Филиппова

ГИС-технологии в исследовании истории Якутии (по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. и Всесоюзной переписи 1939 г.)

В статье представлены результаты внедрения ГИС-технологий в исторические исследования на примере реконструкции численности и расселения коренных малочисленных народов Севера по данным переписей населения 1926–1927 и 1939 гг. Использование ГИС-технологий позволило уточнить численность тунгусоязычного населения по данным переписей 1926–1927 гг., осуществить пересчет их численности в границах районов по состоянию на 1936 г.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, эвены, эвенки, Приполярная перепись, географические информационные системы, Якутия.

В исторических исследованиях последних лет, наряду с традиционными методами и подходами, применяются новые, которые используются смежными гуманитарными и естественными науками. Междисциплинарный подход к историческому исследованию как следствие интеграции наук позволяет решить ряд задач и проблем современной исторической науки.

Одним из таких междисциплинарных методов, используемых в исторических исследованиях, являются географические информационные системы (ГИС), позволяющие систематизировать, анализировать и визуализировать информацию, хранящуюся в базе данных. Сегодня уже практически ни у кого не вызывает сомнений необходимость перехода на новый этап более глубокого интегрирования возможностей ГИС в исторические исследования [Владимиров, 2006, с. 87].

Можно назвать два университета, где геоинформационные системы служат основой исторического исследования: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Алтайский государственный университет. Применение информационных технологий, в том числе и ГИС-технологий, в исторических, историко-культурных, историко-этнографических исследованиях в последние годы активно используются в других региональных научных центрах (КарНЦ РАН, ПетрГУ и др.). Также имеется ряд проектов по созданию и применению ГИС в исторических исследованиях, поддержанных в разные годы Российским государственным научным фондом.

В данной статье приведены результаты исследования, осуществленного в рамках проекта основного конкурса РГНФ, реализованного в 2011–2012 гг. под руководством автора статьи. Приобретение фиксированной лицензии для ArcGIS for Desktop Basic (ArcView) в рамках проекта РГНФ №11-01-12004в позволило создать ГИС «Расселение коренных малочисленных народов Севера в первой половине XX в.».

Одним из преимуществ ГИС-технологий является анализ большого объема информации, охватывающий разные исторические периоды и большую территорию исследований. В настоящее время продолжается формирование базы данных разработанной ГИС. Основным объектом ГИС выступает система расселения народов Якутии. Выбор ГИС в качестве метода исследования расселения народов Якутии и их демографических характеристик был обусловлен тем, что он позволяет:

- выявлять закономерности формирования системы расселения народов Якутии в XX в.;
- проследить изменения в ареалах их расселения за исследуемый период;
- выполнять пространственно-статистический анализ и моделирование демографических процессов с использованием ГИС-технологий.

ГИС позволяет согласовать различные источники информации (статистические, картографические, исторические и т.п.) для воссоздания системы расселения КМНС Якутии в XX в. и пространственно-статистического анализа демографических процессов (более подробно о структуре разработанной ГИС см. [Филиппова, 2012а]).

Также выбор ГИС в качестве эффективного метода изучения демографических процессов обусловлен тем, что данная система позволяет на единых методических принципах, создавать разновременные тематические (компонентные и интегральные) карты-слои, а затем, применяя оверлейные операции, получать производные карты-слои, показывающие качественно-количественные изменения. Из этого следует, что геоинформационное картографирование подходит для пространственно-статистического анализа демографических процессов [Филиппова, 2012б, с. 112–117].

В качестве растровых данных выбраны и введены в ГИС картографические источники, выявленные в Российском государственном архиве экономики, Национальном архиве Республики Саха (Якутия) и в текущем архиве лаборатории электронных картографических систем кафедры географии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Из всех отобранных для ГИС картографических источников наиболее подходят для привязки населенных пунктов, содержащихся в атрибутивных данных, следующие карты: «Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР» [1933] и «Карты-схемы районов Якутской АССР по состоянию на 1936 г.» [РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 55].

Для ГИС-картографирования были выбраны и созданы в программе ArcView общегеографические основы масштаба 1:15000000 для карт в разрезе улусов (районов) и 1:2500000 – для карт на уровне населенных пунктов. Выбор данных масштабов обусловлен тем, что они традиционно используются для тематического картографирования всей территории Якутии. Именно в этих масштабах созданы практически все открытые картографические произведения Якутии, что позволяет сопоставить представленные в них сведения. Перед введением в тематический слой многие картографические материалы подвергались предварительной обработке – приведению в единый масштаб, единую проекцию, а при необходимости – типологической и графической генерализации из-за чрезмерной детальности карты-источника.

Особенностью ГИС является наличие в них аппарата пространственного анализа данных об исследуемой территории, что позволяет визуализировать сведения, хранящиеся в атрибутивных данных в виде карт.

Атрибутивные данные включают материалы опубликованных и неопубликованных источников и статистические данные. Изучение расселения и демографических характеристик было начато с выявления и оценки значимости разнообразных источников, определения степени их сохранности, объема содержащейся в каждом из них информации, её полноты и достоверности. В ходе изучения источников было установлено, что документы исторической статистики являются основой для создания списочного состава населенных мест. Сведения о численности и расселении населения в первой половине XX в. предоставляют материалы первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. и специальной Приполярной переписи населения 1926–1927 гг., которая положила начало статистическому учету малочисленных народов, и данные переписи 1939 г.

Анализ данных переписей населения 1926–1927 гг. и 1939 г. позволил разработать структуру атрибутивных данных, включающую в себя следующие сведения: административно-территориальная принадлежность населенного пункта; название населенного пункта; национальный состав; численность населения; число хозяйств, хозяйственная деятельность.

Ввод большого объема разнообразной информации из широкого круга источников в разработанную ГИС позволил проанализировать изменения численности и расселения коренных малочисленных народов Якутии в первой половине XX в. и реконструировать их расселение на уровне поселений в виде разновременных тематических слоев (рис. 1).

Составленные тематические слои в виде карт показывают сокращение ареалов расселения коренных малочисленных народов Севера в 1926–1939 межпереписной период, что было связано с политикой коллективизации, переводом кочевого населения на оседлый образ жизни и укрупнением населенных пунктов.

Данные переписей 1926–1927 гг. даются в разрезе округов, что затрудняет их сопоставление с данными последующих переписей населения. Для этого в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) были выявлены и введены в ГИС первичные материалы переписей 1926–1927 гг. на уровне поселений.

Следующим этапом работы стал пересчет населения по районам Якутской АССР по итогам переписи населения за 1926–1927 гг. в границах районов по состоянию на 1 октября 1936 г.

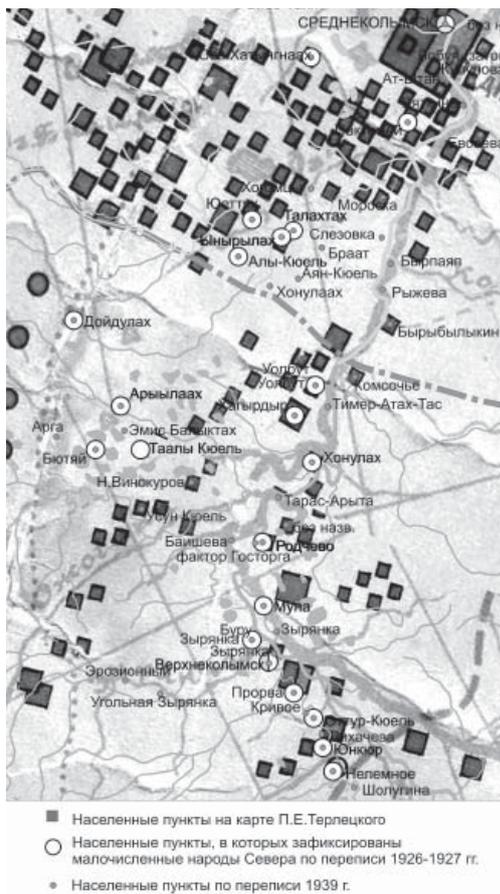

Рис. 1. Реконструкция расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии на уровне поселений, по данным переписей 1926–1927 и 1939 гг. (составлено в созданной автором ГИС)

Анализ источников исторической статистики показал, что погрешности в учете численности как эвенского, так и эвенкийского населения встречаются в материалах всех переписей населения. Так, анализ первичных материалов Приполярной переписи населения по Якутской АССР, введенных в ГИС, позволил уточнить численность тунгусоязычного населения Якутии по переписи 1926–1927 г. В материалах переписи 1926–1927 гг. эвены и эвенки впервые были зафиксированы как отдельные этносы – ламуты и тунгусы, тогда как в ранее проведенных Всероссийских переписях Российской империи их указывали вместе – как «тунгусы». Ламутами в материалах Переписи 1926–1927 гг. были записаны эвены северных районов Якутии, которые проживали на территории Булунского, Верхоянского и Колымского округов. В официально изданных материалах переписей

1926–1927 гг. до настоящего времени указывается численность эвенов в количестве 738 чел. [Всесоюзная перепись..., 1928]. Таким образом, выходит, что по официальным источникам за межпереписной период 1926–1939 гг. численность эвенов, проживавших на территории Якутии, увеличилась в 4,3 раза (с 738 в 1926–1927 гг. до 3133 чел. в 1939 г.), а численность эвенков уменьшилась в 1,3 раза (с 13145 до 10432 чел. соответственно) (таблица). Данный факт поставил перед автором вопрос о причине такого резкого увеличения численности эвенского населения в 1926–1939 межпереписной период.

Численность эвенов Якутии по данным переписей 1926–1927 и 1939 гг., чел.

(подсчитано автором на основе первичных материалов*, введенных в ГИС)

	По переписи населения 1926–1927 гг.	По данным пересчета на основе первичных материалов переписи 1926–1927 гг.	По переписи 1939 г.
Эвены	738	3319	3133
Эвенки	13145	10892	10432

* Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 70. Оп. 1. Д. 845; 846; 923.

Пересчет численности тунгусо-маньчжурского населения Якутии на уровне поселений, по первичным материалам переписи 1926–1927 гг. и в границах районов по состоянию на 1.X.1936 г. в созданной ГИС позволил найти ответ на поставленный вопрос. Выявлено, что часть эвенов, проживавших преимущественно в Якутском округе, были ошибочно переписаны как тунгусы (эвенки): ламунхинский род Намского улуса, Годниканский, Мямяльский и Тукулано-Бараинский роды Баягантайского и Оймяконского улусов (рис. 2).

Рис. 2. Районы проживания эвенов по данным переписей 1926–1927 и 1939 гг. и результаты пересчета их численности (составлено автором)

Соответственно в результате пересчета численность эвенов Якутии по первичным данным 1927 г. составила 3319 чел., а эвенков – 10892 чел. Получается, что за 1927–1939 межпереписной период численность эвенов не увеличилась в 4,3 раза, а сократилась на 6,0%.

Таким образом, использование ГИС-технологий с наложением разновременных слоев разнообразной объемной информации дает возможность провести расчеты и проследить динамику численности и расселения населения, в нашем случае коренных малочисленных народов Севера. Проведенные расчеты по результатам пространственного ГИС анализа позволили установить численность тунгусо-маньчжурского населения, близкую к их реальной на период проведения переписей 1926–1927 гг., на основе реконструкции территории традиционного расселения малочисленных народов в Якутии.

Литература

Владимиров В.Н. Историческая информатика: пути развития // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – №1. – Электронный доступ: http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2006&issue=1&article_id=17.

Всесоюзная перепись 1926 г. – Т. VII. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 187 с.

Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР / сост. П.Е. Терлецкий по данным хозяйственной переписи Приполярного Севера 1926/1927 гг. и Всесоюзной переписи 1926 г. – М., 1933.

Филиппова В.В. Структура ГИС «Расселение коренных малочисленных народов Севера Якутии в первой половине XX в.» // Гуманитарные науки в Якутии: исследование молодых ученых: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2012а. – С. 105–113.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера в арктическом пространстве Якутии: геоинформационное исследование расселения в XX веке // Арктика и Север. – 2012б. – № 9.

V.V. Filippova

Geographic information system in the research of history of Yakutia (based on Circumpolar census 1926-1927 and All-Union census 1939)

Reconstruction of the Evens and the Evenks settlements has been considered at the level of local groups using GIS-technology are considered in the article. The author gives the calculated number of the Tungus-speaking population on the basis of the materials of 1926-1927 census in the article.

Keywords: indigenous peoples of the North, the Evens, the Evenks, Circumpolar census, geographic information system, Yakutia

Л.И. Винокурова

Реализация аграрной политики в Якутии в 1960–1970-е годы

В статье рассмотрены социальные аспекты преобразования якутских колхозов в совхозы. Отмечено позитивное воздействие реформы на материальное благосостояние тружеников села. Освещена реализация аграрной политики административными методами, что привело к серьезным социально-экономическим последствиям.

Ключевые слова: советская аграрная политика, сельское хозяйство, традиционные занятия, совхозы, Якутия, Север.

В силу насыщенности важными событиями период 1960–1970-х гг. в аграрной истории Якутии занимает особое место. Преобразования этого времени затронули главную сферу жизнедеятельности коренного населения – сельское хозяйство и промыслы. Интенсификация транспортно-го и индустриального развития вызвала рост населения республики, усилила потребность в высокотоварном аграрном секторе. Поэтому встал вопрос о реформах в организации сельского хозяйства. В статье рассмотрены социальные аспекты преобразования якутских колхозов в совхозы. Историография вопроса совхозного строительства в Якутии ранее неоднократно освещалась автором.

Отметим, что в это время задача усиления борьбы за повышение товарности сельскохозяйственного производства была поставлена по всей стране. Преобразованию подверглись в первую очередь маломощные и мелкие колхозы, экономическое состояние которых было неудовлетворительным. После реорганизации эти хозяйства оказались даже в более тяжелых экономических условиях, в них показатели капиталовложений на 100 га сельхозугодий были ниже, чем в целом по всем совхозам СССР.

В Якутии вопрос повышения товарности оленеводства и промыслов актуализировался уже к концу 1950-х гг. Началась организационная подготовка перехода колхозов на государственную организацию производства. Шла интенсивная переписка властей ЯАССР с профильными министерствами РСФСР: обсуждались вопросы вплоть до количества и местонахождения будущих советских хозяйств. Республиканское руководство первоначально планировало перевод северных колхозов в госхозы. Одним из привлека-

тельных аргументов такой реорганизации была оптимизация финансирования социальной инфраструктуры, объективно дорогостоящей на всех северных широтах [ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 2088. Л. 78, 130–158].

Между тем проблема продовольственного обеспечения растущих промышленных центров обострялась. В ноябре 1959 г. Якутский обком КПСС обратился в Совет Министров РСФСР с просьбой об организации государственных предприятий сельского хозяйства на севере Якутии. В качестве одного из аргументов служила большая отсталость экономики и культуры народностей Крайнего Севера от общесоюзных стандартов. Подчеркивалось, что маломощность и низкая товарность северных колхозов препятствовали темпам промышленного освоения [НА РС(Я). Ф. 55. Оп. 27. Д. 334. Л. 64].

К моменту массовых преобразований в республике было уже несколько совхозов: «Якутский», «Амгинский», «Эльгыйский» и «Нюрбинский», в 1960 г. были дополнительно образованы совхозы «Хатасский», «Октемский» и «Намский». Всего в семи совхозах работало 5490 чел., в т.ч. 4922 постоянных рабочих [Там же. Д. 424. Л. 22, 29]. Шло ускоренное укрупнение коллективных хозяйств, сопровождавшееся списыванием долгов, укреплением их кадрами специалистов и руководителей, кредитованием на технику и строительство.

Колхозный сектор был неоднороден по уровню экономической стабильности. Так, в пригородной зоне Якутска мелкие многоотраслевые колхозы были маломощны. В них несмотря на помощь государства не обеспечивался объективно возможный уровень производительности труда и благосостояния тружеников. В данном слу-

чае организация молочно-мясных и овощекартофельно-овощеводческих совхозов означала создание действительно необходимого «аграрного пояса» для столицы республики. Несомненно, что в ряде колхозов был подорван интерес трудящихся к развитию общественного производства. Стали обыденной практикой различные злоупотребления, нарушения в планировании производства и в организации оплаты труда колхозников [ГАРФ. Д. 6953. Л. 84, 88; НА РС(Я). Д. 424. Л. 75].

Потребность в перестройке методов ведения сельского хозяйства, способов закрепления и использования трудовых ресурсов была ощутимой. В такой общей ситуации первыми в Якутии были реорганизованы колхозы, расположенные в районах с особо неблагоприятными природно-климатическими условиями. Для них были характерны территориальная разобщенность, отсутствие современных коммуникаций и транспорта и, как следствие всего, отставание социально-экономического развития.

На основании постановления Совета Министров РСФСР от 22 ноября 1960 г. 69 северных колхозов были преобразованы в 21 совхоз. Якутский обком КПСС и Совет Министров ЯАССР приняли меры к выполнению «Положения о порядке передачи совхозам земель и общественного имущества колхозов при преобразовании их в совхозы и порядке расчетов с колхозниками», утвержденного по Союзу в 1957 г., Совет Министров РСФСР также определил специализацию северных якутских совхозов как промысловых.

На первых порах совхозное строительство охватило полностью четыре из десяти сельскохозяйственных зон республики. В них совхозы стали основным поставщиком продукции оленеводства, давали значительную часть пушного промысла, клеточного звероводства и коневодства. В результате образования новых совхозов расширился государственный сектор сельского хозяйства. В последующем все колхозы республики к 1974 г., за исключением рыболовецкой артели «Арктика», были реорганизованы в совхозы.

В организационном оформлении реорганизации по правилам того периода должны были быть зафиксированы добровольность и единогласие колхозников, переходящих на положение государственных рабочих и служащих. Анализ архивных материалов показывает, что общие собрания и другие мероприятия проходили в весьма сжатые сроки. В переписке партийных и хозяйственных

органов тех лет прослеживается установка на единственный – положительный результат общих собраний колхозников [НА РС(Я). Д. 419. Л. 18–19; Д. 423. Л. 58; Д. 516. Л. 60].

Кроме обычного административного давления, работали и другие факторы, например, эффект пропаганды государственной формы оплаты труда и социальных льгот в совхозах, бесспорно привлекательных для колхозников. Также нужно иметь в виду определенную морально-психологическую подготовленность людей к дальнейшему огосударствлению своего труда: за десятилетия жесткого регулирования всей сельской жизни выработались привычки подчинения «вышестоящим инстанциям».

Вскоре определились новые подходы в государственной аграрной политике. Проведение курса на интенсификацию сельского хозяйства путем его индустриализации, дальнейшей специализации и концентрации производства было провозглашено на мартовском Пленуме ЦК КПСС 1965 г. Курс на концентрацию производства обусловил дальнейшее расширение совхозного сектора. К этому времени совхозы закрепились в северной зоне Якутии, а также в пригородах Якутска. В центральных и южных районах продолжался процесс дальнейшей дифференциации колхозов, отстающие хозяйства все больше нуждались в финансовой поддержке государства. Списывание задолженности, предоставление кредитов отстающим колхозам давали только временный выход из положения и снижали стимул роста производства.

Преобразование колхозов в совхозы было поставлено на поток: в годы восьмой пятилетки было создано еще 20 совхозов, а в 1974 г. было полностью завершено преобразование колхозов республики в совхозы. К 1975 г. их общее количество достигло 71. В ходе преобразований подверглись реорганизации и экономически стабильные колхозы. Несомненно, что крепкие хозяйства с высокой производительностью и успешным внутренним руководством стали жертвами очередной кампанейщины. Сомнения в продуктивности, управленческой рациональности массовой реорганизации колхозов были осторожно высказаны уже по свежим следам. В научной печати 1980-х гг. был критично оценен поспешный и административный подход к жизненно важным проблемам сельского населения регионов России [Тюрина, 1983, с. 3–21; Шекшеев, 1988].

Перед новыми совхозами ставилась конкретная задача: полностью обеспечить население продукцией растениеводства и животноводства, в первую очередь – нетранспортабельной и скоропортящейся. Задача оказалась трудновыполнимой из-за медленного роста производительности труда. Темпы прироста населения в промышленных посёлках опережали возможности совхозов. Решение этой задачи было возможно лишь на качественно ином уровне аграрного производства – на базе широкой механизации, большой программы лугомелиоративных работ, повышения производительности труда, совершенствования руководства и организации сельскохозяйственного производства, укрепления его кадров.

Сегодня видно, что в каждом регионе процесс дальнейшего огосударствления сельского хозяйства усилил специфические проблемы. Вновь созданные совхозы Якутии получили в качестве «наследства» от колхозов сложную социально-экономическую ситуацию. Весьма различными были обеспеченность материально-технической базой, следовательно, отличался уровень производительности труда и, в конечном счете, уровень жизни трудящихся. Объединяли их лишь отсутствие демократических принципов во взаимоотношениях с государством, малая хозяйственная самостоятельность. В государственной форме трудовых объединений – в совхозах, исчезли и остатки элементов колхозной демократии.

Запланированное рождение крупной аграрной индустрии, широкого товарного производства осложнялось природно-климатическими условиями края. Отдельно нужно указать на отсутствие в сельском хозяйстве техники и научно обоснованных технологий, учитывающих данную специфику. Высокие экономические ожидания были возложены на сельских тружеников, чьи условия труда и быта существенно отставали от городских или общесоюзных стандартов. Массовая реорганизация колхозов в республике имела неблагоприятные для социального здоровья коренного населения аспекты – последовала череда административных «перекроек» размеров и границ хозяйств, мизерное вначале финансирование сменилось неоправданными для нерентабельного производства дотациями. Происходили дальнейшая ломка традиционного территориального размещения и концентрация хозяйственных участков.

Но при всех издержках административного «совхозного бума» следует признать положитель-

ный эффект перевода в положение рабочих совхозов для якутских крестьян. Благодаря гарантированной заработной плате существенно повысился общий уровень материального благосостояния в якутских селах. После колхозных десятилетий с равноправием в общей бедности стало возможным улучшение жилищных условий. В совхозное время расширилось индивидуальное строительство в сельской местности, выросла покупательская способность населения.

Подавляющее большинство тружеников восприняло гарантированную государством тарифную зарплату в совхозах как долгожданную оценку тяжелого сельского труда. На сельских тружеников было распространено государственное социальное обеспечение. Вчерашним якутским колхозникам впервые на их памяти стали оплачивать больничные листы и отпуска. Значительное количество людей пожилого возраста смогло оформить пенсии, уйти на заслуженный отдых.

Снижение пенсионного возраста, увеличение пенсионных минимумов, распространение на сельских тружеников районных коэффициентов и северных надбавок, расширение санаторно-курортного лечения облегчили жизнь вчерашних колхозников. Введение гарантированных отпусков, восьмичасового рабочего дня, несмотря на спорность его пользы для сельского хозяйства, увеличило досуг, тем самым предоставило возможность повышения культурно-образовательного уровня и укрепления семейно-брачных отношений.

В литературе часто подчеркивается стабильное финансирование аграрного сектора Якутии. При этом часто остается «за кадром» вопрос отношения к рабочему человеку, обеспечения достойных условий труда и быта. В рассматриваемое время оставались низкими показатели комплексной и отраслевой механизации в ведущих отраслях сельского хозяйства республики. Так, уровень комплексной механизации в животноводстве, в котором было занято подавляющее большинство рабочих центральных и западных районов, за весь период так и остался около 4–5% [Народное хозяйство..., 1981, с. 16].

В сельском хозяйстве и промыслах преобладал физический ручной труд. Исключение составляли отдельные сезонные работы в растениеводстве, где показатели механизации к концу 1970-х гг. были достаточно высокими. Потому глубокого уважения достоин труд сотен и тысяч

рабочих совхозов, добросовестно и самоотверженно выполнявших свои обязанности.

История доблестного труда в совхозах Якутии богата именами: в животноводстве это дояр П.И. Яковлев, Герой Социалистического Труда, первым в республике достигший 5-тысячного надоя от одной фуражной коровы; его последователи Г.Р. Чепалов, П.П. Шарин, перешагнувшие уже 6-тысячный рубеж. Примером яркого, производительного труда в северном растениеводстве были знаменитые овощеводы И.К. Котрус и Герой Социалистического Труда Е.И. Новгородова. Всеобщим признанием были окружены оленевод П.Е. Погодаев, охотники И.В. Волков, С.В. Горохов и зверовод М.И. Аммосова. Такие передовики служили примером, своеобразными моральными лидерами в производственных коллективах. Существовала целая система морального и материального поощрения передовиков, стимулирующая ударный труд и преданность рабочей профессии.

Но при этом сельское хозяйство оставалось сферой физических перегрузок, утомляющей рутины, мало привлекательной для молодежи. В сочетании с другими социальными явлениями данное обстоятельство формировало проблему молодых кадров в совхозах. Вопросы обеспечения совхозов рабочей силой оставались актуальными весь период. Чаще всего разворачивались очередные кампании в виде молодежных призывов в сельское хозяйство и т.п. Была в целом распространена практика добровольно-принудительных акций по привлечению служащих, учащихся, пенсионеров и домохозяйек в сезонный пик сельскохозяйственных работ.

В рамках статьи были рассмотрены только отдельные аспекты результатов массовой реорганизации. Сопутствовавший совхозному строительству комплекс государственных мер в некоторой степени сглаживал социальную несправедливость, размывал существенную разницу между общесоюзными темпами развития производства и условиями труда, уровня и качества жизни у народов Якутии. В этом аспекте можно говорить о позитивном, «разряжающем» социальную напряженность значении реорганизации.

Следует признать, что период формирования высокотоварного аграрного сектора затянулся, в новых хозяйствах, даже созданных на базе крепких колхозов, снизились экономические показатели. Игнорирование экономических методов ра-

боты в совхозах провоцировало потребительское поведение, в хозяйствах снижалась трудовая дисциплина [НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 249. Л. 392. Л. 15–16; Д. 394. Л. 62–63]. Щедрые государственные дотации, выделенные для укрепления якутских совхозов, со временем стали просто источником для покрытия разрыва между низкими сдаточными ценами и фактическими затратами совхозов на производстве продукции.

Анализ разных источников показывает, что распространившиеся в данный период экономические «двойные стандарты» (погоня за показателями, практика приписок и показухи) воздействовали и на повседневную жизнь якутских сел. В сельской местности происходили процессы «нормирования» ненормального: легализации того, что ранее в социальной практике всегда осуждалось – отлынивание от общественного труда, пренебрежительное отношение к государственной собственности, терпимость к низкой трудовой дисциплине и пьянству. Стало возможным пропагандировать высокие нравственные нормы (в частности, моральный кодекс строителя коммунизма. – *Л.В.*) и самому их не соблюдать, быть руководителем местного уровня, членом КПСС и при этом злоупотреблять алкоголем [НА РС(Я). Ф.3. Оп. 249. Д. 394. Л. 43, 62–63].

Отдельно следует отметить последствия преобразований данного периода для районов Крайнего Севера. Принимая в качестве основной версии реорганизации стремление выровнять социально-экономическое положение народов Севера, нельзя не видеть игнорирование культурно-хозяйственной специфики края. Хозяйственный уклад и образ жизни аборигенов практически был противопоставлен государственной организации труда. Сохраняющееся традиционное кочевание было объявлено подлежащим ликвидации пережитком. Бесспорно, что подобная позиция повлекла за собой значительные социальные последствия для всего населения Севера.

Напомним, что в арктических и субарктических районах сплошная коллективизация закончилась накануне Великой Отечественной войны. Дальнейшее развитие советского хозяйства Севера было прервано войной и продолжилось в 1950-е гг. А в 1960-е гг. началась очередная реорганизация – перевод всех колхозов на правовое положение совхозов. Все преобразования сопровождались изменениями административного подчинения, структуры расселения, организации

труда и быта людей. Можно утверждать, что этнические меньшинства Севера Якутии испытали разрушительное по частоте чередования и по масштабам последствий воздействие административно-командной системы.

Монополия совхозов в сельском хозяйстве и промыслах Якутии закончилась в 1990-е гг. В республике, как и в других регионах России, появились разнообразные формы сельскохозяйственной организации – кооперативы, товарищества, фермерские и крестьянские хозяйства. Наблюдались и другие признаки возвращения к традиционному крестьянскому труду: личная заинтересованность в результатах производства, желание разгрузить сложившееся хозяйственное пространство, возродив заброшенные дальние участки. К сожалению, за прошедшие четверть века численность сельского населения продолжает падать, миграция трудоспособных лиц из сел давно приняла массовый характер.

Но в условиях российского кризиса 1990-х гг. сельские жители в Якутии продемонстрировали волю к сохранению и возрождению традиционных занятий. В природе этого феномена, на наш взгляд, скрыто подвижничество людей, *привыкших* (курсив наш. – *Л.И.*) работать. В 1990-е гг.

еще находились в хорошей физической форме рабочие, составлявшие профессиональный костяк советских хозяйств в 1970–1980-е гг. Было много молодежи, успевшей пройти школу совместного труда нескольких поколений. Не всем удалось встроиться в новые экономические отношения, но именно эти люди сохранили существующий сегодня сектор традиционного животноводства, оленеводства и промыслов. Благодаря этому сельская местность Якутии еще остается пространством традиционной жизнедеятельности коренных народов.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 259. Оп. 46. Д. 88; Ф. 310. Оп. 1. Д. 2088; Д. 6953.

Народное хозяйство Якутской АССР в десятой пятилетке (1976–1980 гг.): стат. сб. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 3. Оп. 249. Д. 392, 394; Ф. 55. Оп. 27. Д. 334, 419, 424; Оп. 30. Д. 108.

Тюрина А.П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. – 1983. – № 5.

Шекшеев А.П. Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 50-х гг.). – Абакан, 1988.

L.I. Vinokurova

The Agricultural Policy in Yakutia in 1960-1970.

The article deals with the social aspects of the transformation of collective farms into state farms in Yakutia. Positive impact of this process on the living standards of rural workers is underlined. The implementation of agrarian policy by administrative methods had led to serious social and economic consequences.

Keywords: Soviet agrarian policy, agriculture, traditional occupations, farms, Yakutia, the North

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81`272

Д.М. Насилов

Проблемы обучения родным языкам коренных малочисленных народов Севера в диалектных условиях

Предмет статьи – история и состояние проблем обучения некоторым языкам коренных народов Севера России. Автор показывает, что базовые диалекты для всех многодиалектных языков были выбраны корректно. Обучение на некоторых диалектах возможно, но такая задача должна быть обеспечена нормативными правилами графики и грамматики, полным комплектом учебных пособий, соответствующей практикой подготовки специалистов.

Ключевые слова: коренные народы, языковая ситуация, письменный язык, литературный язык, диалекты, графика, орфография, учебные пособия, методика обучения языкам.

Языковая ситуация, а конкретно – степень сохранности родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, внушает тревогу всем специалистам по языкам и культуре этих народов [Есипова 2013; Шарина 2012; Языки семьи и школы 2001; Образование как фактор..., 1998; Современная языковая политика..., 1998; Хруслов 1994; 1996; Национальная школа..., 1995]. Особое место в характеристике и оценке языковой ситуации принадлежит степени сохранности языка в младших поколениях, среди детей и молодежи. Эти проблемы неизбежно привлекают внимание к вопросам обучения родному языку, подготовке специалистов-педагогов и методистов, научному обеспечению подготовки учебных пособий [Кузьмин, Насилов, Артеменко, 2005]. В профессиональной среде лингвистов-североведов было принято высоко ценить вклад представителей старшего поколения своей корпорации (у которых училось нынешнее среднее поколение иссле-

дователей этих языков) в осуществление мероприятий языковой политики: создание и совершенствование алфавитов, подготовку учебных пособий, подготовку педагогов из среды народов Севера. Среди представителей национальной интеллигенции было предметом гордости учиться у кого-то из ведущих специалистов-североведов. Да, мы вправе гордиться тем, что было сделано в начале 1930-х гг. в области создания школ, разработки алфавитов и написания учебников, организации высших и среднеспециальных учебных заведений для представителей народов Севера, однако надо вспомнить, что эта деятельность основывалась на опыте миссионеров Русской православной церкви, предложивших первые алфавиты, издавших первые книги и обучавших грамоте первое поколение коренных жителей, соприкоснувшихся со школой. В первую очередь это относится к народам Алтая и якутам (см., например, [Гуляева, 2004]). Без этого наследия было невозможно обойтись даже в 1980–1990-е гг., когда

при возрождении обучения шорскому языку были использованы именно миссионерские издания XIX в., ставшие большой библиографической редкостью [Невская, 1993]. Непоследнюю роль в выработке языковой политики России сыграли и устремления прогрессивно мыслящих педагогов, разработавших в начале 1910-х гг. комплекс мероприятий по просвещению народов России, тот самый, который был представлен на съезде учителей в Калуге в 1912 г. и начал осуществляться в другой стране 20 лет спустя, уже для другого поколения [Национальное образование в России..., 2002]. Эти же проблемы активно обсуждаются и в Республике Саха (Якутия) [Язык..., 2006; Якутия..., 2007; Родные языки..., 2009; Образовательное пространство..., 2011; Теория и методика..., 2012].

Создание письменности для языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, имеющих относительно большую численность (ненцы, манси, нанайцы, чукчи) или диалектную однородность (российские саамы, в определенной мере эскимосы), не вызывало больших проблем ни на момент начала работы, ни впоследствии. Письменность у ительменов, удэгейцев, селькупов, кетов просуществовала недолго и стала возрождаться в 1980-е гг., существенные проблемы возникли в 1970-гг. с письменностью нивхов, где имели место перерывы в преподавании родного языка [Малочисленные народы..., 1997]. Некоторые сложности возникли с созданием письменности и развитием литературных языков для многодиалектных языков. Хантыйский литературный язык создавался на основе казымского диалекта, одно время с ним конкурировал среднеобской диалект, возникла необходимость развивать и заново создавать письменность для других хантыйских диалектов – шурышкарского, сургутского, ваховского [Соловар, 2004]. Миссионерские издания на хантыйском языке – по крайней мере на двух диалектах – имеются, но остаются неизученными.

Эвенкийский язык создавался на базе непского говора, позднее был переориентирован на говоры эвенков Подкаменной Тунгуски [Совещание по языкам..., 1952], что никак не повлияло ни на процесс преподавания эвенкийского языка в начальной школе, педучилищах и на факультете народов Крайнего Севера ЛГПИ (РГПУ) им. А.И. Герцена, ни на использование литературного эвенкийского языка в СМИ и при издании переводной и оригинальной литературы.

В качестве основы корякского письменного языка был выбран чавчуженский диалект, на котором говорят коряки-оленоводы. Этот диалект используется в образовании и функционирует как письменная форма корякского языка и ныне. В 1980-е гг. усилиями М.И. Попова была создана письменная форма для языка оседлых коряков, которая получила распространение в местных литературных изданиях, при этом два письменных языка коряков не находятся в конфликте друг с другом [Языки народов России. Красная книга..., 2002, с. 100–105]. К сожалению, эти аспекты языковой ситуации у коряков не получили отражения ни в социолингвистической литературе, ни в описании этнотерриториальных вариантов корякского языка, а проблема письменной формы алюторского языка хотя бы в плане его истории по существу остается без обсуждения.

Еще одним многодиалектным языком, что известно с 1930-х гг., является эвенкийский язык. Письменность для этого языка была создана в 1858 г. охотским протоиереем Ст. Поповым (есть обоснованные предположения, что это родной брат И.Е. Вениаминова), однако работа по обучению эвенов грамоте, изданию комплектов учебников для школ, художественной литературы и местных газет началась на рубеже 1920–1930-х гг. Административным центром, активно приступившем к работе по подготовке педагогов, изданию газеты и книг, стал Магадан, в Петропавловске-Камчатском были выпущены только два небольших словаря (см. [Горцевская, 1959]). Процессы языкового строительства среди эвенов Якутии в 1930-е гг. в специальной литературе не освещены, известно только то, что в Институте народов Севера в Ленинграде обучались эвены из всех регионов от Камчатки до Яны.

В качестве диалекта-основы эвенского письменного языка был выбран диалект эвенов Магаданской области, названный ольским говором по названию пос. Ола – районного центра (ныне административно входит в г. Магадан). Границы распространения этого диалекта были установлены вне Якутии достаточно точно уже в 1930-е гг.: от запада современной Магаданской области (Сусуманский, Среднеканский районы) до северо-запада Камчатки (Пенжинский район Корякского АО), от пос. Иня Хабаровского края на юге до бассейна рек Омолон и Большой и Малый Анюй на севере (нынешний Билибинский район Чукотского АО) и бассейна р. Анадырь (Анадырский

район Чукотского АО) на северо-востоке. Позднее было установлено, что этот же говор распространен среди среднеколымских эвенов (Березовка) и, по данным В.Д. Лебедева [Лебедев, 1978], представлен в Улахан-Чистайском наслеге Момского района РС(Я). К этому диалекту близок также язык оймьяконских эвенов, пока не имеющий описания.

Диалектный состав эвенского языка с использованием новых данных, которыми не располагали ни В.И. Цинциус, ни К.А. Новикова и которые по разным причинам не учитывались в работах В.Д. Лебедева, В.А. Роббека, Х.И. Дуткина, проблемы соотношения диалектов эвенского языка и различных вариантов эвенского письменного языка, равно как и проблема литературного эвенского языка, были описаны в специальной монографии [Бурыкин, 2004]. В этой же работе задан стандарт для описания соотношения фонетики и графики конкретного языка, включающий описание состава фонем, способы обозначения фонем на письме и правила чтения знаков алфавита (букв) в разных позициях в слове, если это предусматривается или предполагается принципами графики.

В 1940–1950-е гг. эвенский письменный язык успешно развивался как в издании учебников, так и в издании переводной литературы, несмотря на то, что в опыте работы преподавателей Института народов Севера (ИНС) с разноязычными студентами утверждалась возможность обслуживания эвенков и эвенов одним письменным языком (устные воспоминания Е.П. Лебедевой, 1990-е гг.); в 1960-е гг. В.А. Туголуков также пытался обосновать этническое и языковое тождество эвенков и эвенов [Туголуков, 1970], что, однако, не нашло понимания среди коллег ученого.

С начала 1970-х гг., благодаря развитию литературы на эвенском языке и общественной активности писателей Якутии (1969 г. считается годом создания юкагирской письменности в связи с первым появлением стихов Г.Н. Курилова на юкагирском языке [Языки народов России. Красная книга..., 2002, с. 296–300]), в Якутске в практику вошло печатание художественной литературы на эвенском и юкагирском языках с использованием якутского шрифта, что отвечало языковой практике писателей – эвенско-якутско-русских трилингвов, но не отвечало задачам обучения эвенскому языку в школах Якутии (изучение эвенского языка не сопровождалось изучением якутского), и тем более было неприемлемо для

эвенов тех регионов (Хабаровский край, Магаданская область, Чукотка, Корякия, Камчатская область), где эвены вообще не были знакомы с якутским языком и якутским письмом. Какие-либо данные экспертных оценок по проблемам изучения эвенского письменного языка в среде говорчиков Якутии, равно как и информация об успехах в преподавании эвенского языка на местной диалектной основе с использованием якутской графики на период начала обсуждения этих вопросов с педагогами, книгоиздателями и учеными на 1970-е – начало 1980-х гг., отсутствуют и неизвестно, имелись ли они вообще.

Лингвистическое обеспечение предлагаемой реформы эвенской графики, почему-то называемой «орфографией», представленное В.Д. Лебедевым и К.А. Новиковой [Новикова, Лебедев, 1980], оказалось невалифицированным, поддержки в виде образцов текстов или экспериментальных учебников на каком-либо из эвенских диалектов Якутии эта инициатива не получила, хотя оба ее инициатора являлись на тот момент авторами учебников эвенского языка для начальной школы. В 1982 г. инициатива реформы эвенской графики и неозвучиваемое намерение изменить основу эвенского литературного языка были отвергнуты сообществом ученых и педагогов, в чем участвовали и эвены (В.А. Роббек, Х.И. Дуткин и др.). В 1987 г. на региональной конференции в Якутске предложения по изменению основы эвенской графики под предлогом «совершенствования орфографии» также не нашли поддержки в среде ученых и педагогов-практиков.

Уже в начале 1980-х гг. просматривался главный порок реформ письменностей языков народов Севера РФ и неконструктивное намерение их инициаторов – не содействовать сохранению самобытных говоров и диалектов в их своеобразии и функционировании, а вывести из употребления действующий эвенский письменный язык, поддерживаемый литературой, практикой преподавания, изданием учебников, различными словарями эвенского языка, и заменить его плодами административной деятельности (такого не знал ни один из народов Севера РФ, соприкасавшийся с аналогичными проблемами). Напомним, что несколькими годами раньше обернулась крахом попытка реформы графики нанайского языка, предлагаемой С.Н. Оненко – проект инноваций [Оненко, 1983] не был поддержан ни учеными, ни всеми пишущими по-нанайски.

С середины 1990-х гг. с предложениями об изменении эвенской графики в пользу якутского полиграфического набора выступает В.А. Кейметинов, объясняя свое стремление необходимостью сохранять эвенский язык в его приоритетных формах и обучать детей эвенов их родному диалекту вместо якобы чуждого им письменного языка [Якутия..., 2007, с. 23–27]. Опыт этой деятельности на протяжении 20 лет показывает следующее:

1) распространение диалекта, характерного для одного улуса или его половины (в Кобяйском улусе известны два говора – тюгесирский и ламунхинский) на всю территорию РС(Я) или даже на ее часть, хотя бы на левобережье Индигирки, невозможно в силу разницы между этим диалектом и другими диалектами Якутии;

2) диалект или говор эвенов Кобяйского улуса сильнейшим образом – значительно более других эвенских говоров – якутизирован на уровнях от фонетики («оканье», которое могло быть вызвано только якутским влиянием) до синтаксиса и тем более до лексики; борьба за «чистоту» эвенского языка со стороны носителей такого диалекта в этом случае выглядит смешно;

3) инициатором реформ не изложен систематически ни состав букв, ни значения букв, ни правила чтения (отдельные новшества, как-то предложение пользоваться знаками *Y* и *i*, появляются от издания к изданию, будучи извлекаемыми из работ критиков данной инициативы) – в проекте нового алфавита, если его можно так назвать, отсутствуют буквы *П* и *Р*;

4) самое главное – в активе автора разнообразных инициатив отсутствуют как экспериментальные учебные пособия на кобяйском или каком-либо ином диалекте эвенского языка (а для обоснования реформ и новаций нужен полный комплект пособий, применительно к эвенскому языку по прецеденту изучения – с 1 по 9 класс), не располагает он и его единомышленники и учебными эвенско-русскими и русско-эвенскими словарями разного объема (для хантыйских диалектов в письменной форме они есть). Отсутствуют в обиходе и образцы оригинальной или переводной литературы на продвигаемом диалекте эвенского языка – опыты сочинений и переводческой практики самого В.А. Кейметина относятся к 2000–2001 годам, не получили продолжения и остались в памяти как крупная неудача, не имеющая аналогов в истории эвенской литературы. Непонятна и позиция НИИ Национальных школ

РС(Я), которому никто не запрещал разрабатывать учебные пособия на эвенских диалектах – однако же они отсутствуют до сих пор.

Безусловно, можно и в каких-то случаях нужно поддерживать письменную форму диалектов каких-то языков народов Севера РФ, если налицо сложности с освоением письменного языка. Однако для этого нужно жестко соблюдать ряд необходимых для этого условий:

1) если практика использования диалекта в письменной форме находится на высоком уровне и представляет большинство функциональных сфер языка – литературу, язык местных СМИ, корпус записей местного фольклора, традицию местной переводческой практики, мотивированные инициативы педагогов, опыт изучения диалекта иноязычным или приезжим населением;

2) если она основывается на традиции и имеет многолетний опыт;

3) если эта практика является коллективной, а не индивидуальной, и поддерживается представителями разных профессий и разных поколений (только данное условие обеспечивает будущее языковой формации);

4) если она по своим задачам и перспективам охватывает ряд сфер и сред использования языка, а не ориентируется на задачи обучения;

5) если у сторонников обучения на диалекте наличествует опыт диверсификации образцов учебных пособий по родному диалекту на этапах от дошкольного обучения до 1–4-х классов школы, в частности, опыт создания традиционных образцов учебных пособий и альтернативных, нетрадиционных образцов учебных пособий – пособий небукварного типа, разговорников, книг для домашнего чтения, книг для учащихся и родителей, занимательных грамматик и т.п.

Для сравнения необходимо указать на ценнейший опыт обсуждения проблем графики другого многодиалектного языка – хантыйского [Обсуждаем проблемы..., 2015]. В существующей ситуации сторонники разных систем графики хантыйского языка, отстаивая свою правоту, не стремятся уничтожить один другого или опорочить сделанное их коллегами, придерживающимися иной графики. Особой ценностью в этих дискуссиях пользуется участие квалифицированных специалистов по языку, особенно в сфере фонетики и теории письма [Кошкарева, 2013]. Имеется и опыт представления переводных текстов на разных диалектах в одном издании [Пушкин, 2002].

Учебные пособия для школ, словари, разговорники на различных хантыйских диалектах (счет таких пособий идет на десятки) диверсифицированы по форме, содержанию и объему материала и каждое из пособий является самостоятельной оригинальной разработкой, уходом от стандарта учебников родного языка 1960–1980-х гг.

Для осуществления инициатив в области введения обучения на диалектах языков малочисленных народов, развития письменной формы диалектов, оценки соотношения диалектов и письменных языков однозначно обязательной является поддержка ведущих специалистов по таким языкам и их диалектам. На федеральном и республиканском уровне в этой сфере имеется блестящий пример поддержки языковой формации, сходной с диалектом, – это язык долган, для которого не интродуцируются нормы якутского языка (хотя был подготовлен алфавит на основе якутского, причем цели его модификации остались необъясненными). Отметим, что язык долган в свою очередь не проявляет экспансии в отношении якутского языка и территориально близких к долганскому языку якутских диалектов. Этот пример, как и ситуация с диалектами хантыйского языка, – замечательный образец этносоциальной и этноязыковой толерантности, имеющей взаимный характер по отношению к носителям разных диалектов, представителям разных профессий, этническим пользователям языка и исследователям языков.

Литература

- Бурькин А.А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
- Горцевская В.А.* Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1959.
- Гуляева Е.П.* История книги в Якутии (1812–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2004.
- Есипова А.В.* Проблема исчезновения языков и народов в современном мире // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. – 2013. – № 2 (27).
- Кошкарёва Н.Б.* Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. – 2013. – № 3 (14). – С. 47–78.
- Кузьмин М.Н., Насилов Д.М., Артеменко О.И.* Родные языки коренных малочисленных народов Севера в контексте реформирования системы образования //

http://lingsib.iea.ras.ru/round_table/papers/kuzmin-nasilov-artemenko.shtml.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л., 1978.

Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997.

Национальная школа: состояние, проблемы, перспективы: докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (Москва, май 1994 г.). – М.: ИНПО, 1995.

Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения, 1905–1938 гг.: сб. документов / М-во образования Рос. Федерации, Ин-т нац. пробл. образования. – Ч. 1: 1905–1917 гг. – М.: ИНПО, 1999. – 456 с.; Ч. 2: 1917–1938 гг. – М., 2002. – 312 с.

Невская И.А. Из истории шорского алфавита // Язык и культура алтайцев. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 90–93.

Новикова К.А., Лебедев В.Д. Правила орфографии эвенского языка. – Якутск, 1980.

Образование и глобализация: матер. Байкал. междунар. конф. 8–10 сентября 2004 г. – Улан-Удэ, 2004.

Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств. – СПб.: РГПУ им. Герцена, 1998.

Образовательное пространство Арктики: развитие через диалог и сотрудничество: матер. межрегион. науч.-практ. конф. – Якутск, 2011.

Обсуждаем проблемы хантыйской письменности // <http://www.оуипиир.рф/content/обсуждаем-проблемы-хантыйской-письменности>.

Оненко С.Н. Усовершенствование нанайской орфографии: препринт. – Новосибирск, 1983.

Пушкин А.С. Мончат / Перевод сказок на различные диалекты хантыйского языка / сост. Е.А. Нёмысова, М.А. Рачинская. – СПб.: Просвещение, 2002.

Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования. – Якутск, 2009.

Совещание по языкам народов Севера: тез. докл. – М.; Л., 1952.

Современная языковая политика в образовании (по материалам международной Российско-Нидерландской конференции 8–10 июня 1998 в г. Чебоксары). – Чебоксары: Изд-во «Руссика», 1998.

Соловар В.Н. Библиографический справочник по хантыйскому языку. – Ханты-Мансийск, 2004.

Теория и методика обучения языкам, литературам и культуре народов РФ в контексте диалога культур в поликультурном образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Якутск, 9–11 июня 2011 г.). – Якутск, 2012.

Туголуков В.А. Народ один – названий много // Сов. этнография. – 1970. – № 5. – С. 132–137.

Хруслов Г.В. Международная сеть по преподаванию родного языка. Информационное сообщение // Обще-

ство и образование в современном мире: сб. матер. из заруб. опыта. – Вып. 3. – М.: ИНПО, 1994.

Хруслов Г.В. Права меньшинств в образовании: школа этнической диаспоры. – М.: ИНПО; ИРЯП, 1996.

Многоязычие и преподавание родных языков / Материалы из Фландрии, Англии, Нидерландов, Германии и России / под ред. С. Кроона и Г. Хруслова. – М.: ИНПО, 1998.

Языки народов России, проблемы и перспективы развития: матер. междунар. семинара (Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация. 10-16 мая 1999 г.). – Элиста, 2000.

Языки семьи и школы / под ред. С. Кроона и Г. Хруслова. – М.: ИНПО, 2001.

Шарина С.И. Проблемы обучения языкам малочисленных народов Севера // Таткачирук. – 2012. – № 1. – С. 56–57.

Язык как основной элемент культуры: генезис, традиции и современные проблемы: матер. респ. науч.-практ. конф., 26 нояб. 2004 г. – Якутск, 2006.

Языки народов России. Красная книга: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002.

Якутия – сокровищница уникальных языков народов Севера: матер. круглого стола, посвящ. 75-летию начала системат. изд. книг на языках народов Севера (Якутск, 15 мая 2007). – Якутск, 2007.

D.M. Nasilov

Problems of teaching native languages of indigenous peoples of the North in dialect conditions

The subject of paper is the history and current state of problems of training to some languages of the native peoples of the North of Russia in the historical perspective from the beginning of creation of alphabets and schools for aboriginals up to current state leading to loss of native languages. The author shows that basic dialects for all multidialectal languages have been chosen correctly. Training on some dialects, desirable for specific local activists, is possible, but such problem has to be provided in regulatory schedules rules of grammar, the complete set of textbooks, practice of further teaching of the experts.

Keywords: the native peoples, language situation, written language, literary language, dialects, writing, spelling, textbooks, technique of training to languages

УДК 81'27=512.31

Г.А. Дырхеева

Об актуализации социолингвистической проблематики в бурятоведении

Основное внимание в статье уделено трем наиболее актуальным в настоящее время социолингвистическим проблемам бурятского языкознания: ухудшению уровня владения родным языком бурятами по данным переписи населения; выявлению языковой установки молодежи относительно бурятского языка; современным дискуссионным вопросам по бурятскому литературному языку. Показано, что, к сожалению, языковая ситуация относительно бурятского языка остается критической, что особенно ярко видно из отношения к родному языку молодежи, а также из обострившихся в последние годы дискуссионных обсуждений относительно его диалектной основы.

Ключевые слова: бурятский язык, перепись населения, языковые установки молодежи, бурятский литературный язык.

Очевидно, что современная социолингвистическая проблематика бурятского языка достаточно обширна, однако в настоящее время хотелось бы обратить внимание на следующие три момента: во-первых, на официальные данные переписи населения 2010 г. [Национальный состав...,

2012]. По переписи 2002 г. [Национальный состав..., 2004], когда впервые в вопросник был включен вопрос о владении языками, 98,6% граждан РБ ответили, что владеют русским языком. Вторым государственным языком республики – бурятским, владели 23,6%.

© Г.А. Дырхеева, 2016

В 2010 г. доля положительно ответивших на вопрос о владении русским языком выросла с 98,6 до 99,7% от ответивших на вопрос о владении языками. Доля же положительно ответивших на вопрос о владении бурятским языком существенно снизилась – до 13,7% всех граждан РБ.

По данным переписи 2002 г., бурятским языком в республике владели 81,4% бурят, 0,7% русских, 10,2% татар, 95,8% сойотов, 19,6% эвенков, 0,4% украинцев; эвенкийским – 32,4% эвенков.

Существенное снижение доли владеющих бурятским языком наблюдалось в 2010 г. не только среди самих бурят (43,6%), но и среди русских – 0,4%, татар – 6,6%, сойотов – 92,3%, эвенков – 4,2%, украинцев – 0,2%. Данное снижение доли владеющих своим языком бурят, возможно, объясняется тем, что уходит из жизни довоенное поколение тех, кто, по нашим данным, хорошо владел родным языком. Так, по результатам нашего опроса [Дырхеева и др., 1999, с. 53], по уровню владения русским языком идет четкое деление респондентов на довоенное и послевоенное поколение. Именно в 50-е гг., когда послевоенные дети пошли в школу, было принято решение, которое во многом способствовало вытеснению бурятского языка из школы: преподавание всех учебных дисциплин было переведено с 5-го класса на русский язык.

Как видим, ситуация, по официальным данным, с бурятским языком не улучшается. Общеизвестно, что в связи с проблемой дальнейшего существования бурятского языка большие надежды возлагались на принятие закона «О языках народов Республики Бурятия» в 1992 г. Кратко можно отметить следующее: реализация закона в период до 2010 г. осуществлялась посредством принятия постановлений Правительства РБ, которые, в том числе, включали и языковую проблему. Так, Постановлением № 336 от 29.09.1997 г. была принята Концепция государственной национальной политики РБ, согласно которой языки коренных национальных меньшинств включались в программы учебных заведений в районах их компактного проживания. Среди целей и задач государственной национальной политики указывалось воссоздание и совершенствование национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития национальной культуры и языка. В Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2002–2004 гг. (Постановление

№ 187 от 23.05.2001 г.), предусматривалось выделение средств в рамках Программы сохранения и развития языков народов республики на издание учебников национально-регионального компонента, а также на сохранение контингента учащихся, изучающих бурятский язык. Примерно на эти же цели были направлены средства, предусмотренные в Республиканской целевой программе «Развитие образования и науки в Республике Бурятия на 2004–2007 годы» (Постановление № 296 от 22.09.2003 г.). Таким образом, можно сказать, что в течение многих лет государственная программа по сохранению и развитию бурятского языка напрямую не финансировалась.

В 2006 г. при Правительстве РБ была создана комиссия по развитию бурятского языка, которую возглавляет первый заместитель председателя Правительства республики. В дальнейшем в целях реализации закона была принята Концепция развития бурятского языка, принятая Постановлением Правительства РБ № 80 от 12.03.2009 г. Постановлением Правительства РБ от 2.08.2010 г. № 312 принята Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011–2014 гг.», информация о ходе выполнения которой ежегодно заслушивалась на заседании комиссии. Так, в 2014 г. на реализацию программы было выделено более 28 млн. руб., в 2015 г. – более 36 млн. руб.

В настоящее время ответственность за исполнение языкового законодательства возложена на Комитет Народного хурала РБ по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям, исполнение Государственной программы проводится при поддержке Министерства образования и науки и Министерства культуры РБ.

О достоинствах и недостатках закона уже много говорилось. Можно также предположить, что отсутствие статьи о государственных гарантиях функционирования языков в Бурятии, об обеспечении равноправного функционирования бурятского и русского языков как государственных делает закон неполным. Возможно, требуется четкое законодательное определение сфер (возможно, и типов ситуаций) исключительного использования русского языка, равноправного употребления бурятского и русского языков, преимущественного применения бурятского языка.

Проблема внесения поправок в закон активно обсуждалась в конце 2013 г. в связи с принятием республиканского закона об образовании, что еще раз показало, насколько остро стоит проблема с его реализацией, а также то, что необходимо не только найти пути решения проблемы, но и проводить регулярный мониторинг в данной области.

В связи с этим задачей серии исследований, осуществляемых в последние годы, являлись, в том числе, анализ языковых предпочтений молодежи при обучении в образовательных учреждениях республики, их отношения к введению после принятия языкового законодательства бурятского языка в программы обучения; оценка эффективности преподавания бурятского языка в школах, ССУЗах и ВУЗах республики. Обследования проводились в 1999–2000 гг. [Дырхеева, 2002] и в 2013 гг. Данное обследование было связано также со спецификой изменения языковых ситуаций в ее приграничных регионах.

Известно, что на состояние некоторых из них существенное влияние оказывают родственные языки, функционирующие в качестве государственных в соседних странах, например, финский, родственный карельскому языку, популярен в Республике Карелия и преподается там во многих школах. К сожалению, в Бурятии, граничащей с Монголией, соответственно родственный монгольский язык не настолько престижен и фактически не отражен в ее системе образования. Однако общеизвестно, что в последние годы значительно повысился неофициальный образовательный статус китайского языка, государственного языка страны, экономическое и политическое влияние которой в мире все более усиливается.

Результаты последнего обследования показали, что наиболее значимым фактором, определяющим мнение по вопросу о введении в программу обучения бурятского языка, является национальность, определенную роль играет также возраст: так, почти все (90%) информанты-буряты независимо от возраста высказались за необходимость изучать бурятский язык в школе, тогда как мнения русских информантов разделились по возрастному принципу. Если русская молодежь образовала две полярные группы сторонников и противников изучения бурятского языка в школе (45,6% – «за» и 41,1% – «против»), то среди русских учителей и родителей гораздо больше тех, кто предпочел более мягкие и взвешенные подходы к решению этой проблемы: «за» – 56,9%,

«против» – 19,6%, а 23,5% считают, что изучать нужно по желанию (по выбору, факультативно, дифференцированно), выбрать интересную методику, чтобы увлечь детей. Под дифференцированным изучением имеется в виду то, что учителя и родители предлагают детям бурятской национальности изучать бурятский как родной язык, остальным – как второй государственный язык на территории Бурятии.

Как и при прошлом опросе, основной причиной, почему надо изучать бурятский язык, является: у бурят – потому что это родной / национальный язык. На втором месте (при опросе в 2000 г.) стоял ответ «потому что он позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры, религии и т.д.», на третьем – «потому что его преподавали (преподают) в школе», «потому что он помогает в общении с друзьями, родственниками». Причем для учащихся городских школ было характерно несколько иное ранжирование ответов: лишь 51,2% указали, что изучают бурятский язык потому, что он родной, на втором месте стоял вариант: «потому что его преподавали (преподают) в школе». У русских учащихся мотивация изучения бурятского языка изменилась: при опросе пятнадцатилетней давности на первом месте стоял ответ: «потому что его преподавали (преподают) в школе», теперь большинство ответило: «потому что живем в Бурятии» (с вариациями ответов: «чтобы быть полноценной частью общества республики», «чтобы уверенно чувствовать себя в любой компании», «чтобы общаться на селе»). Причина «живем в Бурятии» актуальна сегодня и для 20,3% бурят, для 13% бурятский язык нужен, «чтобы язык не вымер», «для поддержания своей культуры, традиций», а также «для общего развития» (3,6%). У учителей и родителей фигурирует также ответ: «для воспитания толерантности и уважения к другим культурам» (5%). Небольшая часть опрошенных дала ответы: «для сохранения нации», «знать родной язык сейчас выгодно», «не мешает». Ответы «потому что это родной язык», «для поддержания своей культуры» и «для общего развития» были даны также и отдельными русскими информантами.

О степени престижности бурятского языка, его востребованности можно судить по ответам на ряд вопросов. В частности, более 90% лиц бурятской национальности ответили, что они хотели бы, чтобы их дети знали родной язык, 45,6%

русских также не против того, чтобы их дети знали бурятский язык.

Среди причин нежелания или невозможности изучать бурятский язык в 2000 г. большинство указали на то, что испытывают трудности в изучении языков, на втором месте стоял ответ, что он им не пригодится в жизни. При этом чаще всего не владеющие бурятским языком сожалели о том, что они его не знают в ситуациях общения с родственниками, друзьями-бурятами. 21,7% респондентов-бурят отметили случаи посещения дацанов и культовых мест, чтения литературы на бурятском языке (14,5%), а 38,1% русских ответили, что таких случаев не было. На втором месте у них стоит вариант: «при общении с родственниками, друзьями-бурятами» (27,5 %), на третьем – «в общественных местах, на улице, в транспорте, магазинах». Или можно сказать, что для молодежи наиболее значимой в языковом плане оказалась сфера общения с родственниками, друзьями-бурятами, а для городских учащихся – язык СМИ и язык общения при визитах в дацан.

При последнем опросе основным мотивом, высказанным против изучения бурятского языка (как русскими, так и учащимися-бурятами) в школе, является то, что он «не пригодится в жизни». Для русских учащихся и студентов нежелание учить бурятский язык мотивируется в первую очередь национальной принадлежностью; как высказалось двое информантов, «русский все равно не будет разговаривать на бурятском языке».

То есть, очевидно, что языковые приоритеты в системе образования постепенно меняются и находятся, в том числе, и в зависимости от языковой политики, проводимой в регионе.

Общеизвестно, что сегодня наблюдается существенное изменение подходов и решений в языковой проблематике. Причем это касается не только современного положения языков в обществе, но и их прошлого, а также общетеоретических аспектов изучения состояния языков. В частности, в бурятоведении к ним относится достаточно острая проблема литературной формы языка (помимо проблемы бурятско-русского двуязычия), которая время от времени дискутируется национально-культурной общественностью (например, некоторые религиозные и общественные деятели требуют составления грамматик и словарей для отдельных диалектов и говоров) и, соответственно, возникает необходимость фундаментального рассмотрения и ре-

шения современных проблем бурятского литературного языка.

В связи с этим необходимо отметить, во-первых, то, что имеется существенная внутрилингвистическая проблема: заимствования и калькирования терминов в родственных монгольских языках проходят чаще стихийно и по-разному. Помимо графических отличий возникает ненужное разнообразие терминов, наименований и других элементов лексико-семантической системы. Так, в последние годы в связи с отменой визового режима с Монголией наблюдается существенное увеличение потока монгольских туристов. Соответственно, во многих торговых точках стихийно стали появляться надписи и указатели на монгольском языке, которые не всегда являются корректными. В целом же можно сказать, что наблюдающиеся в последнее время попытки использования монгольских слов и в бурятском литературном языке, к сожалению, пока успеха не имеют, что связано со значительными языковыми расхождениями, отсутствием достаточных речевых контактов, а также современной практики заимствования монголизмов. Поэтому необходимо согласованное научно обоснованное терминотворчество, при котором следует больше внимания уделять интегрирующим, а не дифференцирующим процессам и явлениям в языках, или соблюдать баланс русских и монгольских заимствований.

Во-вторых, известно, что проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. И можно согласиться с утверждением Б.П. Нарумова о том, что «понятия «языка» и «диалекта», унаследованные от сравнительно-исторического языкознания и структурной диалектологии, легко подвергаются идеологизации, поскольку они используются как классификационные понятия не только для описания состояния внутренней структуры лингвем, но и для установления определенных иерархий типа «галсийский есть диалект испанского или португальского языка»...», хотя генетические отношения между языком и диалектом могут быть разные [Нарумов, 1994, с. 309], а некоторые диалекты – более древними, чем диалект, лежащий в основе литературного языка. В отличие от прошлой «в современной языковой ситуации в результате взаимодействия

местных диалектов с литературным языком произошло нарушение непрерывности языковых ареалов, разрушение пространственного континуума, но на его место заступают два других континуума: диастратический (социальное варьирование) и диафазический (варьирование ситуации общения)» [Там же, с. 312]. Достаточно интересно и правомерно замечание автора об отсутствии четких границ между состояниями одного и того же языка в диахронии и значительной произвольности объединения ряда диалектов в языки, что почти всегда приводит к бесконечным спорам по поводу определения диалектного состава языка. Тем более эта проблема соотношения языка и диалекта сложна для языков и диалектов кочевых народов.

Становление литературного языка – процесс длительный, однако в большинстве языков России он не просто не регулировался и не регулируется, он просто игнорировался и замедлялся посредством уничтожения поддерживающих структур: национальных школ, книгопечатания, средств массовой информации на национальных языках и т.д. Хотя, если учесть, что за литературным языком закрепляются какие-то определенные сферы функционирования, не всегда он должен быть полифункционален, но обязательно должен иметь в наличии несколько сфер письменного употребления, и с некоторой натяжкой можно считать, что те же титульные народы пока имеют свои литературные языки.

Другое дело, что в дальнейшем по ряду причин не происходит нивелирование диалектных различий, отсутствует софункционирование литературного и общеразговорного языка и пока бурятский литературный язык в обществе воспринимается не как наддиалектная форма, а более как язык носителей хоринского диалекта (выбранного в качестве основы для бурятского литературного языка), функционирование которого вызвано потребностями бурятского общества. То есть процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется. И бурятский язык все более теряет возможность отразить происходящие в обществе изменения, процесс диалектной интеграции проходит медленнее, чем процесс языковой интеграции, и носителям разных диалектов легче разговаривать на русском языке, чем на бурятском.

В-третьих, причиной сложности решения проблем национально-языкового развития, помимо многодиалектности языка, является относительно слабая нормированность, узость социальной

базы литературной формы языка. Как и для многих малых языков России, проблема бурятского литературного языка является, во-первых, этносоциальной, связанной с длительным отсутствием соответствующей языковой политики по поддержке литературного языка, его норм в различных сферах, во-вторых, этнопсихологической, связанной с престижем, авторитетом принятой нормы. В последнее время проблема единства к тому же осложняется сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке), а также все более развивающимся билингвизмом носителей языка.

Сегодня на состояние бурятского языка, его, в том числе, многодиалектность влияют обширность территории расселения бурят, удаленность от политического и культурного центра, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, малая плотность населения, уровень жизни, миграции и т.д. В частности, территориальная разбросанность не способствует становлению единого бурятского литературного языка, но помогает сохранению его диалектов, сохранности языка хотя бы в виде диалектов.

Территориальная разбросанность содействует диалектной расчлененности, она отражается, в том числе, на таких показателях, как чтение книг, газет и журналов на родном языке. Однако непонятными для носителей разных диалектов часто являются не только диалектизмы, но и неологизмы – кальки русских слов, искусственные новообразования, архаизмы, а также монголизмы. Здесь необходимо отметить, что замедленный темп стандартизации бурятского языка приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными к созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры. Можно предположить, что на западные говоры больше влияет русский язык, а на южные – монгольский. А ведь к показателям живучести языка относятся стабильность структуры языка по отношению к внешним влияниям, равномерная динамика лексической эволюции, достаточный уровень владения языком его носителями, устойчивость норм, наличие письменности и т.д.

Считается, что бурятский литературный язык – относительно высокорегламентированный язык. Несмотря на наличие достаточно большого числа вопросов и проблем бурятского языкознания,

можно утверждать, что уровень нормированности литературного бурятского языка относительно высок: последний свод правил орфографии утвержден в 2009 г., в 1962 г. издана академическая грамматика бурятского языка, имеются переводные и орфографический словари, а также разнообразные учебные пособия и грамматики. Все эти меры, а также развитие науки о языке способствовали стандартизации бурятского языка. Для литературного бурятского языка характерно стилистическое многообразие, обычно в нем выделяются художественно-литературный, общественно-публицистический, учебно-педагогический, литературно-разговорный стили, а также наличие лексико-орфоэпических норм.

Проблема литературного языка, как и во многих малых языках России, в бурятском, видимо, еще долго будет актуальной. В некоторых языках законодательно признано равноправие всех литературных вариантов (у осетин – иранский и дигорский, у мордвы – эрзя и мокша, марийцев – лугово-марийский и горно-марийский). В бурятском же официально об этом не говорится и в основном признается целесообразным сохранение хоринской диалектной основы, хотя в последнее время допускается, во-первых, для западных диалектов составление учебников, учебных пособий и т.д., ведение занятий на своем диалекте, во-вторых, все больше упоминается о необходимости использования в официальных документах, литературе, прессе элементов разных диалектов, возможно, в виде парных слов.

Практическая сторона проблемы бурятского литературного языка нашла отражение в ряде предложений относительно расширения социальной базы бурятского литературного языка. Однако, как отмечают многие исследователи, в последние годы во многих странах намечается тенденция поддержки не только языков меньшинств, но и диалектов. Вероятно, необходимо поддерживать не только интеграционные языковые процессы, но и любую тенденцию к сохранению языка, в любом виде.

Как показывает история, становление литературного языка – процесс длительный, и на данном этапе в бурятоведении, помимо проблемы становления литературных норм, нужно ставить задачу сохранения диалектов. Сохранятся диалекты, сохранится язык, поскольку носители диалектов пользуются родным языком в семье чаще, чем носители литературного варианта. Посколь-

ку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс, оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, бурятского, русского, монгольского литературных языков.

Таким образом, перед языковедами Бурятии в данном аспекте стоят различные задачи, которые включают проблемы дальнейшей научной разработки вопросов литературного бурятского языка, теории и практики его нормализации, изучения особенностей разнообразных форм двуязычия, функционирования и взаимодействия языков, диалектов, социолектов, региолектов и т.д., анализ социолингвистических корреляций в различных частях этнической Бурятии, факторов, влияющих на переключение с одного языкового кода на другой, и пр. И здесь можно отметить, что в последние годы активнее стали рассматриваться такие субъективные (или сентиментальные) параметры, как эмоции, чувства, оценка, настроения, интенции и т.д. Очевидно, это связано с тем, что язык относится именно к тем явлениям, которые затрагивают самое сокровенное, подсознательное любого человека, и именно тот факт, что дискуссии и дебаты по данной проблеме не утихают, говорит о том, что она лежит в области очень важной для каждой личности, для народа.

Литература

Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). – Улан-Удэ, 1999. – 142 с.

Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. – Улан-Удэ, 2002. – 189 с.

Нарумов Б.П. Понятия «языковой континуум» и «диалект» в истории романского языкознания // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 301–314.

Национальный состав и владение языками; гражданство – М.: НИЦ «Статистика России», 2004. – 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федеральная служба гос.статистики; Т.4. Кн.1).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. – М.: Статистика России, 2012. – Т.4, 1, 2, 3 кн.

G.A. Dyrheeva

About the actualization of socio-linguistic perspective in the Buryat studies

The main attention in article is paid to three most actual sociolinguistic problems of the Buryat linguistics: 1. to deterioration level of proficiency in the native language of the Buryats according to population census; 2. to identification of language installation of youth of mother tongue; 3. to modern discussion contemporary issues in the Buryat literary language. It is shown that, unfortunately, the language situation of the Buryat language remains critical that is especially brightly visible on the relation to the native language among youth, and also on the debatable discussions which became aggravated in recent years concerning its dialect basis.

Keywords: Buryat language, population census, language installations of youth, Buryat literary language

УДК 81 А 99

Р.И. Васильева

Основные показатели современной этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия) (по материалам Всероссийской переписи 2010 г.)

В статье рассматриваются основные параметры современной языковой ситуации, этнический состав 13 основных национальностей, проживающих в Республике Саха (Якутия), их языковая компетенция в родном языке; обобщаются статистические и социолингвистические данные для дальнейших рекомендательных и прогнозических работ.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая компетенция, идиом, этносы, языковая политика, статус языков, интерференция, интеркаляция.

В национальных республиках Российской Федерации национально-языковые вопросы решаются в зависимости от сложившейся в них языковой ситуации. Исходя из целей и содержания языковой политики, каждое государство вырабатывает свою модель языкового развития. Функционирование языков в Республике Саха (Якутия) имеет свои уникальные черты: сосуществование двух государственных и пяти официальных языков, а также генетически и типологически разнообразных языков (в Якутии проживают представители более 120 наций и народностей). Реалии Республики Саха (Якутия) сегодня требуют языковой политики, отвечающей потребностям полиэтничного населения и учитывающей особенности языковой, демографической и политической ситуации как фактора политической стабильности общества. В настоящее время правительство Республики Саха (Якутии) в области языковой политики придерживается курса на двуязычие, трехязычие и многоязычие. По этническому признаку Республика Саха (Якутия) выглядит следующим об-

разом: западная, южная, восточная её части более полиэтничны, а центральная, северная – менее полиэтничны, так как здесь компактно проживают коренные народы.

В Республике Саха (Якутия) миграционные процессы традиционно играют важную роль в формировании численности и состава населения. Значение миграции для республики особенно велико, поскольку она является открытым регионом с весьма свободным и интенсивным миграционным обменом. Быстрый рост населения отмечался в 70–80-е гг. XX в., когда происходило активное строительство и промышленное освоение её территории, преобладающим в динамике прироста населения в этот период являлся вклад миграционной составляющей. С начала 1990-х гг. произошли значительные изменения в миграционной ситуации в регионах Севера и Дальнего Востока, бывших до недавнего времени зоной широкого хозяйственного освоения. На смену медленному росту населения пришел бурный отток русскоязычного населения [Сукнева, Мостахова, 2002, с. 17].

По данным Всероссийской переписи 2010 г., общая численность населения Республики Саха (Якутия) составила 958,5 тыс. чел., удельный вес городского населения – 64,1%, сельского – 35,9% [Электронный ресурс]. В республике проживают представители более 120 национальностей, в т.ч. удельный вес якутов в национальном составе населения составляет 49,9%, русских – 37,8%, украинцев – 2,2%, эвенков – 2,2%, эвенов – 1,6%, татар – 0,9%. Всероссийская перепись населения – это самый массовый опрос жителей Российской Федерации, который позволяет получить наиболее точную статистику численности говорящих на родном языке, выявить языковую компетенцию лиц нетитульной национальности в русском языке, а также миграционные передвижения информантов из села в город. Перепись является основным источником статистической информации о структуре и распределении населения по территории России в сочетании с социально-экономическими характеристиками, его национальным и языковым составом, образовательным уровнем. Как правило, перепись населения не только в России, но и в других странах мира, согласно рекомендациям ООН, проводится каждые 10 лет в год, оканчивающийся на ноль или на единицу. Во Всероссийской переписи 2010 г. есть существенные изменения, в частности, в языковом разделе восстановлен отсутствовавший в переписи 2002 г. вопрос о родном языке. Этот вопрос направлен на информационную поддержку реализации конституционных прав граждан согласно ст. 26 (ч. 2) и ст. 68 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и, кроме того, необходим для корректной интерпретации самоназваний некоторых национальностей. Редакция вопроса о национальной принадлежности сохранена без изменений с 2002 г. и полностью соответствует ст. 26 (ч.1) Конституции Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в ходе опроса населения национальность указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов опрашиваемых.

При рассмотрении национального состава населения следует иметь в виду, что на численность населения отдельных национальностей могло повлиять то, что население имело право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности. В связи с этим в 2010 г. у 123,7 тыс. чел. (более 3,8% общей численности населения области, в

2002 г. – 22,5 тыс. человек, или 0,7%) отсутствовали сведения о национальной принадлежности (это лица, не указавшие свою национальную принадлежность, и лица, сведения о которых получены из административных источников).

При переписи, в целом по России, было получено более 1000 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности, написание которых часто отличается друг от друга только из-за языкового диалекта и принятых местных самоназваний этнических групп. Несмотря на обширную площадь, территория Якутии характеризуется слабой заселенностью в течение всего последнего столетия: как в его начале, так и в конце средняя плотность населения здесь в десятки раз ниже, чем в европейских регионах России. Демографическая ситуация характеризуется стабильным ежегодным превышением рождаемости над смертностью. Одной из особенностей Республики Саха (Якутия) является исторически сложившийся большой удельный вес сельского населения в общем числе жителей (35,9% при среднем в других северных регионах России – 8%). Причем в сельской местности проживает преимущественно коренное население – якуты, русские старожилы и ведущие традиционный образ жизни коренные малочисленные народы Севера. Поэтому в Якутии развиты не только характерные для Севера подотрасли аграрного производства – оленеводство, охотничий и пушной промыслы, рыболовство, но и самые северные в мире земледелие и разведение молочно-мясного крупного рогатого скота. Понимая значение уникального ведения северного земледелия, скотоводства, его вклад в мировую культуру, в целях его сохранения для будущих поколений 2013 г. был провозглашен Годом села. Указом президента Республики Саха (Якутия) от 16 августа 2013 г. «О дополнительных мерах по устойчивому развитию села в Республике Саха (Якутия)» была объявлена пятилетка села. В переписи 2010 г. в список отдельных национальностей включено пять наиболее многочисленных национальностей (якуты, русские, украинцы, татары и буряты) и пять коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Саха (Якутия) (эвенки, эвены, долганы, юкагиры и чукчи). К *коренным малочисленным народам Севера*, проживающим в Республике Саха (Якутия), в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта

2000 г. № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. от 02.09.2010 № 669), Законом Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. 59-З № 121–III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» относятся долганы, чукчи, эвенки, эвены и юкагиры. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2010 г. № 669 «О внесении изменения в единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» Республика Саха (Якутия) включена в список территорий преимущественного проживания чукчей [Текущий архив Госкомитета по статистике по РС (Я)]. Основная масса якутского населения проживает компактно в центральной и вилуйской группах районов. В 10 сельскохозяйственных районах его доля превышает 80% всего населения, достигая 97,2% в Усть-

Алданском. В семи промышленных районах доля якутского населения составляет менее 20% (например, в Мирнинском – 3,8%, Усть-Янском – 8,7%). Расселение народностей Севера по территории Якутии носит дисперсный характер, особенно это относится к эвенкам и эвенкам. Небольшие группы эвенков проживают в г. Якутске, Нерюнгри и пяти районах республики, эвенов – на территории Якутского горсовета и 10 районов. Более или менее компактно расселены юкагиры и чукчи: первые – в Нижнеколымском и Верхнеколымском районах (64,4% всего юкагирского населения), вторые – в Нижнеколымском районе (77,6% всех чукчей) [Аргунова, 1992, с. 39–40]. Языковое многообразие языков в Республике Саха (Якутия) представлено национальностями, которые проживают на её территории, формируя городское и сельское население. Ранжирование по численности национальностей в абсолютной величине наглядно показано в табл. 1.

*Таблица 1**

Население по основным национальностям по Республике Саха (Якутия), чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Все население	958528	465906	492622	614545	296573	317972	343983	169333	174650
Из них указавшие национальную принадлежность:	934664	453843	480821	593594	285984	307610	341070	167859	173211
Якуты (саха)	466492	221471	245021	184655	83995	100660	281837	137476	144361
Русские	353649	172023	181626	327643	158080	169563	26006	13943	12063
Эвенки	21008	11086	9922	5486	2908	2578	15522	8178	7344
Украинцы	20341	10306	10035	19280	9713	9567	1061	593	468
Эвены (ламуты)	15071	5579	9492	5077	1550	3527	9994	4029	5965
Татары	8122	4107	4015	7420	3721	3699	702	386	316
Буряты	7011	3417	3594	6488	3152	3336	523	265	258
Киргизы	5022	2861	2161	4775	2728	2047	247	133	114
Армяне	3691	2686	1005	3597	2604	993	94	82	12
Узбеки	3332	2504	828	2938	2218	720	394	286	108
Долганы	1906	850	1056	260	94	166	1646	756	890
Юкагиры	1281	627	654	559	257	302	722	370	352
Чукчи	670	337	333	262	136	126	408	201	207

*Составлена по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

В процентном соотношении в общей доле населения якуты составляют 48,6%, русские – 36,8, эвенки – 2,1, эвены – 1,6, долганы – 0,2, юкагиры – 0,1, чукчи – 0,07%. Как считает Л.Л. Аюпова, тип расселения носителей национальных языков – сельский или городской – относится к числу важнейших факторов языкового развития [Аюпова, Салихова, 2003].

Якуты придерживаются сельского образа жизни, 82% из них проживают в сельской местности, 30% – в городских поселениях, 53,3% русских предпочтение отдают городам и рабочим поселкам и всего 7% живут в селах. Хотя, безусловно, происходят трансформации в этническом и языковом самосознании якутов (саха), тем не менее способ существования остается прежним. Как все мы знаем, язык и мифология предков в сельской местности передаются из поколения в поколение. Якутский ребенок как бы с молоком матери «овладевает» родным языком, языковая среда формирует языковую компетенцию. На селе происходят тесные межличностные контакты между представителями разных поколений, культурная жизнь села насыщена мероприятиями, функционируют самодеятельные коллективы, пропагандирующие якутский фольклор. Везде присутствует якутская символика, визуальная информация на родном языке, функциональные возможности языка безграничны и, главное, на селе, якутский язык обладает большой витальностью.

Языковая компетенция вместе с понятием «ценностные ориентации» относится к числу субъективных факторов. Но, как известно, соотношение объективного и субъективного порождает

ту диалектику, тот механизм воздействия на языковые процессы (ситуацию), которые на определенном этапе языкового развития создают специфику, своеобразие языковой жизни социума в том или ином регионе. В языковом развитии Республики Саха (Якутия) четко прослеживаются оба этих фактора. К числу объективных относятся следующие показатели: во-первых, собственную языковую среду имеют лишь 13 этносов (см. табл.1), т. е. они расселены компактно и их языки обладают определенной социальной и коммуникативной базой, это якуты (саха), русские, эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи, украинцы, татары, буряты, киргизы, армяне, узбеки. Якутские исследователи обычно рассматривают функционирование языков коренных народов и русского языка как языка межэтнического общения, не затрагивая функциональный статус языков других этносов, что приводит к усеченному анализу этноязыковой ситуации в республике.

Социальная база функционирования литературных национальных языков пяти самых крупных этносов республики весьма неодинакова. Основной закономерностью развития национально-языковых отношений в республике является совершенствование билингвизма и трилингвизма, национально-русский тип двуязычия является в данной ситуации доминирующим. Русским языком владеют 90,4% якутов, 91,0% эвенков, 91,4% эвенов, 86,2% долган, 97,0% юкагиров и 100% чукчей. Интересные данные Всероссийской переписи 2010 г. представлены в табл. 2.

Таблица 2*

Владение языками, %

Национальность	Родной язык	Русский язык	Якутский язык
Якуты	96,1	90,4	-
Эвенки	5,7	91,0	81,0
Эвены	22,3	91,4	76,8
Долганы	5,0	86,2	93,4
Юкагиры	22,6	97,0	49,6
Чукчи	40,5	100	10,3
Русские	99,9	-	2,0
Украинцы	43,6	99,8	0,8
Татары	35,0	99,7	4,0
Буряты	42,4	99,5	4,9
Киргизы	70,0	96,5	2,9
Армяне	68,8	97,3	1.1
Узбеки	67,6	94,6	2.8

*Подсчитано по итогам Всероссийской переписи Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

С одной стороны, овладение нерусским населением русским языком, ставшим по объективным историческим причинам языком межнационального общения, приобщило коренное население республики не только к культуре, искусству, образованию, науке страны, но и к мировой цивилизации. С другой стороны, непаритетный характер этого билингвизма привел к значительному сужению сфер функционирования языков малочисленных народов Севера, а также к снижению уровня владения языком. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., к примеру, только 5,7% эвенков, 22,3 % эвенов, 22,6% юкагиров, 40,5% чукчей, 5,0% долган, проживающих в РС(Я), считают язык своего этноса родным. Вместе с тем снижение социальных функций этнических языков, которое наблюдается в других республиках России, объясняется не только односторонним характером национально-русского двуязычия, но и не всегда лояльной языковой политикой, проводимой федеральным центром России по отношению к малым народам. В содержании понятия «языковая ситуация» присутствует процесс языкового взаимодействия – билингвизма и многоязычия. Проблема формирования билингвизма, трилингвизма тесно связана с теорией контактирования и взаимодействия языков. Она чрезвычайно актуальна для многих национальных республик РФ в связи с тем, что хотя государственными языками объявлены языки национальные, но в социально значимых сферах общения превалирует русский язык. Если придерживаться классификации, данной Л.Б. Никольским, то русский язык используется в большей степени в общегосударственной, региональной, производственной (промышленной), ритуальной (отправление религиозного культа) сферах [Никольский, 1976]. Безусловно, русский язык доминирует в сфере информации и печати, высшего образования, межличностного общения, исторически обусловленная полиэтничность РС(Я) привела к формированию билингвизма. Билингвизм стал основным способом решения коммуникативных проблем населения Якутии. В последнее время в научных трудах исследователей Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН дается анализ особенностей взаимодействия контактирующих якутского и русского языков и языков малочисленных народов Севера, при этом особое внимание уделяется след-

ствиям языковых контактов (интерференция, интеркаляция, заимствования), а также взаимовлияния и взаимопроникновения культур (культурная интерференция и интеркаляция), восприятия населением двуязычия, а также проблемам межкультурных коммуникаций. В последних монографиях Н.И. Ивановой «Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ: социолингвистическая парадигма» [2011], «Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект» [2012] и в работе Р.И. Васильевой «Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) на материале функционирования якутского и русского языков в Приленье» [2012], рассмотрены интенсивные и экстенсивные показатели национально-русского билингвизма, интерферентные и интеркаляционные процессы в устной и письменной речи билингов саха и русских.

Главным фактором успешности якутской модели межэтнического согласия выступает сохранение баланса интересов населяющих Якутию этносов, не допускающего привилегированного положения одних и ущемления прав других. Этому способствует продуманная сбалансированная языковая политика двуязычия и многоязычия, сложившаяся в РС(Я).

На мой взгляд, основными направлениями государственной языковой политики и деятельности по возрождению, сохранению, развитию и использованию языков коренных народов РС(Я) являются:

1) расширение правовой, социальной базы и сферы употребления национальных языков, создание условий для сохранения языковой среды в условиях компактного проживания коренных народов, в городских поселениях – расширения их сферы использования;

2) повышение культуры устной и письменной речи, как родного языка, так и русского языка как языка межэтнического общения;

3) проведение адаптационных мероприятий с мигрантами в аспекте их привлечения к обучению русскому языку;

4) сохранение языкового и культурного многообразия;

5) предоставление возможности другим этносам – татарам, бурятам, киргизам, армянам, узбекам – изучать свой язык как предмет, вплоть до создания языковых центров по изучению данных языков.

Литература

Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 88 с.

Аюпова Л.Л., Салихова Э.А. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // Вестник ВЭГУ: научный журнал. – № 29/30. Филология. – Уфа: Вост. ун-т, 2003.

Васильева Р.И. Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) (на материале функционирования якутского и русского языков в Приленье). Научное издательство "Lap Lambert Academic Publishing Gmb & Co.KG", 2012, Германия, 150 с.

Иванова Н.И. Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ: социо-

лингвистическая парадигма. – Новосибирск: Наука, 2011. – 240 с.

Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2012. – 130 с.

Никольский Б.Н. Синхронная социолингвистика. – М: Наука, 1976. – 167 с.

Сукнёва С.А., Мостахова Т.С. // Демографическое развитие региона: оценка, прогноз, политика. – Новосибирск: Наука, 2002.

Текущий архив Госкомитета по статистике РС(Я). Электронный ресурс: <http://sakha.spb.ru/orespublike>

R.I. Vasilyeva

Key indicators of the modern ethno-linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) (based on the all-Russian census of 2010)

The article considers main parameters of the modern linguistic situation, the ethnic composition of 13 main nationalities living in the Republic of Sakha (Yakutia), their linguistic competence in the native language; sociolinguistic and summarizes statistical data for further recommendation and predictive works.

Keywords: Language situation, language competence, idioms, ethnic groups, language policy, language status, interference, intercalation

УДК 81'354=512.157

Н.М. Васильева, Н.И. Данилова, А.Г. Нелунов, Н.И. Попова

Якутская орфография в новой редакции

В статье нашли отражение основные этапы становления и развития якутской орфографии, изложены научные основы, современные проблемы, принципы, основные виды деятельности в процессе работы над новым изданием «Орфографического словаря якутского языка».

Ключевые слова: якутский язык, орфография, норма, принципы орфографии, правила орфографии, орфографический словарь.

В последние годы проблемы нормализации якутского литературного языка, в том числе вопросы орфографии, вызывают живой интерес и специалистов, и широкой общественности. Причина этого видится в ведущей роли орфографии не только в установлении культуры письменной речи, но и в достижении целей письменного общения. От правильного написания слова зависят смысл и точность передачи мысли, правила орфографии являются ключом к правильному выражению своих и пониманию чужих мыслей. Не-

маловажно и то, что в последнее время практические запросы к установлению норм орфографии расширились – знание их требуется при оформлении всевозможных документов, рекламных и информационных текстов, вывесок, указателей, общении с помощью современных электронных средств. Поэтому задача разработки новых правил якутской орфографии и составления на их основе словаря с возможно широким охватом современной лексики была совершенно естественной. При этом важно учесть как социально-куль-

© Н.М. Васильева, Н.И. Данилова, А.Г. Нелунов, Н.И. Попова, 2016

турные условия существования языка, так и основополагающие моменты истории становления и развития орфографии.

В истории якутской письменности выделяются шесть основных этапов [Васильева, 2013, с. 8]:

I этап – XIX в. – характеризуется приспособлением для якутского письма церковнославянского алфавита, в котором не были предусмотрены буквы для обозначения специфических якутских звуков. Он отличался «сугубым буквализмом переводов и потому часто невразумительным слогом, <...>, непоследовательной и недостаточной выдержанностью орфографии» [Слепцов, 1986, с. 16]. Данный период также характеризуется появлением так называемого бетлинговского письма, разработанного О.Н. Бетлингом на основе русской графики с добавлением дополнительных букв для некоторых специфических звуков якутского языка, что позволило ему в полной мере отразить звуковой состав якутского языка. Именно данная система письма О.Н. Бетлинга заложила прочные основы для дальнейшего развития якутской письменности в «Образцах народной литературы якутов» Э.К. Пекарского, в первых выпусках периодической печати на якутском языке, в произведениях основоположников якутской художественной литературы;

II этап – 20-е гг. XX в. – связан с созданием в 1917 г. и официальным провозглашением в 1924 г. нового якутского алфавита, разработанного на основе Международной фонетической транскрипции С.А. Новгородовым. Специфической особенностью этого этапа истории якутской орфографии является зарождение и борьба двух противоположных точек зрения на якутскую орфографию, имевших огромное значение для ее дальнейшей эволюции. С одной стороны, это приверженцы фонетического принципа (П.А. Ойунский, А.А. Иванов-Кюндэ, Г.У. Гермогенов), которые выступали за необходимость сохранения закона гармонии гласных и ассимиляции согласных как основного закона живого народного языка и при орфографировании заимствованных слов предлагали придерживаться также фонетических и грамматических закономерностей якутского языка. С другой – сторонники морфологического принципа (Г.В. Баишев-Алтан Сарын, К.О. Гаврилов, С.Н. Донской-И, И.Д. Тимофеев-Моруо), которые призывали не отражать ни один случай ассимиляции согласных, писать заимствованные слова с сохранением форм прототи-

пов и для этого ввести в якутский алфавит буквы, обозначающие русские звуки.

III этап – 30-е гг. XX в. (кодификация орфографии) – рассматривается как этап становления якутского литературного языка, связанный с решением вопроса о принятии за основу якутского литературного языка его окружающего говора. Важной особенностью данного периода является согласование условий применения фонетического и морфологического принципов в правописании: во всех случаях словоизменения должен применяться фонетический принцип, опирающийся на законы живой речи, а морфологический принцип действует при написании некоторых производных основ и в словообразовании. Было решено писать заимствованные и вполне ассимилировавшиеся слова в фонетизированном виде, а интернациональные термины – в их русском начертании. При правописании аффиксов требовалось соблюдение закона сингармонизма. Завершение этапа в 1939 г. ознаменовалось переходом якутской письменности на новый алфавит, основанный на русской графике.

IV этап – 40–60-е гг. XX в. – начинается с введения единого орфографического закона – «Основ правописания якутского литературного языка», разработанных Д.К. Сивцевым по поручению Института языка и культуры и утвержденных в августе 1940 г. Наркомпросом ЯАССР [Сивцев-Суорун Омоллоон, 2010].

В целом период характеризуется установлением якутско-русского двуязычия и связанным с этим усилением ориентации на русизмы и интернационализмы, принятые в готовом виде из русского языка. Вместе с тем продолжается активная работа Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) по дальнейшему усовершенствованию правил якутской орфографии. В центре внимания и обсуждения встали три вопроса, считавшиеся в якутской орфографии основными и наиболее проблемными: 1) написание заимствованных слов; 2) написание якутских слов, допускающих различное произношение; 3) применение морфологического принципа написаний. С учетом мнений, доминировавших на широких общественных обсуждениях, в 1953 г. был издан проект правил орфографии в виде брошюры «Правила якутской орфографии. Проект улучшений и дополнений существующей орфографии», который в целом получил положительную оценку специалистов.

V этап – 1960 г. – до конца 1980-х гг. XX в. – определяется как новый этап развития якутской орфографии. В 1961 г. проект орфографических правил был одобрен правительственной орфографической комиссией и утвержден Постановлением Совета Министров Якутской АССР от 14 сентября 1962 г. № 490. На основе этих правил в 1963 г. был издан орфографический словарь якутского языка под редакцией Л.Н. Харитонова. В 1975 г. словарь, содержащий 14212 слов, был переиздан. В этот период в республике интенсивно распространяется русский язык как язык межнационального общения, массово проявляется якутско-русское двуязычие в устной и письменной формах. В якутский язык из русского языка активно проникают новые слова, требующие фиксации в словаре с целью упорядочения их правописания при словоизменении. Кроме того возникла потребность в расширении словарика за счет включения народной терминологии и номенклатуры, диалектизмов, не имеющих эквивалентов в литературном языке, сложных слов, целого пласта вариантных широко употребительных слов исконной лексики и т.д. В связи с этим появилась необходимость новой редакции орфографического словаря якутского языка, к работе над которой вновь приступил Институт языка, литературы и истории ЯНЦ СО РАН в 1986 г. В 1989 г. работа была завершена, однако вопрос издания словаря остался на тот момент открытым.

VI этап – с конца 80-х гг. XX в. – по настоящее время. В начале этапа произошли значительные изменения в языковой политике и языковом строительстве Республики Саха (Якутия): была развернута широкая дискуссия о государственном статусе якутского языка; резонансным событием стало принятие Концепции развития национальной школы; бурное обсуждение получил проект Закона «О языках в РС(Я)» (1992). В центре обсуждения общественности оказался также вопрос культуры речи, в том числе письменной, где наибольшую остроту приобрела проблема орфографирования иноязычной лексики, перманентно проникающей в язык в связи с научно-техническим развитием общества. В Правилах орфографии 1962 г. пунктом 14 предписывалось, что слова, вошедшие в якутский язык до 1917 г. и полностью освоенные языком, должны писаться в фонетизированном виде. В отношении слов, вошедших после 1917 г., было установ-

лено правописание в русском начертании, которое неукоснительно соблюдалось.

Однако в связи с демократизацией общества, которая отразилась и в сфере языка в форме так называемой либерализации норм правописания, в орфографировании как заимствованных, так и исконно якутских слов установились различные варианты написания в соответствии с особенностями их произношения. Это привело к значительному ослаблению орфографического режима, а значит, и расшатыванию норм литературного языка, в связи с чем в Институте гуманитарных исследований АН РС(Я) было принято решение о возобновлении работы над новой редакцией орфографического словаря якутского языка. С 1994 по 2000 г. велась сложная работа по упорядочению якутской орфографии, которая завершилась представлением проекта новых правил якутской орфографии в термино-орфографическую комиссию при Правительстве РС(Я). В 2001 г. Правительство утвердило их, и в следующем году они были изданы в виде приложения к новому «Орфографическому словарю», включавшему 41500 слов и словоформ [Сахалыы таба суруйуу тылдьыта, 2002].

Словарь, по признанию его редколлегии, носил экспериментальный характер и был представлен как «словарь переходного периода», поскольку допускал написание ряда заимствованных слов в двух вариантах: в фонетизированном виде и русском начертании. Совершенно естественно, что он вызвал неподдельный интерес и оживленный обмен мнениями со стороны активной части пишущей на якутском языке аудитории, который продолжался вплоть до наших дней. Противоположные мнения в отношении орфографии постоянно публиковались в различных печатных изданиях, устных передачах теле- и радиовещания, свидетельствуя о повышенном внимании населения к проблемам языковой нормы.

При любых нормативных разработках, в том числе орфографических, важно принимать во внимание не только их собственно лингвистическую базу, но и «социолингвистическую сущность категории нормы, которая требует активного вмешательства общества в процесс нормализации, его живой заинтересованности на основе четкого понимания значения литературных норм как национально-культурного достояния» [Слепцов, 1990, с.7].

По мнению социолингвистов, современная языковая ситуация в Республике Саха (Якутия)

характеризуется, с одной стороны, повышением интереса к национальной культуре, стремлением к этнической самоидентификации, а с другой – падением уровня знания родного языка, особенно, у представителей молодого поколения [Иванова, 2015, с. 99], что проявляется в том числе и в пренебрежительном отношении к норме как в устной, так и письменной речи. Последнее, как представляется, грозит не только разрушением литературного языка, но и разрушением культуры народа в целом. В этой ситуации упорядочение норм орфографии, установление единого орфографического режима посредством принятия новой редакции Правил орфографии и пунктуации и составления на их основе Орфографического словаря приобретает особую актуальность. А реализация этого проекта знаменует собой новый этап в укреплении основ культуры письменного языка.

Область орфографии охватывает самые разнообразные стороны языковой системы. Основные теоретические положения орфографии, в том числе и ее принципы, разработаны в трудах известных ученых на материале русского языка и находятся в поле их постоянного пристального внимания (Л.В. Щерба, А.Б. Шапиро, А.Н. Гвоздев, Е.Д. Поливанов, В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов, Д.Э. Розенталь, М.В. Панов, В.Ф. Иванова, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая и др.). Исследования и опыт работы русистов являются теоретико-методологической основой для разработки орфографии всех других языков младописьменных народов РФ, в том числе для якутского на всем пути его становления и развития.

Прочным фундаментом создания Новой редакции Правил орфографии якутского языка и разработки Орфографического словаря с изменениями и дополнениями послужили достижения современного якутского языкознания, отраженные в трудах Л.Н. Харитонова [1947; 1956], Е.И. Убрятовой [1960; 1985], Н.Е. Петрова [1973], П.А. Слепцова [1986; 1990; 2008] и др., и в первую очередь экспериментально доказанные научные результаты исследований Н.Д. Дьячковского [1962; 1971; 1977].

Орфография любого языка имеет в своей основе один или несколько принципов построения. «Принципы орфографии – закономерности, лежащие в основе орфографической системы, общие основания для написания слов при наличии выбора, предоставляемого графикой. Каждый принцип орфо-

графии объединяет группу правил, являющихся приложением этого принципа к конкретным языковым фактам» [Касаткин и др., 2006, с. 163].

Для современной якутской орфографии в качестве основных принципов ее разработки приняты фонетический и морфологический, а для написания основ заимствованных слов – отчасти, цитатный принцип. Фонетический принцип предполагает такое написание, когда буквы употребляются в своих алфавитных значениях, соответствующих определенным звукам. Однако фонетический принцип в чистом виде не применим при написании многовариантных слов. Морфологический принцип предполагает единообразное написание слова согласно его морфологической структуре, состоящей из основы слова в сочетании со словообразовательными и словоизменительными аффиксами. Однако он «...применяется лишь частично – при выборе неассимилированного варианта произношения» [Слепцов, 1990, с. 27], утвердившегося как традиция со времен появления первых орфографических справочников якутского языка. Цитатный принцип, заключающийся в сохранении написания подлинника, применяется в якутской орфографии при написании заимствованных слов с сохранением исходной основы.

При разработке последней новой редакции правил орфографии якутского языка, утвержденной Постановлением Правительства РС(Я) от 22 декабря 2015 г. № 501 были рассмотрены отдельные пункты на предмет целесообразности их сохранения в связи с утратой актуальности. Это касалось, например, п. 17 о правописании глагольных основ с долгой гласной или дифтонгом на конце типа: *кэпсээ – кэпсиэ* ‘рассказать’; п. 20 – о правописании слов с вариантами произношения *ыарахан – ыараххан* ‘тяжелый’, *улахан – улаххан* ‘большой’; п. 41 – о правописании прилагательных на *-гэр, -бөр*: *мэтэ-гэр, мөтөбөр*. С учетом того, что литературный вариант написания регламентируемых слов в письменной практике прочно установился, было принято решение исключить пункты 17 и 20 из правил. Пункт 41 также исключен на том основании, что правописание подпадающих под него прилагательных, представляющих собой в целом изобразительную лексику, не поддается кодификации.

В п. 5 Правил о правописании слов с носовым [j], который в письме обозначается буквой й, вне-

сено изменение в части примечания: приведено слово *аньыы*, единственное, где носовой [j] пишется через *нь*.

Расширен список трудных словоформ, правописание которых регламентировано п. 25 Правил (в новом проекте – п. 23): в примечании дополнительно даны слова *сүллүүкүттэр* ‘шиликуны’, *түөкүттэр* ‘разбойники’, *күлүгээттэр* ‘хулиганы’;

Из п. 46 (43), удален подпункт 2, допускавший два варианта написания заимствованных слов, – *бизнес – биисинэс, рынок – ырыынак, тема – тиэмэ* и др.

Изменился принцип организации структуры правил пунктуации. Вместо девяти разделов, дифференцированных по знакам препинания, стало четыре раздела, группирующихся по типам предложений: простое, сложное, прямая речь, а также по особым случаям использования отдельных знаков препинания.

Вместо 73 правил пунктуации стало 43 за счет упрощения и объединения нескольких однотипных правил в одно.

С учетом изменений и дополнений, внесенных в Правила орфографии, в процессе составления словника нового Орфографического словаря якутского языка была проведена большая работа по его оптимизации. Проведен сравнительный анализ словника с ранее изданными орфографическими, терминологическими, переводными словарями якутского языка, справочниками, изданными томами Большого толкового словаря якутского языка, материалом академической картотеки для внесения изменений, дополнений и уточнений в словник новой редакции Словаря. Уточнен ряд списков слов, а именно: список слов с грамматической пометой; список слов изобразительной (звукоподражательной и образной) лексики; список слов диалектной лексики; список вариантных слов; список парных слов, представляющих трудность для письма.

Фактологический анализ Орфографического словаря 2002 г. выявил ряд требующих решения вопросов. Так, словарь содержит большое количество слов с фонетическими вариантами типа: *барыннаа – боруннаа, буомур – муомур, быраан – мыраан, тарбыйах – торбуйах, дьэһимизэн – нэчимизэн, кэридэх – кэрэдэх, чөккөй – чөркөй* и т.д. Обнаружен массив диалектных слов, имеющих параллели в литературном языке: *дэлэбинэ* (лит. *дэлэбэ*), *дьанта* (лит. *болбукта*), *көкөчө* (лит. *ку-*

рунньук), *мөрө* (лит. *күтэр*), *саарынгы* (лит. *акаары*), *ыпчаа* (лит. *кыараа*) и т.д. Редакционная коллегия обратила внимание на наличие большого многообразия образной лексики, не поддающейся нормированию и орфографированию. Особенность таких слов в том, что они не имеют единой устойчивой формы, они ситуативны и могут путем изменения состава гласных производить новые основы с различными оттенками значений, например: *алтарахтаа, бабылдьый, доборойдоо, дьалдьыгыраа, имигилдьый, монголдьуй, накылдьый, ньылбаарый, өөбүргэс, садьыаскайдаа, ыртараннаа* и т.д. В словаре приведены слова малоизвестные, не имеющие широкого употребления, редко использующиеся в литературном языке: *курбалдьын, сирэлгэн, итингэй* и т.д. Присутствуют парные слова, не типичные для якутского языка или нарушающие обычный порядок следования слов в сочетании: *алака – талака, бурас – тарас, дьаһалта – салалта, итир – ботур, кизли – маалы*. Наблюдается разнобой в написании прописных и строчных букв в именах собственных и нарицательных.

В связи с обнаруженными недочетами, в новую редакцию словаря внесен целый ряд изменений. В словник введены ранее не охваченные исконные слова с орфограммами и заимствования, освоенные якутским языком, нуждающиеся в кодификации. Это *ап, арамачыыс, байтаһын, биллэх, боччук, баанка, бэргэн, буотарах, дэйбишр, исписэлиис, кырыыһа, кыччаа, похуот, сэрэхэчий, холкуос, харарбаа, чэчиэринньик, кэччэгэй, кээнчэ*; устаревшие или устаревающие слова, например: *боччук, баһырбас, килиэбинэ* и т.д.; неологизмы: *мадьыны, мааллаа, урбаан, урбаанньыт, Ил Дархан*; названия религиозных праздников и астрономических наименований, которые пишутся с прописной буквы, например: *Ороһуоспа, Охоноһойоп, Бөтүрүөп, Былабачыанньыйап, Киристиэн, Кириһиэнньэ; Араҥас Сулус, Мэндэнэ, Чолбон, Хотугу Сулус* и т.д.

Значительно расширен список парных и сложных слов с дефисом и без него типа: *бай-тай, унуох-ингизэх, күөрэ-ланкы, туос иллэн, хамныыр харамай, тыл-өс, күүс-күдэх, күрүөх-билэ, күүгүн-хаабын, илэ-сала, бөбө-таба, марай-сарай, туман-имээн, утары-таары, эргизэн-урбаан* и т.д.

Проведена работа и по упорядочению изобразительных слов, которые в основном своем массиве, как уже упоминалось выше, не поддаются орфографированию. В связи с этим некоторое ко-

личество изобразительных слов осталось за пределами словаря, в том числе и так называемая пейоративная лексика. Заметному сокращению подверглись диалектные слова, имеющие параллели в литературном языке. Из двух-трех вариантов слова, ранее зафиксированных в Словаре как нормативные, предпочтение отдано тому, который по результатам обследования установлен как наиболее широко употребляемый в письменной практике. Редколлегия сочла возможным исключить из словника также слова, правописание которых в силу устоявшейся традиции не вызывает затруднений, и, наконец, иноязычную лексику, относящуюся к области общественно-политической, научно-технической лексики, которая не поддается фонетической обработке, типа: *гросс-мейстер, неолит, полиграфия, фортепьяно*, и пишется в исходной форме.

Особняком стояла важная задача по установлению норм правописания иноязычных слов, в отношении которых допускались два варианта написания, например: *академик – акадьыамаык, банкет – бангыат, вертолет – бөртөлүөт, журналист – суруналыыс, культура – култуура, офицер – эписиэр, рюкзак – үрүсээк* и т.д.

Для решения этой задачи Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН была предпринята инициатива по отслеживанию материала периодической печати на якутском языке на предмет выявления доминирующего варианта в написании иноязычной лексики. Начиная с 2003 г. были проанализированы отдельные номера республиканских газет: «Саха сирэ», «Ил Түмэн», «Кыым», «Киин куорат», «Кэскил», «Туймаада», выборочно улусных (районных) газет, как средств, наиболее точно отражающих современные тенденции происходящих в языке изменений. Как показало обследование, в целом, в периодической печати в этом аспекте наблюдается разнотенденция. Так, в ежедневной газете «Саха сирэ» заимствованные слова в основном передавались в русском начертании, но, по сравнению с 2003 г., в последние годы все же наблюдалось какое-то стремление к фонетизации иноязычных слов.

Еженедельная газета «Кыым» чаще отдавала предпочтение фонетизированному варианту иноязычных слов, иногда в ущерб якутскому эквиваленту, например: *учуобунньук* вместо *үөрэнэр кинигэ* (учебник), *сиэркэп* вместо *тангара дьыэтэ*

(церковь), *сэкириэт* вместо *кистэлэн* (секрет) и др. Вместе с тем необходимо отметить ее положительную роль в последовательном и целеустремленном распространении и укоренении в письменной практике фонетизированных форм заимствованных слов.

Что касается широкоупотребительных слов из числа заимствованных, то установлено, что во всех рассмотренных газетах прочно закрепилось их правописание в фонетизированном виде, например, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *бэрэс-сэдээтэл* ‘председатель’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *дириэктэр* ‘директор’, *куонкурус* ‘конкурс’, *куурус* ‘курс’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *уорган* ‘орган’, *устудьуон* ‘студент’, *уопут* ‘опыт’, *лимит* ‘лимит’ [Васильева, 2013; 2015].

С учетом результатов наблюдения в словник включены заимствованные слова, фонетически освоенные якутским языком и утвердившиеся в письменной практике, например: *биисинэс, киибэр-эйгэ, куонкурус, суруналыыс, түөркэ, кэнсиэр, лүөччүк, испэктээк, хадатаайыстыба, худуо-һунньук, испириис, дьаабылыка, ырыынак* и т.д.

Таким образом, масштабная исследовательская и аналитическая работа, предпринятая членами редколлегии, позволила решить вопрос правописания большого пласта лексического состава якутского языка, представляющего трудность для пишущих на нем.

В целом, авторам хочется надеяться, что разработанный на основе новых правил «Орфографический словарь якутского языка» сыграет заметную роль в решении проблем развития и укрепления норм современного якутского литературного языка.

Литература

Васильева Н.М. Становление и развитие якутской орфографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2013. – 25 с.

Васильева Н.М. Об употреблении заимствованных слов в газете «Саха сирэ» // Научный альманах. – Тамбов, 2015. – № 3 (5). – С. 236–238.

Дьячковский Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. – Якутск, 1962. – 72 с.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. – Ч. I: Вокализм. – Якутск, 1971. – 192 с.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. – Ч. II: Консонантизм. – Якутск, 1977. – 255 с.

Иванова Н.И. Современный носитель якутского языка г. Якутска: социолингвистическая характеристика в динамике. 2008 и 2014 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск, 2015. – №2(11). – С. 64–69.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высш. шк., 2006. – 406 с.

Петров Н.Е. Орфография якутского языка // Орфографии тюркских литературных языков СССР. – М.: Наука, 1973. – С. 284–301.

Сахалыы таба суруйуу тылдьыта (Орфографический словарь якутского языка) // Саха Респ. наукатын акад. Гуманит. чинчийи ин-та; редкол.: В.М. Анисимов уо.д.а. – Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2002. – 543 с.

Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. Основы правописания якутского литературного языка / Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. Полн. собр. соч. и трудов: в 14 т. – Т. 5: Родной язык. – Якутск, 2010. – С. 619–624.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 276 с.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск, 2008. – 544 с.

Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1985. – 60 с.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 148 с.

Харитонов Л.Н., Бараишков П.П. О правилах якутской орфографии. – Якутск: Кн. изд-во, 1956. – 23 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Якутск: Кн. изд-во, 1947. – 312 с.

N.M. Vasilyeva, N.I. Danilova, A.G. Nelunov, N.I. Popova

The Yakut spelling in the new edition

The main stages of formation and development of the Yakut spelling have found reflection in article, scientific bases, modern problems, the principles, primary activities in the process of creating the newly published Spelling Dictionary of the Yakut language.

Keywords: the Yakut language, spelling, norm, principles of spelling, rule of spelling, spelling dictionary

УДК 811.512.157

Л.М. Готовцева

Взгляд на природу фразеологических единиц якутского языка

В статье рассматриваются базовые понятия и категории якутской фразеологии как ключ к пониманию сущности фразеологических единиц якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, фразеология, классификация, структура, семантика, стилистика, состав фразеологизмов, источники происхождения, парадигматические и синтагматические отношения.

Общепризнано, что фразеология хранит в себе древнейшие элементы языка от слов, грамматических форм до переставших быть литературной нормой синтаксических конструкций, соответственно, «консервируя форму, она (фразеология. – Г.Л.) консервирует и содержание» [Мокиенко 1986, с. 18]. В ней отражается национальное своеобразие народа, его материальная и духовная культура. В статье мы попытаемся опи-

сать базовые понятия и категории якутской фразеологии, которые послужат для дальнейших фразеологических изысканий.

Объем и границы фразеологии якутского языка

Основными признаками фразеологических единиц (ФЕ) традиционно выдвигаются в различных комбинациях устойчивость, целостность

© Л.М. Готовцева, 2016

значения, раздельнооформленность, воспроизводимость в готовом виде. Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивность, идиоматичность и т.п. Различают фразеологию в узком и широком смыслах слова.

Фразеология в узком смысле слова – это идиоматика, т.е. совокупность идиом. Идиомы (от греч. *idioma* – особенность, своеобразие) – это устойчивые эмоционально-образные сочетания слов с переносным значением, выполняющие в предложении функции одного члена предложения. По семантической классификации фразеологических единиц, разработанной В.В. Виноградовым [1946, с. 45 – 69; 1972, с. 23–30] и дополненной Н.М. Шанским [1985], это так называемые фразеологические сращения и фразеологические единства. Фразеология в широком смысле – это различные по значению и грамматической структуре устойчивые сочетания слов неидиоматического характера, обладающие аналитическим значением.

В современном якутском языкознании понимание фразеологии в узком смысле является ведущим, т.е. фразеологические единицы якутского языка – объективно существующий особый разряд языковых единиц, которые отличаются не только от свободных словосочетаний, но и от других типов устойчивых словесных комплексов, т.е. составных терминов, модальных сочетаний, постоянных эпитетов, крылатых слов, типовых конструкций грамматического характера, пословиц, поговорок, устойчивых моделей сочетания слов. (Анализ точек зрения об объеме фразеологии якутского языка см. в работах А.Г. Нелунова [1981], Л.М. Готовцевой [1994], Т.Н. Николаевой [2009].

Семантическая классификация фразеологических единиц

Семантическая классификация фразеологических единиц учитывает соотношение общего значения фразеологической единицы со значениями её словных компонентов.

Основываясь на известной классификации В.В. Виноградова, можно делить ФЕ якутского языка на три типа: 1) фразеологические сращения или идиомы, в которых составляющие их слова (компоненты) связаны немотивированно: халлааны туойар ‘несет чепуху’ (букв. воспевает небо), хой баһын туой ‘молоть вздор, городить чепуху’, өс киирбэх ‘наивно, легковёрно’; 2) фразеологические единства, которые семантически

неделимы и представляют собой единое целостное значение, но связь компонентов здесь мотивирована: бэлэс анньан көрөр ‘пробует выпытывать’, хаар курдук хаамп ‘легко одолевает кого-л., что-л.’, илиитин (ытыһын) иһигэр эргитэр ‘распоряжаться кем-л. как угодно, по своей воле, брать в руки кого-л.’; 3) фразеологические сочетания – фразеологизмы, у которых связь составляющих их компонентов менее прочна: хара сор ‘черная мука, черное несчастье’, өйө хоппот ‘ума не приложит, не в состоянии сообразить, понять что-л.’; дьыалата хаахтыда ‘плохи дела у кого-л.’. В приведенных примерах первые лексемы в составе данных устойчивых сочетаний имеют прямое свободное значение, а вторые – переносное фразеологически связанное значение.

Лексический состав якутских фразеологических единиц

Основная часть фразеологизмов состоит из разных категорий слов общенародного языка, которые используются в нём в свободном значении. В составе фразеологических единиц, особенно идиоматического характера, значения слов претерпевают изменения на семном уровне (процессы сужения, расширения, абстрагирования, обобщения значения) и в сочетании со значениями других компонентов фразеологических единиц формируют их новое, фразеологическое, значение [Эмирова, 2010, с. 3].

Фразеобразовательным, организующим центром многих ФЕ якутского языка выступают названия частей и органов тела человека и животных: айах ‘рот’, атах ‘нога’, бас / төбө ‘голова’, мурун ‘нос’, харах ‘глаз’, илии, хол ‘рука’, тыл ‘язык’, сүрэх ‘сердце’ и др. Такие лексемы используются в составе фразеологических единиц в разных грамматических формах, свойственных именам существительным. Например, в «Толковом словаре якутского языка» отмечается следующее количество соматических фразеологизмов: с лексемами илии – 107, айах – 92, бас – 50, төбө – 50, сүрэх – 50, атах – 38, кулгаах – 36, тыл – 72 единицы. Соматизмы в составе фразеологизмов определяют общий характер их семантики и способствуют формированию фразеологических полей. Так, наличие в составе фразеологических единиц лексемы бас/төбө может свидетельствовать об их отнесённости к семантическому полю интеллектуальной деятельности человека: баскын/төбөбүн сыс ‘ломать голову над чем-л.’, ба-

стаах (төбөлөөх) киһи *разг.* ‘очень умный, толковый человек’. Фразеологизмы с компонентом бас/төбө могут характеризовать также эмоциональное и/или физическое состояние человека: төбөтүн санныышпыт ‘повесить голову’, баһа дэлби барда ‘голова раскалывается у кого-л.’. Фразеологизмы с компонентами тыл, айах обычно характеризуют и оценивают речевую деятельность человека: айабын ас ‘заставить говорить кого-л.’ тыла өһүлүннэ ‘язык развязался’, тыл аабыс ‘возражать кому-л.’ и др.

Встречаются ФЕ, имеющие в своем составе имена числительные, выбор в качестве компонента которых обычно обусловлен особенностями этнической культуры. Так, в вышеназванном словаре обнаружены фразеологизмы с компонентами биир ‘один’ – 21 единица, икки ‘два’ – 34, үс ‘три’ – 10, түөрт ‘четыре’ – 7 единиц. Отдельно выделяются ФЕ, в составе которых встречаются прилагательные цветообозначения в переносных, символических значениях: үрүн ‘белый’, хара ‘чёрный’, күөх ‘зеленый’: хара сурук ‘письмо-извещение из действующей армии о гибели кого-л.; похоронка’, күөх сүрэх ‘лентяй, бездельник’.

Существует ряд ФЕ, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии: природно-климатические условия, в которых сформировался народ – носитель языка, традиционные формы его жизнедеятельности и хозяйствования, обычаи, собственные имена, предметы повседневного быта – одежда, обувь, пища, посуда, орудия труда и др.: **тымныы муоһа** тостубут ‘лютая стужа (чуть) ослабела’ (*букв.* рога мороза обломились), **ис минэ** киһи ‘приятный, обаятельный человек’ (*букв.* человек, как бульон из потрохов), баһа **ыаҕастаах** уу курдук дьалкыннас ‘у него голова сильно болит’ (*букв.* голова плещется как вода в берестяном ведре), **хамыйах** салааччы *разг.* ‘подхалим’ (*букв.* лизающий ложку), **Наахара** хаанын хаананар ‘(с досады) принимать отчаянное решение’ (*букв.* кровь у него становится такой (черной) как у нахаринских саха).

В составе некоторых ФЕ встречаются некротизмы (компоненты, не встречающиеся вне ФЕ): ис **киирбэх** ‘располагающий к себе’, **уй** курдук истээх ‘большеброхий, со вздутым животом (*например, о детях больных рахитом*)’, архаизмы: **тор** курдук (хара) бытыктаах ‘с черными короткими волосами или такой же бородой’.

Структурная классификация фразеологизмов якутского языка основывается на соотносительности ФЕ и определенной части речи. В зависимости от того, какой части речи эквивалентен фразеологизм в целом, их подразделяют на субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, междометные.

Субстантивные ФЕ объединены общим значением предметности и могут составить следующие семантико-тематические группы: ФЕ, обозначающие лицо, не-лицо (конкретные предметы, отвлеченные понятия), например, халлаан киһитэ ‘неприспособленный к жизни человек’, көмүс ыччат ‘золотая молодежь’, сүрэх-быар аалыыта ‘камень на сердце’. Они характеризуются наличием у них категорий числа, принадлежности, падежа.

Субстантивные фразеологизмы употребляются в предложении в разных синтаксических функциях: подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения, обстоятельства. *Техника кыратык даҕаны тохтоотобуна... аҕыс айдаан* (*букв.* восемь скандалов) *тахсар* [Никифоров, 1983, с. 38]. ‘Если останавливается техника, поднимается большой скандал’. *Үгүс ыалга хара суруктар кэлбит сурахтара күн аайы иһиллэ тураллара* [Тумарча, 1985, с. 204]. ‘Каждый день слышны были вести о том, что многие семьи получали похоронки’. *Сүөдэр дьэйтигэр муңур ыраахтааҕы* [Амма Аччыгыйа, 1994, с. 125]. ‘Дома Федор – царь и бог’.

Адъективные фразеологические единицы по категориальному значению соотносятся с прилагательными; выступают обозначениями разно-образных признаков, качеств, свойств как людей, так и предметов и явлений, отвлеченных понятий. Среди них выделяются группы ФЕ, характеризующие умственные, психические, моральные качества человека: мас акаары ‘глуп как пробка’; көнө сүрэхтээх ‘честный, искренний (*человек*)’, физическое состояние человека: илиитинэн сирдэрбэт ‘физически сильный’; социальное происхождение: силиһэ-мутуга суох *разг.* ‘не имеющий корней; не имеющий родственников, семьи, близких’; материальное положение человека: хаһытыыр харчылаах, үөгүлүүр үптээх ‘очень богатый в финансовом отношении’ ит.д. Они обладают категориями принадлежности (притяжения) и падежа, принимают аффиксы сказуемости, хотя наблюдаются определенные ограничения в парадигматических формах.

Адъективные фразеологические единицы могут употребляться в функциях определения, составного именного сказуемого и подлежащего (при условии субстантивации), обособленного определения. *Мас көнө дьон, ыраас суобастаах, үлэттэн атыны билбэт, мэлдьи абыйах сангалаах буолааччылар* [Хотугу Сулус, 1970, с. 55] 'Наивно-простодушные люди бывают с чистой совестью, знают, только трудиться, они немногословны'. *Вася сааһа үһэ. Кини илии тупнах* [Хотугу Сулус, 1974, с. 106]. 'Васе три годика. Он имеет привычку хватать что попало'. *Дьон сүрүбэ халыг* [Амма Аччыгыйа, 1994, с. 302]. 'Люди бессердечны'. [Марыына:] *Биһ хара дьайдаах барбыт ээ.* [Софронов, 1965, с. 322] 'Тот мерзавец ушел'.

Адвербиальные фразеологизмы по категориальному значению соотносятся с наречиями; имеют значение качественной характеристики действия или процесса. По своей семантике адвербиальные фразеологизмы делятся на следующие группы: **образа действия:** уот сиирин курдук 'очень быстро, интенсивно (*работать*)'; төтөлө суох 'быстро, без запинки (*напр., говорить, рассказывать*)'; **меры:** аал ажалбытын курдук 'будто доставило судно (*о чем-л. в большом количестве, внезапно появляющемся*)'; ыам балыгын курдук 'чрезмерно много, тьматьмушая'; **степени:** аатын билбэт буола (гына) 'чрезмерно, непомерно, сверх всякой меры', баһыттан атабар диэри 'с головы до ног'; **места:** хой баһа 'очень далеко, на большом расстоянии *от кого-, чего-л.*', тэллэх баттаһа (*олороллор*) 'очень близко, рядом, двор о двор (*жить*)'; **времени:** эрдэ сылла 'заблаговременно, заранее', сыл (дьыл) баһыгар-атабар 'очень редко, через большие промежутки времени'; **причины:** өлөнтөрөөн да туран 'при любых обстоятельствах, во что бы то ни стало'; сир суох 'нет основания (*напр. для обиды*)'; **цели:** харах баайан 'для отвода глаз'; санаабын сорукутанан 'для исполнения желания; ради исполнения желания'. Поскольку адвербиальные фразеологизмы являются неизменяемыми единицами, они не связаны с какими-либо грамматическими категориями и имеют нулевую грамматическую парадигму. Выступают в предложении в качестве различных обстоятельств.

Самую большую в количественном отношении семантико-грамматическую группу образуют *глагольные фразеологические единицы*. Они

обозначают действия и состояния. Они могут быть распределены по следующим семантико-тематическим группам: ФЕ, обозначающие эмоциональное состояние: унуоҕа халыр босхо барда 'поджилки трясутся' *у кого-л.* (букв. кости его затряслись), кинэ киирбит 'быть злым, гневаться' (букв. гнев его вошел); конкретное физическое действие: изнин хастаа (тарт, саралаа) 'спустить шкуру *с кого-л.*'; речевую деятельность: санатыттан маппыт 'лишиться дара речи, стать молчаливым'; интеллектуальную деятельность: мэйиигэр хатаа *разг.* 'хорошенько запоминать *что-л.*; мотать себе на ус' (букв. запирает в своем мозгу). Данные ФЕ выполняют функции глагольного сказуемого и обладают категориями времени, лица, числа, залога, наклонения. Следует отметить, что в составе фразеологизмов компоненты могут иметь ограничения.

Междометные фразеологизмы. Имеется ряд ФЕ, основной функцией которых является выражение чувств говорящего к собеседнику или к другому субъекту: 1) гнева, возмущения: айабын абатын (тумсун тууһун) 'формула, выражающая крайнее возмущение словами собеседника (*наглостью, ядовитой язвительностью его речи*)' (букв. как ядовит его рот, как язвительны его уста); 2) удивления: ол айыыта онон 'пропал без вести' (*говорится с оттенком удивления, когда кто-л. был, затем куда-то ушел, исчез, потерялся и его поныне нет*); 3) безразличия: кытыым да кыһыйбат 'мне безразлично, все равно; мне ни жарко, ни холодно'; 4) осуждения: айабыттан күөх от үүнүө буоллаҕай 'будто вырастет из его рта станет сыпаться золото' (*так говорят, осуждая того, кто больше или лучше других ест лакомую пищу*).

Структура фразеологических единиц

Структурная организация ФЕ якутского языка представлена следующими типами моделей: модель аналога словосочетания, модель аналога предложения. Наиболее распространенными являются ФЕ, имеющие структуру словосочетания. Они строятся по тем же грамматическим моделям, что и свободные сочетания.

Глагольные фразеологизмы по составу могут быть двухкомпонентными, трехкомпонентными. ФЕ, образованные по модели имя сущ. + глагол. Именной компонент может выступать в разных падежных формах: хаана оргуйар 'кровь кипит *в ком-л.*', долоҕойгор тохтот 'слушать внимательно

но', иингэ киридэ 'ложиться в могилу'; наречие+глагол: туора көр 'ненавидеть'; быһагыныма 'выполнять, делать *что-л. по чьей-либо просьбе*', имя числ.+глагол: сэттэтин ыл 'спустить шакуру с *кого-л.*'; местоим.+глагол: бэйэбинэн охсума 'не мерить на свой аршин'.

Среди субстантивных фразеологизмов наиболее характерной является модель прил.+имя сущ.: кыһыл тыл 'пустословие, фразерство', ханнаах андабар 'твердое, нерушимое клятвенное обещание'. Вторыми по продуктивности являются фразеологизмы, образованные по структурной модели изафета имя сущ.+имя сущ.: мурун бүэтэ 'последний (*обычно самый любимый*) ребенок в семье'; айах адабата *неодобр.*, 'лишний рот; дармоед, нахлебник'. Встречаются ФЕ модели: прич.+сущ.: өлөр иһээчи 'горький пьяница, беспробудный пьяница'; оспот баас 'застарелая рана, укоренившаяся душевная рана', а также модели числ.+сущ.: икки (сэттэ) сирэйдээх 'подхалим, льстец; угодник'; икки атахтаах *фольк.* 'человек; человечество'.

По составу адъективные ФЕ могут быть двухкомпонентными, многокомпонентными. Продуктивной является модель имя прил.+имя прил.: уһун илиилээх 'имеющий возможность отомстить *кому-л.* где угодно' (*букв.* с длинными руками), уһуктаах тыллаах (уостаах) *разг.* 'умеющий и любящий острить'; имя сущ.+имя прил. ФЕ этой модели генетически восходят к двусоставным предложениям: сүрэбэ халын 'неотзывчивый; бездушный; бессердечный' (*букв.* сердце его толстое); имя прил. + имя сущ.: кытабас илии 'скупой, прижимистый'; тон хаһаа 'очень холодный, неоттапливаемый (*о жилим доме*)'; имя сущ. + имя сущ.: уот айах 'острослов, искусный оратор; бойкий на язык' (*букв.* огненный рот); инииир силгэ *разг.* 'сильный, с рельефными мышцами (*человек*)'.

По составу адвербиальные ФЕ в большинстве случаев состоят из двух компонентов. Встречаются и многокомпонентные. Порядок следования компонентов в них закреплённый, перестановки компонентов не допускаются. Самой распространённой моделью является модель: имя сущ.+ дееп.: кутурук уопсан 'наступая на хвост *кому-л.*, наступая на пятки *кому-л.*, суолга түбэһэн 'наткнувшись на какой-то случай'. Именной компонент может принимать парадигмы притяжательности, числа, он закрепился в определённой падежной форме: сискин

көннөрбөккө (*үлэлээ*) 'не разгибая спины (*работать*)' баскын холбоон (*тугу эмэ гын*) 'в согласии, вместе, дружно (*что-л. делать*)'. Второй по продуктивности является модель имя сущ.+имя сущ. в косвенных падежах: эт тилэбинэн (атабынан) 'без помощи каких-л. средств передвижения, собственными ногами; пешком'; харах харамыгар 'проявляя жадность, жадничая'. Далее по продуктивности следует модель имя сущ.+прич.: айаба хайдыа-бынан 'во весь рот, во всю глотку', иһэ ылыабынан (ыларынан) 'до отвала, до пресыщения (*наедаться*)'.

Фразеологизмы, сходные по построению предложениям, по структуре неоднородны. Фразеологизмы типа простого распространённого предложения: иһигэр былас муостаах кирибит 'разгневаться, приходиться в ярость, выходить из себя', кутуйах хороонун кэнэтэр 'не зная, куда деваться от страха'; определённо-личные предложения: хараххар үүт ыгыахтара суоба 'не пожалеют'; безличные предложения: киэн көбүс кыараата 'кто-л. попал в трудную ситуацию, не знает, как поступить, *кому-л.* жутко', атах тириитэ баранна 'у *кого-л.* не осталось кожи на ногах (*от продолжительной ходьбы*)'; усечённые придаточные предложения: үөһүм да быстыа буоллар 'во что бы то ни стало, хоть тресни', үрүг сүннэ быста илигинэ 'пока жив (он не согласится)' (*букв.* пока его спинной мозг не переломится).

Основные способы образования ФЕ

Способы образования ФЕ различны. Абсолютное большинство фразеологизмов якутского языка образовано с помощью метафоры, например, таас сүрэх 'каменное сердце', кус сүрэх 'трус', тиин (оноло) мэиини 'памятливый, не забывающий'; метонимии: икки атахтаах 'человек' (*букв.* двуногий, с двумя ногами), уһун сонноохтор *эргэр.* 'богатые, разбогатевшие (*букв.* [люди] с длинными пальто)'. В результате гиперболизации появились атаба сири билбэт 'сильно радоваться' (*букв.* нога его землю не чувствует), айаба харарар (кытарар, онойор) 'решительно отрицает' (*букв.* рот его чернеет (краснеет, открыт)), ыһар буор курдук 'очень много' (*букв.* как развевающаяся пыль). Путём сравнения возникли ынабы ыныырдаабыкка дылы 'о некрасивом одеянии или вообще о несоответствующей и неподходящей вещи', харыйаны таннары соспут курдук (киһи) 'чрезвычайно упрямый и несговорчивый; упрямый как осел'. Одним из способов образова-

ния ФЕ является табу: төбөтө (өйө) хамсаабыт ‘с ума сошел’ (букв. голова (ум) сдвинулась), кытарар былдыаата ‘сгорело от пожара’ (букв. краснеющий отнял), салгын охсубут (букв. воздух ударил). Некоторые ФЕ образовались путем усечения паремий, при этом в основном обособляются как начальные, так и конечные компоненты паремий: ФЕ айах адаҕата ‘лишний рот; дармоед, нахлебник’ является начальным компонентом выражения айах адаҕата, буоһах бохсуута ‘пути для рта, задержка для пищевода’. Конечный компонент выражения сыа хаары быспат, уу долгура тын хамнаппат, күөх оту тосту үктээбэт киһи становится фразеологизмом күөх оту тосту үктээбэт (киһи) ‘очень тихий, смирный (человек)’.

Стилистическая характеристика фразеологизмов якутского языка

Подавляющее большинство составляют межстилевые ФЕ. Данные ФЕ характеризуются: а) отсутствием в составе ФЕ стилистически маркированных компонентов, б) привычностью заложенного в них образа и потому сниженной экспрессией, например, бэйэ киһитэ (дьоно) ‘родной или связанный близкими отношениями человек, свой человек (свои люди)’, өлөр атаһым (доҕорум) ‘закадычный друг’; оҕо оонньуута ‘пустяковое дело, занятие; пустяк’ (букв. детская игра). Они широко употребляются в обиходно-бытовом, художественном стилях. Довольно многочисленная группа ФЕ якутского языка принадлежит разговорной речи: куһаҕан айах ‘голод, недоедание, недостаток питания’ (букв. плохой рот); тэһэҕэс мэйии ‘крайне забывчивый человек; дырявая голова’ (букв. дырявый мозг). Отдельно выделяются просторечные ФЕ: кураанах төбө көн. кэпс. ‘бестолковый, пустая башка’ (букв. пустая голова); оҕо хаата көн. кэпс. ‘многодетная женщина’ (букв. сума для ребенка). Часть фразеологизмов составляют единицы высокого стиля: аар саарга аатыр урд. ‘прославиться на весь мир’. Употребление их в речи (устной, письменной) придает ей оттенок возвышенности, приподнятости, торжественности. К фольклорным восходят ФЕ: көмүскэс сүрэхтээх фольк. ‘сердобольный, сострадательный, жалостливый’; аңаарыйар ааттааҕа фольк. ‘самый лучший, отборный среди кого-л.’. Книжными являются ФЕ: баалкы дьисипилиинэтэ кин. калька ‘палочная дисциплина’; күөх моҕой кин. водка; вино. При стилистической характеристике ФЕ учитывается также тер-

риториальный признак. С этой точки зрения обращает на себя внимание наличие в языке диалектных (түөлбэ) ФЕ: бөрөм бөтөһө, баҕам батаһа ‘мой удалец, мой молодец (обычно говорят, поощряя детей и подростков)’ (букв. мой волчий удалец, моя лягушачья сабля); хара сэрии түөлбэ ‘бесчисленное множество, тьма тьмущая’ (букв. черная война).

Источники происхождения ФЕ якутского языка разнообразны.

ФЕ, исходные словосочетания которых называют жесты и телодвижения. Такие словосочетания, называя выразительные телодвижения и жесты, одновременно передают и символическое значение этих жестов. Жест илиитин (ытыһын) сотунна (букв. протирать свою ладонь) означает ‘остаться с пустыми руками, без ничего’, баскын (төбөбүн) өрө көтөх (букв. поднимать свою голову) ‘обретать уверенность в своих силах, начинать действовать, активно проявлять себя’. Имеется ряд ФЕ, исходные сочетания которых называют мимику. Различные степени удивления передают ФЕ айабын атан ‘раскрыв рот, остолбенев от неожиданности, удивления’, харабын мунунан көрдө ‘смотреть во все глаза, глаза на лоб полезли’. Мотив гнева, недовольства, неприязни передаются ФЕ харабын кырытынан көрдө (букв. краем глаза смотрит) ‘покоситься, коситься’.

Отдельную группу составляют ФЕ, образной основой которых послужили ритуальные и символические действия: хааннаах баппыиска (букв. подписка кровью) отражает действительно существовавшую практику прошлого, когда большинство населения народа саха были неграмотными и в случае необходимости вместо подписи делали метку кровью из большого пальца. Значение ФЕ илии охсус произошло от символического действия бить, ударять по рукам при заключении договора, соглашения, сделки. ФЕ илии билсиһиитэ (букв. знакомство руки) со значением взаимная разведка сил возникла на основе переосмысления символического действия – пожатия друг другу руки.

Источником ряда ФЕ являются различные физиологические ощущения человека: этэ саласта ‘мурашки побежали по спине’, иэнэ кэдэнниир ‘его передергивает’ (букв. у него спина прогибается), сүрэҕэ ыалдьар ‘душа (сердце) болит у кого-л.’.

ФЕ, происхождение которых связано с наблюдением за поведением и повадками животных, описанием их внешнего вида: тыгыраххын кистээ (кумут) 'затаить злобу' (букв. когти свои прятать (подбирать), кыыла (эһэтэ) киирбит 'быть не в духе, проявлять свой злой нрав'; ФЕ, связанные с разведением домашнего скота: уодьуганын тарт (тут) 'обуздать, усмирять *кого-л.*', муоһа-туйаҕа сарбыллыбыт 'присмиреть, утихомириться' (букв. рога копыта его урезаны); ФЕ, связанные с охотой: илиигин хааннаа 'добыть первого зверя, первую птицу', илии тутуурдаах, өтгүк харалаах 'с добычей (*возвращаться, приходить*)'. Следы погребального обряда сохранились в ФЕ көмүс унуоҕун көтөх, (алтан унуоҕун арангастаа) 'похоронить с почестями' (букв. поднимать его серебряные кости, положить на арангас его золотые кости). Существование данной ФЕ свидетельствует о практике сооружения в старину арангаса на могиле почитаемых людей; ФЕ, восходящие к фольклору: буутун этэ буспут, сиһин этэ сиппит, 'кто-л. достиг мужской зрелости', өрөөбүт уоскун өһүл, хоммут уоскун хоннор 'держи речь, молви слово' (букв. развяжи свои праздные уста).

Одним из источников обогащения фразеологического фонда языка саха являются фразеологические заимствования. Более четко можем указать на заимствования из русского языка, а также заимствования, вошедшие в якутский язык из европейских языков через посредство русского языка: төбөбүнэн эппиэттиэн 'отвечать головой *за кого-, что-л.*', биир таммах хаан хаалыар дылы 'до последней капли крови', харах харатын курдук харыстаа 'беречь как зеницу ока', биэс тарбаҕын курдук билэр 'знать, как свои пять пальцев', бастакы (маннайгы) хараначчы 'первая ласточка'.

Фразеологические категории как проявление парадигматических отношений в якутской фразеологии

Одна из актуальных проблем фразеологической семантики – парадигматические отношения фразеологизмов (под этим понятием подразумеваются системные связи элементов языковой структуры на основе их общности в чем-либо, противопоставленности или взаимоисключения).

На семантическом уровне значения однозначных и многозначных фразеологизмов вступают между собой в парадигматические отношения, которые существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления этих значений на основе сходства и различия.

Фразеологическая полисемия

Многозначность в якутской фразеологии в основном представлена преимущественно двумя значениями. Встречаются ФЕ с тремя и четырьмя значениями. Разграничению значений многозначных ФЕ в якутском языке способствуют такие факторы, как понятийная, предметная соотнесенность, парадигматические отношения, связи с одушевленными-неодушевленными, конкретными-абстрактными именами. Большинство многозначных ФЕ – глагольные, например, илин былдыас 1) *спорт.* стремиться быть первым, опередить *кого-л.* в соревновании, 2) соперничать с кем-л. в славе, известности, стараться превзойти, затмить *кого-л.* Отмечаются многозначные ФЕ других лексико-грамматических разрядов: адвербиальные ФЕ: бас баттах 1) необдуманно, бестолково, легкомысленно (*говорить*); 2) бесцельно, куда глаза глядят, напрасно (*идти, бежать*), 3) никому не подчиняясь, самовольно, без удержу; адъективные ФЕ: халбас харата 1) увертливый, скользкий, 2) ненадежный, шаткий; субстантивные ФЕ: көөчөөн көрө 1) смешной до слез случай, происшествие, анекдот и т.д., 2) проведение времени в больших удовольствиях, развлечениях.

Многозначные ФЕ якутского языка, как и ФЕ других языков, образованы путем параллельного и последовательного переосмысления компонентного состава. При параллельном способе образования многозначности фразеологические значения описывают, например, разные эмоциональные состояния субъекта: атаҕа сири билбэт (букв. ноги его землю не чувствуют), имеющие значения: 1) испытывать огромную радость, восторг, 2) сильно испугаться; разные виды деятельности (речевую и социальную): кыһыл тылыгар олордор (түһэрэр) 1) встречать *кого-л.* страшной руганью, бранью, 2) обманывать; противопоставляются по какому-л. смысловому признаку (антонимичные): илии тутус 1) здороваться с кем-л. за руку, приветствовать *кого-л.* (*рукопожатием*), 2) прощаться с кем-л. (*рукопожатием*); и т.п. Последовательное переосмысление представлено не так широко, как параллельное. Примером вторичной метафоризации может служить семантическая структура ФЕ илии охсус, имеющая два значения: 1) помолвить, совершить помолвку, 2) договориваться, заключать соглашение, сделку. Первичный метафорический сдвиг произошел на основе переменного словосочетания, где внутренняя форма восходила к обычаю подавать

друг другу руки при помолвке. Второе значение ‘договариваться, заключать соглашение, сделку’ возникло в результате вторичного метафорического сдвига, т.е. является переносным по отношению к первому значению. Отмечаются такие разновидности последовательного способа образования фразеологических значений, как переход от конкретного действия к абстрактному действию: илдьи тэбис 1) исходить вдоль и поперёк (*какую-л. местность, море и т.д.*), 2) уничтожить (*полностью, до основания, окончательно*); күрэс былдыас 1) состязаться, мериться силой в борьбе, в беге и т.п., 2) соперничать в известности *с кем-л.*; стараться любой ценой быть лучше; расширение значения: илии дала 1) поле действия рук, 2) возможность руководить, распоряжаться, управлять *кем-чем-л.*; им балай <харанга> 1) непроглядная, крошечная тьма, 2) отсталая жизнь; глушь, жизнь в глухомани; сужение значения от общего к более конкретному: иитэ-сагата биллибэт 1) не имеющий видимых границ, безграничный, необозримый (*напр. о просторах*), 2) весьма запутанный; перенос значения с одушевленного субъекта на неодушевленный: сүһүөххэр тур 1/ повзрослеть, стать независимым *от кого-л.*, полностью обеспечивать себя, встать на ноги, 2) крепнуть, укрепляться, развиваться (*о чем-л.*); күн сирий көр 1) появляться на свет, 2) выходить в свет (*издаваться*) и т.п.

Омонимами могут быть фразеологизмы, которые, полностью совпадая в плане выражения (по лексическому составу и грамматической форме), имеют разные значения. Фразеологические омонимы в якутском языке встречаются довольно редко. Они возникают в основном двумя путями. **1.** В результате семантического развития, заключающегося в расширении значения одного выражения, возникают две самостоятельные ФЕ. Например, тыла суох ыт **I** ‘заставить замолчать *кого-либо.*’, тыла суох ыт ‘убить моментально *кого-л.*’ **II**; **2.** случайное совпадение двух ФЕ: илиигин уун **I** *калька* ‘помогать, оказывать помощь *кому-л.*’, илиигин уун **II** ‘сдаваться’, киһини билбэт буолбут **I** ‘без сознания (*о больном*)’, киһини билбэт буолбут **II** ‘важничать, зазнаваться, задира́ть нос’ [Нелунов, 1981, с. 60–61].

Фразеологические синонимы (ФС) выражают одно и то же или близкие понятия, относятся

к одной и той же части речи, но отличаются друг от друга либо оттенками значений, либо эмоционально-стилистической окраской, либо обоими этими признаками одновременно. Фразеологическая синонимия весьма развита в якутском языке. ФС распределены по лексико-грамматическим разрядам: субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные. Среди глагольных фразеологических синонимов особо выделяются тематические группы, выражающие эмоциональное состояние, физические действия человека. Субстантивные ФЕ представлены фразеологизмами с конкретным значением, которые, в свою очередь, подразделены на ФЕ, обозначающие лицо и зоонимы, ФЕ с абстрактным значением. Большинство адъективных ФЕ составляют ФС, характеризующие человека. Адвербиальные ФС группируются в разряды, обозначающие образ действия, время, количество и меру, степень проявления действия. Синонимический ряд строится на базе семантической общности двух и более фразеологизмов. В якутском языке чаще всего он состоит из двух членов. Выделены равнозначные, неравнозначные ФС. Неравнозначные делятся на идеографические и стилистические. Идеографические синонимы выражают одно и то же понятие, но отличаются семантическими оттенками. Эти оттенки могут дифференцировать ФС в различных аспектах, в первую очередь, с учетом интенсивности характеризуемого действия. Общее значение ‘кто-л. испытывает сильный страх, ужас’ передается единицами куйахата күүрдэ (ытырбахтаата) ‘у него спина прогибается’ (*букв. кожа головы его напряглась*), унуоҕа халыр босхо барда ‘поджилки трясутся’ *у кого-л.* (*букв. кости его затряслись*), этэ саласта ‘мурашки побежали по спине’ (*букв. тело его чувствует нервную дрожь*). Стилистические ФС рассматриваются с учетом функционально-стилистического, оценочного, эмотивного и экспрессивного компонентов коннотации. Они представлены в основном в оппозициях: нейтральные-разговорные, нейтральные-просторечные, нейтральные-фольклорные. Наибольшее количество стилистических синонимов представлено синонимическими рядами, обозначающими интеллектуальные способности человека: мас акаары ‘глуп как пробка’ (*букв. дурак как дерево*) / суорат мэийи *разг.* ‘глупый, глуповатый’/ кураанах төбө *көн. кэпс.* ‘бестолковый, пустая башка’.

Вариантность фразеологических единиц якутского языка.

Языковая вариантность определяется как способность языка передавать одни и те же значения разными формами.

В якутском языке зафиксированы следующие типы вариантов: лексические, фонетические, морфологические, квантитативные, синтаксические, смешанные.

Самым распространенным типом вариантов являются лексические варианты: бастаах (төбөлөөх) киһи ‘очень умный, толковый человек’ (букв. человек с головой); түүлээх холбука (хоппо) разг. ‘голова какместилище ума, сознания’ (букв. волосатый ящик (ящичек)); фонетические варианты: балай (далай) акаары *бран.* ‘обалдуй, оболтус’; дьээбэ (дьиибэ) хаата ‘большой шутник’; морфологические варианты бэйэ киһитэ (дьоно) ‘родной или связанный близкими отношениями человек’ (букв. свой человек (люди)); уца илии – уца илиитэ ‘правая рука’ (букв. правая рука – правая его рука); квантитативные варианты: <иһэ> үөн хаата ‘каверзник; постоянно делающий пакости’ (букв. <живот его> коробка для червя); оккомаска (маска) умньаммат мэник ‘отчаянный шалун’ (букв. шалун, который не пачкается в траве-дереве (дереве)); синтаксические варианты: көмүс тарбах – көмүс тарбахтаах ‘золотые руки’ (букв. золотые руки – с золотыми руками); икки сирэй – икки сирэйдээх ‘двуличный, лицемер’ (букв. два лица – с двумя лицами).

Фразеологические синонимы и варианты выполняют разнообразные смысловозначительные и эмотивные функции: позволяют уточнять те или иные представления о предмете, качестве, действии; разнообразить речь, освобождая её от повторов; создают определенную экспрессию высказывания.

Фразеологические антонимы – это устойчивые сочетания с противоположными, но соотносительными значениями, т.е. относящиеся к одной части речи. Фразеологические антонимы могут быть одноструктурными и разноструктурными. Одноструктурные, в свою очередь, могут быть разделены на подгруппы – абсолютные и собственно одноструктурные антонимы. Абсолютными антонимами являются глагольные ФЕ, образующиеся с помощью аффиксов отрицания-ма: сүрэбэ ылар ‘есть с удовольствием’ (букв. сердце его принимает), сүрэбэ ылбат ‘испытыв-

ать отвращение к какой-л. еде’ (букв. сердце его не принимает).

Вторую подгруппу одноструктурных антонимов составляют такие ФЕ, которые включают в свой состав в одной и той же позиции противоположные по значению слова: уһун соннон ‘стать обеспеченным, разбогатеть’ – кылгас соннон ‘беднеть, разоряться’ (уһун ‘длинный’, кылгас ‘короткий’), көхсө кэнээтэ ‘успокоиться, облегченно вздохнуть’ – көхсө кыараата ‘становиться тяжело кому-л., сильно расстраиваться’ (кэнээ ‘расшириться’, кыараа ‘сузиться’).

В рассмотренных выше двух подгруппах одноструктурных ФЕ антонимия во многом опирается на противоположность значения их лексических компонентов.

Разноструктурные фразеологические антонимы – это ФЕ, обладающие противоположными соотносительными значениями, но отличающиеся друг от друга лексическим составом, грамматической структурой и внутренней формой: уһун күн уонна, кылгас күн биэстэ ‘очень часто; многократно (напр., ходить куда-л.)’ – сьл (дььыл) баһыгар-атаҕар ‘очень редко, очень мало (ходить, посещать, видеться)’; хара сарсыардаттан ‘с самого раннего утра’ – үс туман түһүөр диэри ‘до позднего вечера’ (работать) (букв. до падения трех туманов); күн тура-тура ‘каждый божий день, изо дня в день’ – хам хаадьаа ‘изредка, редко, иногда’, хаһытыыр харчылаах, үөгүлүүр үптээх ‘очень богатый в финансовом отношении’ – <баһыгар>быта да суох ‘не имеющий никакого личного имущества, денег; крайне безнадёжный человек, нищий’ (букв. у него даже вшей нет на голове).

Сочетаемость ФЕ

Лексическая сочетаемость – это способность ФЕ сочетаться с отдельными словами или словосочетаниями, т.е. её валентность. Она зависит от особенностей значения ФЕ. Количество сочетающихся с ФЕ лексических единиц может быть ограниченным (даже единичным), что должно быть отражено в словаре, например, адвербиальная ФЕ: атах балай (*бар*) ‘куда глаза глядят’ имеет ограниченную сочетаемость, употребляется при глаголах движения (*идти, пойти, отправиться, бежать*), эйэ дэмнээхтик ‘душа в душу, в ладу (*жить*)’, саас сааһынан (*кэпсээ*) ‘обстоятельно, по порядку (*рассказывать*)’. Существуют ФЕ, сочетаемость которых шире. Например,

широкая сочетаемость характерна для ФЕ аатын билбэт буола (гына) ‘чрезмерно, непомерно; сверх всякой меры’. *Ону [көһөрүллүбүт сири] үнэн ылаат, аатын билбэт гына байда* [Эрилик Эристиин, 1983, с. 290]. ‘Как только он отсудил участок, он разбогател сверх всякой меры’. *Хайа, доҕоттоор, ааккытын да билбэт буола тоҕон кэлээхтээбиккит диш* [Хотугу Сулус, 1982, с.45]. ‘Ой, друзья, как сильно вы замерзли’. *Арамаан обонньор, аатын билбэт гына кыыһыран, тыл эппитэ* [Там же, 1985, с. 77]. ‘Старик Роман, рассердившись сверх всякой меры, выступил с речью’. ФЕ сочетается с глаголами различных семантико-тематических групп. Во фразеологических словарях грамматическая сочетаемость ФЕ отражается крайне редко, возможно, потому, что обязательное окружение единицы очевидно и носитель языка вряд ли допустит ошибку, употребляя ее в контексте.

Таковы базовые понятия и категории фразеологии якутского языка.

Литература

- Амма Аччыгыйа*. Сааскы кэм. – Якутск, 1994. – 356 с.
Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Л., 1946. – С. 45–69.
Виноградов В.В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – С. 23–30.
Готовцева Л.М. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: автореф. дис... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – С. 6.
Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 280 с.

Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 128 с.

Николаева Т.Н. Точка зрения на объем фразеологии (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Международного научно-практического семинара «Россия и Европа: как подобрать слова» – Томск, 2009. – С. 95–100.

Никифоров С. Саллаат дьылҕата. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 408 с.

Софронов А.И. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. – Т. 2. – 444 с.

Тумарча. Өрүһүнүү. – Якутск: Кн.изд-во, 1985. – 250 с.

Хотугу Сулус. – 1970. – №1. – 102 с.; 1982. – №3. – 190 с.; 1985. – №2. – 166 с.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1985. – 160 с.

Эмирова А. М. Основные понятия крымскотатарской фразеологии // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. – Вып. 21. – Симферополь, 2010. – С. 26–33.

Эрилик Эристиин. Маарыкчаан ыччаттара. Кэриэс туолуута. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 584 с.

Сокращения

- букв.* – буквально
кин. кинигэ тыла – книжное
көн. кэпс. көннөрү кэпсэтии тыла – просторечный фразеологизм
кэпс. кэпсэтии тыла – разговорное
поэт. поэтической – поэтическое
сиилээн сиилээн этэр тыл – осуждающее выражение
түөлбэ түөлбэ тыла – диалектный фразеологизм
үөхс. үөхсэн этэр тыл – бранное
үрд. үрдүк истиил – высокий стиль
харыс. харыс тыл – эвфемизм
эргэр. эргэрбит тыл – устаревшее слово
фольк. фольклор тыла – фольклорное

L.M. Gotovtseva

View of the nature of the phraseological units of the Yakut language

The article deals with the basic concepts and categories of the Yakut phraseology as the key to understanding the essence of phraseological units of the Yakut language.

Keywords: Yakut language, phraseology, classification, structure, semantics, stylistics, composition of phraseological units, the sources of Genesis, paradigmatic and syntagmatic relations

Т.Е. Андреева

Прилагательные, обозначающие черты характера человека в эвенкийском языке

Впервые рассматривается национальная специфика эвенкийских прилагательных, обозначающих черты характера человека, в сопоставлении с русскими эквивалентами выявляются общие и специфические их характеристики.

Ключевые слова: эвенкийский язык, прилагательные, лексико-семантическая группа, характер, национальная специфика, сопоставление, антонимы, синонимы.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью лексики эвенкийского языка. В частности, неисследованными остаются многие вопросы лексической семантики, составляющие предмет данной работы. В эвенкийском языке нет пока обобщающих исследований, посвященных семантике имен прилагательных. В большинстве существующих работ основное внимание уделялось грамматической (формальной) стороне этой части речи.

Мы не ставили задачу дать полное описание названных прилагательных. Предметом исследования в данной статье является определение семантики и описание некоторых прилагательных эвенкийского языка, обозначающих черты характера человека, а также сопоставление выявленных лексем с их русскими соответствиями.

В эвенкийском языке одна лексема может объединять в себе несколько значений, которые в русском языке распределены между разными единицами. Эвенкийские прилагательные, обозначающие черты характера человека, характеризуют в основном только человека, в редких случаях – животных; русские же лексемы имеют более широкую семантику и могут использоваться в сочетании с большим кругом существительных. Отличительные свойства прилагательных, обозначающих черты характера человека, в сравниваемых языках связаны с различиями культур и этносоциальными особенностями.

Основным критерием отбора прилагательных является сочетаемость со словом ичэдэ 'характер', майгин, майги (як. майгы). Выявлены 253 единицы, составляющие рассматриваемую лексико-семантическую группу. Фактический материал исследования извлекался путем сплошной выборки прилагательных из «Русско-эвенкийского слова»

Т.Е. Андреева, 2016

Т.Е. Андреева, Г.М. Василевич, А.Н. Мыревой и др., из художественных произведений эвенкийских писателей Н. Оегира, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ, а также из материалов полевых исследований автора статьи. Для сопоставления эвенкийских прилагательных с русскими были использованы словари С.И. Ожегова, Л.И. Скворцова, Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и др.

Степень распространенности интересующих нас лексем в литературных произведениях различных жанров не одинакова и связана, видимо, с индивидуальным авторским языком. В целом, частотность рассматриваемых прилагательных, обозначающих черты характера человека, невелика. В выборке из художественных произведений эвенкийских писателей Н. Оегира, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и др. самыми частотными прилагательными с семантикой положительной оценки оказались 19 лексем: ая 'добрый' – 138 употреблений, илэмэ 'общительный' – 78, юрун 'серьезный' – 62, дулумну 'тихий' – 50, хавалкира 'трудолюбивый' – 50, дяличи 'мудрый' – 49, бэркэ 'смелый' – 39, эмуй 'добродушный' – 21, ирэмэ 'гостеприимный' – 16, маја 'стойкий' – 14, аяври 'дружелюбный' – 12, мајиндари 'выносливый' – 12, тојно 'честный' – 9, тэјнэ 'верный' – 7, дулумнукэн 'спокойный' – 11, эливдери 'старательный' – 6. Среди прилагательных с семантикой отрицательной оценки наиболее частотны лексемы: сокун 'жестокий' – 15 употреблений, тькулкас 'злой' – 7, чиривун 'скупой' – 5, эчэ илэмэн биси 'нелюдимый' – 4.

Рассмотрим некоторые из перечисленных прилагательных.

Центр первой лексико-семантической подгруппы прилагательных, **отражающих отноше-**

ние человека к самому себе, в эвенкийском языке представляет антонимическая пара *дулумнукан* 'скромный' – *сокатчэри* 'хвастливый'. Синонимический ряд прилагательных с положительной семантикой с доминантой *дулумнукан* 'скромный' составляют лексемы *эвки сокатчэри* 'нехвастливый, невысокомерный', *эси сокатмэ биси* 'негорделивый, негордый'. Синонимический ряд прилагательных с отрицательной семантикой с доминантой *сокатчэри* 'хвастливый' составляют лексемы *сокатчэри* – 'высокомерный', *сокатмэ* 'горделивый, самолюбивый, честолюбивый', *сокатчэри* 'тщеславный', *сокатчэри* 'заносчивый', *сокун* 'гордый'.

В русском языке рассматриваемую семантическую подгруппу составляют прилагательные *скромный*, противопоставленные синонимическому ряду с доминантой *нескромный* – *высокомерный*, *заносчивый*, *хвастливый*, *амбициозный*, *горделивый*, *самоуверенный*, *самолюбивый*, *самонадеянный*, *гордый*. Синонимический ряд прилагательных с положительной семантикой образуется с помощью отрицательной частицы *не*, прибавляемой к прилагательным с отрицательной семантикой: *невысокомерный*, *незаносчивый*, *нехвастливый*, *неамбициозный*, *негорделивый*, *несамоуверенный*, *несамолюбивый*, *несамонадеянный*, *негордый*.

Следующая подгруппа прилагательных включает лексемы, **отражающие волевые качества человека**. Эту подгруппу составляют синонимо-антонимические ряды с доминантами *бэркэ* 'мужественный' и синонимический ряд *элэдэдэри* 'хваткий, старательный, настырный', где воля направлена на сознательное стремление к осуществлению чего-либо, на умение организовать себя. Оценка в явном виде не выражена. Она зависит от оценки, заложенной в существительном. В синонимо-антонимический ряд с доминантами *бэркэ* 'мужественный' входят слова, где воля направлена на преодоление опасности: *бесстрашный*, *отважный*, *смелый*, *храбрый*, *отчаянный*, противопоставленные антонимическому ряду *пэлэкэс* 'робкий, нерешительный, несмелый, малодушный, трусливый, пугливый'.

В русском языке эту подгруппу образуют четыре синонимо-антонимических ряда с доминантами волевой – *безвольный*, *организованный* – *неорганизованный*, *смелый* – *трусливый*, *несговорчивый* – *сговорчивый*, первый из которых имеет асимметричное строение, т.к. прилагатель-

ное волевой синонимического ряда не образует. Три последующих синонимо-антонимических ряда характеризуются отношениями семантической производности по отношению к первому. Центр группы прилагательных, обозначающих волевые качества, в русском языке образует синонимический ряд, внутри которого выражена градация признака: *слабовольный*, *малодушный*, *слабодушный*, *слабохарактерный* – *безвольный*, *бесхарактерный*.

Подгруппу прилагательных, отражающих **отношение человека к другим**, в эвенкийском языке образуют два синонимо-антонимических ряда с доминантами *ая* 'добрый' – *тыкулкас* 'злой', *илэмэ* 'общительный' – *симуткан* 'неразговорчивый'. Синонимический ряд с доминантой *ая* имеет следующий состав: *ая* 'добрый, ласковый', 'мягкий', *мэдэгэдери*, *мэдэкэс*, *мэдэн* 'отзывчивый, чуткий', *эмуй* 'доброжелательный'. Синонимический ряд с доминантой *илэмэ*, *эмуй* 'общительный' представлен следующими лексемами: *илэмэ*, *эмуй* 'общительный', *ирэмэ*, *бэмэ*, *илэмэ*, *эмуй*, *туюлен* 'гостеприимный', *аяври* 'дружелюбный'. В антонимический ряд входят *дулумнукан* 'скрытный, замкнутый', *симуламэ*, *дулумнукан* 'скрытный, молчаливый'.

В отличие от эвенкийского языка, где выделяются два синонимо-антонимических ряда, в русском языке эту группу образуют три синонимо-антонимических ряда с доминантами *добрый* – *злой*, *заботливый* – *равнодушный*, *общительный* – *необщительный*.

В подгруппе прилагательных, **отражающих отношение человека к труду**, в эвенкийском языке выделяются два синонимо-антонимических ряда *хавалкира*, *меву*, *гэрбэктурэ* 'трудлюбивый', *эливдери*, *юрун* 'старательный', *сэчэн* 'прилежный, исполнительный', *аямама* 'внимательный', *чукэты* 'аккуратный', *эливдери*, *юрун* 'старательный', *энэлгэ*, *бани* 'ленивый', 'нестарательный', 'неприлежный', *сидын* 'невнимательный', *лаптука* 'неаккуратный'.

Второй синонимо-антонимический ряд с доминантами *со* 'энергичный' – *энэлгэ* 'ленивый' противопоставляется по признаку «наличие – отсутствие активного, деятельного начала»: *со* 'энергичный', *нюрари* 'бодрый', *бэркэ*, *хава*, *илга*, *ситы* 'ловкий', 'шустрый' – *молток* 'слабый', *оланча* 'вялый', *энэлгэ*, *бани* 'ленивый'. В русском языке рассматриваемая группа представляет три синонимо-антонимических ряда с доминантами

трудолюбивый – ленивый, ответственный – безответственный, деятельный – бездеятельный.

Ядро подгруппы прилагательных, **обозначающих нравственную сущность человека**, образуют прилагательные *тоҕно, тэде* 'честный', *аяргума* 'благородный', *тэде, дябун* 'справедливый', *эси каравсидяра* 'бесстыдный', *эсин тэде биси* 'обманчивый', *улэк* 'лживый', *эру, уха* 'подлый', *мудурэн, мудэ* 'хитрый', *улэккисинчэ* 'лукавый', *ягурадяри* 'придирчивый', *неҕитчэри, торгон* 'завистливый'. Во всех словах ярко выражена положительная или отрицательная оценка названного признака.

В русском языке ядро этой группы образуют три синонимо-антонимических ряда с доминантами *честный – бесчестный, откровенный – неоткровенный, порядочный – непорядочный*. Первый и второй ряды имеют симметричное строение: *честный, справедливый, совестливый, порядочный, прямодушный, правдивый – бесчестный, лживый, бессовестный, криводушный, несправедливый, нечестный; откровенный, искренний, чистосердечный, простодушный – неоткровенный, неискренний, притворный, нечистосердечный*. Третий синонимо-антонимический ряд построен асимметрично: *порядочный, праведный, безгрешный – непорядочный, развратный, блудливый, аморальный, распутный, безнравственный, развязный, грешный*, т.е. в русском языке наименования отрицательных качеств представлены более детально.

Таким образом, основной структурной единицей организации лексико-семантической группы прилагательных, обозначающих черты характера человека, в обоих сравниваемых языках является синонимо-антонимический ряд, симметричное или асимметричное строение которого определяется степенью дифференцированности оценки и детализации отображаемого признака. Между отдельными свойствами личности нет резких границ. Этим объясняется тот факт, что каждую группу составляют множество слов с трудноуловимыми оттенками в значениях. Многие слова отличаются друг от друга только степенью интенсивности признака, эмоционально-экспрессивными или функциональными стилистическими особенностями.

Сопоставление прилагательных, обозначающих черты характера человека в эвенкийском и русском языках, позволило выявить национальную специфику структурной организации дан-

ной группы лексики. Сравнительный анализ семантических структур слов обоих языков показал следующее.

Эвенки по своему темпераменту интровертивны. Для них более характерна обращенность «внутрь себя». Эвенки отличаются спокойствием, немногословностью, сдержанностью. В эвенкийском этническом характере высоко ценятся и выделяются такие качества человека, как доброжелательность и гостеприимство, которые в языке репрезентируют прилагательные: *ая, аяма* 'добрый', *нивчэ* 'открытый', *ирэмэ* 'гостеприимный'. Высоко ценятся также скромность – *дулумнукан*, трудолюбие – *хавалкира*, стойкость – *манга*, выносливость – *мангичан*.

В повседневной жизни эвенкийский народ сохраняет следующие нормы поведения детей: считается неприличным громко смеяться, кричать, особенно вечером, вмешиваться в разговор пожилых людей. Об этом свидетельствует большое количество слов, характеризующих такое отрицательное качество, как болтливость: *чулливки, хэнкэчивки, хавулан, чомбирин, чомбидями* (о ребенке), *чомбавдями* (говорить понапрасну).

У эвенков распространена почтительность к окружающим людям, для них характерно уважительное отношение к старшим. Молодые могут вступать в разговор лишь тогда, когда к ним обращаются старшие. Моральные нормы эвенкийского общества учат не только почитать старших, но и не забывать молодых, считаться с ними. Эвенкам свойственны неприхотливость, умеренность и простота в обыденной жизни, стремление к сохранению кровно-родственных связей в течение жизни многих поколений, высокая степень организованности совместных действий, уважительное отношение к древним традициям и привычкам, беспрекословное следование им.

Отличительными чертами русского национального характера являются высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, общительность, доброжелательность, храбрость, мужество, неприхотливость и старательность. Испокон веков русский народ славился хлебосольством и гостеприимством.

Перемены, произошедшие в обществе за прошедшее столетие, не могли не сказаться на образе жизни и нравственных предпочтениях народов, в том числе и эвенков, но основные параметры картины мира эвенков сохранились, претерпев определенные трансформации.

Литература

- Болдырев Б.В.* Русско-эвенкийский словарь. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибир.издат. фирма, 1994.
Варламова Г.И. Имеющая свое имя, Джелтула-река. – Якутск, 1989.
Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – М.: Учпедгиз, 1940.
Василевич Г.М. Русско-эвенкийский словарь: в 2 ч. / под ред. А.А. Бурькина. – СПб., 2005.
Мыреева А.Н. Сигундэр гарпалин. – Якутск, 1992.
Немтушкин А. Аги-Буга. – СПб., 1992.
Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М., 2004.

- Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М., 2000.
Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Т. I–II. – М., 2002.
Система лексических минимумов современного русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М., 2003.
Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 2004.
Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова / под ред. Л.И. Скворцова. – М., 2011.
Фольклор эвенков Якутии. – Л.: Наука, 1971.

Т.Е. Andreeva

Adjectives denoting character traits in the Evenk language

The paper describes the national specifics of the Evenk adjectives denoting character traits, in comparison with their Russian equivalents are identified general and specific characteristics.

Keywords: the Evenk language, adjectives, lexical-semantic group, character, national specificity, comparison, antonyms, synonyms

УДК 398.22:82

Робин Харрис

Ключевые факторы обеспечения устойчивого будущего эпических традиций*

В статье рассматриваются вопросы устойчивой передачи эпического наследия и обеспечения его жизнеспособности при социальных переменах. Подчёркивается необходимость здорового баланса между трансмиссионными и инновационными моментами, необходимыми для сохранения творческого потенциала олонхо. Акцентируется значение таких факторов, как укрепление эпической среды и совершенствование методов воспитания будущих мастер-олонхосутов.

Ключевые слова: олонхо, олонхосут, мастер-олонхосут, школа олонхосутов, передача традиции, инновация, устойчивое развитие, эпическая среда, домашнее исполнение, спонсорство.

Последние 8 лет мы исследовали возрождение интереса к олонхо, рассмотрели факторы, которые привели к спаду этого интереса в прошлом веке и которые играют важную роль в оживлении олонхо в настоящее время.

Наши исследования привели к трём ключевым понятиям: трансляция, инновация и устойчивость. Под трансляцией я понимаю передачу

эпической традиции от поколения к поколению. Инновации – это происходящие при этом обновления в содержании и форме эпического жанра. А устойчивость – это его стабильность, которая достигается балансом между традиционностью и обновлением.

В последнее время в Якутии проблемы в передаче навыков исполнения олонхо пытаются ре-

*Статья написана на основе доклада, прочитанного на Втором Республиканском научно-практическом форуме «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» (4 декабря 2015 г., г. Якутск).

шать многие культурные институции: активизировались средства массовой информации, всё чаще проводятся конкурсы олонхосутов, олонхо начинают включать в программы некоторых школ, организуются встречи с его знатоками и исполнителями.

Но подлинных мастеров, творцов искусства олонхо сейчас осталось мало, если не сказать, что их почти нет. Те из них, с кем я разговаривала, жаловались, что обычная аудитория не может подолгу слушать олонхо и по-настоящему понимающих слушателей совсем немного. Так что в конце концов не ясно, окажутся ли результативными наши активные попытки возродить живую эпическую традицию.

Кроме того, трудности для олонхосутов создаются неестественными для них ограничениями в продолжительности выступлений и размерах современных площадок, на которых им по большей части приходится выступать. Ни то, ни другое не позволяет им чувствовать себя комфортно и не способствует вдохновенному исполнению.

Один из выдающихся мастеров-олонхосутов, с которым мне довелось работать в 2009 г., Пётр Егорович Решетников рассказывал: «В прошлом году меня пригласили в Республиканский Центр Культуры им. Кулаковского, чтобы записывать олонхо. Там сначала было двое слушателей. Они хорошо слушали. Потом они ушли, остался один оператор. Кассета была на один час. Через какое-то время вижу, что оператор заснул. Сказываю-сказываю, потом думаю, что час, наверно, прошёл, и стал его будить. У нас говорят: “Когда слушателей много, олонхосут будет петь с чувством”. А если человек спит, олонхосут не может петь, конечно. Поэтому, когда недавно звонили и сказали, что на ысыахе в Усть-Алдане можно исполнить длинное олонхо, я сказал: “Посмотрю на слушателей – если их достаточно не будет, долго не буду сказывать. На ысыахе во время веселья кто будет слушать несколько часов? Посмотрю там на месте – от среды будет зависеть”».

Альберт Лорд в своей классической работе об устной эпической традиции объясняет реша-

ющую роль передачи и то, как она связана с инновациями в эпосе: «В устной поэзии мы сталкиваемся с очень своеобразным, ни на что не похожим процессом, при котором устное усвоение (обучение), устное сложение (создание) и устное распространение (передача) – это почти одно и то же; они, видимо, представляют собой различные аспекты одного процесса» [Lord, 1960, p. 5]*.

Стоит заметить, что по отношению к инновациям слово «традиционный» должно быть чётко определено, потому что традицией является результат наслаения инноваций; слои откладываются с течением времени. Эпические сказания, и в том числе олонхо, сами по себе являются «слоистой», «осадочной» структурой, которая может быть преобразована, оживлена инновациями**.

Если живая традиция не будет передана новым поколениям, традиционное творческое исполнение олонхо окончательно уйдёт в прошлое, отобразится лишь в замкнутой, застывшей форме и останется только в качестве государственного символа народа саха.

Когда я исследовала прежнее снижение интереса к олонхо, то мы постоянно задавали своим собеседникам вопрос: «Каким образом олонхо можно возродить?». И среди ответов было обнаружено немало конструктивных. Обобщая некоторые из них, назову четыре вдохновляющие нас идеи:

- 1) нужно заботиться о мастерах-олонхосутах, которые ещё остались;
- 2) нужно находить и поощрять новые таланты, способные стать такими мастерами;
- 3) нужно создавать исполнительские пространства, возрождающие обстановку традиционных мест исполнения эпоса;
- 4) нужно совершенствовать систему обучения эпических певцов, претворяющую традиционные методы передачи искусства олонхосутов.

Идея первая. С поддержкой выдающихся мастеров-олонхосутов дело обстоит критически. Пожизненные государственные стипендии в своё

* Цит. по русскому переводу: Лорд А.Б. Сказитель. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 16.

** Идея осаждающихся слоёв инноваций («слоистого») заимствована мною из «Времени и повествования» французского философа Поля Рикёра [Ricoeur, 1984, с. 68]. Имеются в виду слои обновления, что постепенно становится традицией. Рикёр утверждает, что традиция – это не инертное сохранение уже осевшего и омертвевшего материала, но живая передача инноваций, способных возобновлять наиболее творческие моменты прошлой поэтической деятельности. Инновационно-осаждающуюся модель Рикёра комментирует и развивает австралиец Дж. Коннерти [Connerty, 1990, p. 393].

время были назначены лишь троим очень пожилым сказителям: Дарье Томской (1913–2008), тому же Петру Егоровичу Решетникову (1929–2013) и Афанасию Егоровичу Соловьёву (1935–2012). Никого из них теперь нет в живых. На фоне миллионных сумм, которые расходуются сегодня на проекты, так или иначе связанные с олонхо (фестивали и театральные постановки, научные исследования, конференции, публикации, и т.д.), эти стипендии выглядят весьма скромно. Время идёт, вырастают новые мастера-олонхосуты. Не пора ли снизить возраст сказителей, которым такие стипендии могут назначаться?

Идея вторая. Деньгами все проблемы не решаются. Важнее общественное внимание к перспективным молодым певцам-сказителям – будущим наследникам эпической традиции. Их надо выявлять, растить и продвигать. Прежде состоятельные якуты приглашали олонхосутов к себе, угощали и одаряли их подарками. Теперь необходимо подключать систему спонсоров, заинтересовывать большие фирмы, которые начнут понимать, что поддерживать эпических певцов может стать выгодным – это своего рода реклама, которая повышает репутацию, создаёт реноме фирмы.

Идея третья. Частью магии олонхо было то, что его сказывали дома: чаще зимней ночью, когда семья и близкие собирались около камелька. В своей готовящейся к изданию книге «The Sakha Olonkho: Safeguarding a Siberian epic song-story tradition» («Якутское олонхо: сбережение одной сибирской эпической традиции») я привожу фрагмент из рассказа Екатерины Чехордуной о том, как в детстве исполнялось олонхо у них дома, в семье известного таттинского олонхосута Петр Афанасьевича Чехордуна. «Отец садит перед камельком, обычно лицом к востоку, а все сидим вокруг – кто спереди, кто сбоку или даже сзади. Он руки кладёт на колени, голову немножко закидывает назад, глаза закрывает и начинает речитатив. Начинает издали, долго описывает природу Срединной земли. Я сижу на коленях матери, маленькая такая... лет пять–четыре. Ничего не понимаю. Но голос слушаю – как снижается, замедляется, потом ускоряется. Из-за этого у меня всякие видения появляются... Отец сидит вроде бы неподвижно. Только голосом всё передаётся. И поэтому, когда теперь олонхосуты начинают жестиковать, я это не воспринимаю... Я всё время на одном и том же месте плачу. Это когда богатырь абаасы поёт. Я так боялась

его! Тогда мама относилась меня на кровать, садилась рядом и прикрывала меня одеялом. Когда богатыри начинали сражаться, я в страхе с головой пряталась под него. Говорят, отец пел громко, но под заячьим одеялом не слышно... Я подумала, что всё уже кончилось и высунула голову. Мама вернулась на своё место, а я одна в постели. Темно, страшно! Над кроватью окно, как чёрная дыра. И посмотрев на него, я опять начинаю плакать и опять прячусь под одеяло...».

Какой контраст с современной ситуацией! Сейчас олонхосут чаще выступает на большой сцене или на летнем празднике, где много посторонних шумов. Пространства, которые ближе к прежним условиям, были бы естественнее для него и способствовали бы действительно вдохновенному исполнению. Но ведь подобные условия можно создавать и теперь, приглашая, как это делали встарь, олонхосута к себе в дом, в круг близких людей – соседей, родственников, знакомых. Так, например, поступает Б.Н. Михайлов, художественный руководитель Центра духовной культуры «Арчы Дьиэтэ».

Анастасия Лугинова, сотрудница Министерства культуры и духовного развития РС(Я), говорила нам, что их молодая семья тоже приглашала к себе олонхосутов. Она напекла оладьи, накрыла традиционный якутский стол. Олонхосуты были довольны и с охотой пели. Кстати, муж Анастасии, помощник советника по культуре при Президенте РС(Я), по горячей просьбе их маленьких сыновей, всегда вслух перед сном читал им не только якутские сказки, но и отрывки из олонхо. И так поступают теперь многие дальновидные родители.

Идея четвёртая. Должны наращиваться и усилия по отбору талантливых молодых ребят, способных перенимать умение сказывать и петь олонхо. Думаю, что для начинающих, желающих овладеть этим искусством, может быть разработана специальная система ученичества – либо студийная, как это уже делается, либо даже «кочевая», когда студент-ученик командировается к мастеру-олонхосуту или сопровождает его на «гастролях». Это даст ученику возможность многими часами слушать наставника и тем самым интенсивнее перенимать эпическую традицию. Такая система может поддерживаться путем филантропии или государственным финансированием.

Хочется добавить, что новые обучающие возможности, подобные традиционным способам

трансляции олонхо, будут способствовать открытости учеников к сотворчеству и поощрят их в стремлении к инновациям, к созданию новых сюжетов, которые отразят мировоззрение, ценности и реалии сегодняшней жизни.

В заключение необходимо сказать о пробуждающейся в нас осторожной надежде, что уже скоро вырастет поколение олонхосут и их слушателей, которые не будут бояться слова «инновация», приведем обнадеживающий пример.

Юрий Борисов, молодой талантливый олонхосут и филолог-исследователь эпоса, работающий в Институте олонхо СВФУ, успешно выступает и уже доказал, что способен создавать собственные эпические сюжеты. В 2014 г. Издательский Дом СВФУ опубликовал его олонхо «Баһырҕастаах аттаах Баабый баатыр». В устных же выступлениях перед публикой он приближается к давней традиции – к исполнению олонхо с большой долей импровизации. В своём интервью он говорит, что целевой аудиторией для него, как автора и исполнителя олонхо, являются прежде всего студенты и молодёжь и

что язык его сказаний должен быть понятен всем [[http...](#)]. Не в этом ли видится явный возврат к инновационным механизмам подлинной исторической традиции олонхо, возврат, который сможет иметь желаемый эффект для привлечения к олонхо новой аудитории?

Размышляя о будущей судьбе якутского эпоса, хочется верить в лучшее и не исключать, казалось бы, невероятное — то, что со временем олонхосуты, подобные Юрию Борисову, смогут стать высокими мастерами, достойными славы олонхосут прошлого.

Литература

Connerty J.P. History's Many Cunning Passages: Paul Ricoeur's Time and Narrative // *Poetics Today* 11 (2). – 1990. – P. 383–403.

Lord Albert B. The Singer of Tales. – Cambridge. – MA: Harvard Univ. Press, 1960.

Ricoeur Paul. Time and Narrative [Temps et Récit]. Translated by Kathleen McLaughlin and David Pellauer. – Chicago: University of Chicago Press, 1984.

См.: http://s-vfu.ru/news/detail.php?SECTION_ID=21&ELEMENT_ID=26726

Robin Harris

Key factors in providing sustainable futures for epic traditions

This article explores the issues of the sustainable transmission of epic heritage of Olonkho, including factors necessary for the tradition to maintain resilience in the face of societal change. It underscores the need for a healthy balance between transmission and innovation, both of which are necessary to protect the creative potential of Olonkho as it develops into the future. The author also emphasizes various important factors affecting Olonkho, such as the epic environment (social environment) and improving methods for training future master – Olonkho tellers.

Keywords: Olonkho, Olonkho teller, master – Olonkho teller, school of Olonkho teller, transmission, of tradition, innovation, sustainability, epic environment, home-based performances, sponsorship.

УДК 398.8(571.56)

А.С. Ларионова

Особенности традиции эпического пения якутов Горного улуса (на примере олонхо Н.М. Тарасова «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бөгө»)*

Статья посвящена изучению особенностей эпического пения олонхосута из Горного улуса Н.М. Тарасова. Выявлено, что исполнение песен в олонхо «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бөгө», записан-

*Статья написана на основе доклада, прочитанного на Втором Республиканском научно-практическом форуме «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» (4 декабря 2015 г., г. Якутск).

ном во второй половине XX в., отражает канонические основы исполнения якутского героического эпоса во всех компонентах средств выразительности. В то же время можно обнаружить, что в исполнении кылысахов много общего с пением вилюйских сказителей, а зачинный возглас «Дьэ буо!» представлен в укороченном варианте, хотя музыкальные основы близки к каноническим. Также для него характерен распев не гласных звуков, а сонантов, которыми он завершает значимые распевы.

Ключевые слова: эпос, олонхо, олонхосут, локальные традиции, напев, песня, ладозвукоряд, распев, метроритм, тембр.

Олонхо представлено в наиболее совершенной форме в творчестве олонхосута Н.М. Тарасова (годы жизни: 1928–2001) из Горного улуса Якутии. В то же время в его пении проявилось как общее, так и специфическое в исполнении якутского олонхо. Существует несколько вариантов его *олонхо* «Быстроногий, Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё», записанных во второй половине 90-х гг. XX в. На основе анализа нотных расшифровок аудиозаписей этого *олонхо* выявлено, что *тойуковое*, импровизированное протяжное воспевание в напевах *дьиэрэтии ырыа* представлено в пении положительных персонажей его *олонхо*. Сама речь в сказании, как и в других якутских эпосах, произносится в быстром темпе и на едином дыхании и близка к жанру *чабыргах* (якутская скороговорка).

Что касается ладоинтонационных основ напевов этого *олонхо*, то, как и в других традициях, они принадлежат к архаическим ладовым основам, характеризующимся преобладанием олиготоновых и ангемитоновых структур с ярко выраженным основным опорным устоем. Кроме того, звукоряды таких ранних форм лада характеризуются микроальтерационным изменением звуковысотности напева как в сторону расширения, так и сужения, а также постепенной, незаметной сменной высотного уровня формулы песни. Такого рода изменения высоты основной формулы напева, происходящие в процессе исполнения, сложно определить на слух, они происходят незаметно и зачастую не осознаются самим исполнителем. Ладозвукорядная основа песенных разделов *олонхо* относится к древней стадии формирования ладовых структур, когда отсутствует точная дифференциация тонов, особенно в напевах *кутуруу*, а в *дьиэрэтии ырыа* начинают постепенно осознаваться определенные межтоновые соотношения. Лишь в напевах *дэгэрэн ырыа* происходит становление собственно зачатков ладовых основ в виде опорных тонов, понимание их функциональности. Такой вид лада по традиции российского этномузыкального знания именуется «раскрывающимся».

Так, в «Первой песне богатыря Верхнего мира» первого варианта *олонхо* «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» [Ларионова, 2004, с. 291–294], изложенной типом пения *дьиэрэтии ырыа*, начальная большесекундовая интонация *g-a-g* малой октавы за счет добавления большой секунды к верхней опоре *a* преобразуется в мелодический оборот *a-h-g*, в котором *a* и *g* микроальтерационно повышены. Вследствие этого добавляется большетерцовый нисходящий ход к нижней опоре *h-g*. Данная интонация подчеркивает начало новой строки. В последующем изложении средний тон *a* и верхний тон *g* модифицируются соответственно в средний тон *b* и верхний тон *c*. Начальная попевка строки приобретает вид с *a-h-g* на *b-c-g*, благодаря чему объем напева расширяется до квартового уровня. Данный оборот с восходящей большесекундовой и нисходящей квартовой интонациями сохраняется на протяжении всей песни, исполняя определенную формообразующую роль в качестве начала новой строки. Таким образом, в проанализированном фрагменте мы наблюдаем мобильный тип звукоряда, в котором изменению подвергаются два верхних тона.

Практически во всех песенных разделах в манере *дьиэрэтии ырыа олонхо* Н.М. Тарасова «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» начальная попевка мелопериода несколько выделена от основного контура мелодии и основана на терцово-квартовых интонациях. Каденционный участок каждой строки у него часто представляет собой многократное повторение нижнего опорного тона в виде вокализованного распева.

При всей универсальности ладоинтонационной структуры якутских *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа* они имеют свои национальные особенности с преобладанием терцовых и большесекундовых интонаций, имеющих структуру «раскрывающихся ладов». При этом секунды могут быть чуть больше или меньше большой секунды. Если большая секунда становится чуть больше, то постепенно секундовая интонация может преобра-

зоваться в терцовую. У Н.М. Тарасова терцово-секундовые обороты составляют основу 12 песен из 15 в первом варианте *олонхо* «Быстроногий, Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё», двух песен из семи второго варианта и трех песен из 11 третьего варианта этого же *олонхо*. Таким образом, данная интонация является преобладающей для первого варианта *олонхо*.

Квартовые интонации также встречаются у него достаточно часто. Например, интонационный оборот *b-c-g* открывает каждую строку «Песни богатыря Верхнего мира» из первого варианта, начиная с девятой, благодаря разрастанию размеров мелодического шага. В третьей песне также первого варианта этого *олонхо* такой же начальный оборот появляется практически сразу уже во второй строке. В целом в трех песнях из 15 в манере *дыэрэтии ырыа* первого варианта представленного эпического сказания встречается оборот с нисходящей квартой. Во втором варианте он появляется в шести песнях из семи и, таким образом, представляет интонационную основу этого варианта *олонхо*. В третьем варианте ч. 4 встречается в восьми песнях из 11. Таким образом, ч.4 является преобладающей интонацией во втором и третьем вариантах данного *олонхо*.

Относительно метроритмических основ в пении Н.М. Тарасова можно констатировать достаточную свободу их в напевах *дыэрэтии ырыа* и четкость, строгую предустановленность в напевах *дэгэрэн ырыа*. Метроритмическая структура якутских напевов стиля *дыэрэтии ырыа* опирается и прямо зависит от слогового ритма текста. Четкий метроритм свойствен напевам в манере *дэгэрэн ырыа*, поющим преимущественно в двухдольном метре. В них вербальный текст в основном подчиняется ритмике напева. Хотя встречаются песни типа *дэгэрэн ырыа*, в которых переменна метра иногда зависит от структуры вербального текста.

В музыкальном фольклоре якутов песня стиля *дыэрэтии ырыа* открывается зачином, который играет важную роль, представляя собой вступление и настройку к песне. Например, в песнях стиля *дыэрэтии ырыа* в *олонхо* зачины служат своеобразным маркером персонажа сказания. Напевы персонажей Среднего и Верхнего миров *олонхо* поются в манере *дыэрэтии ырыа*. Традиционный *тойуковый* возглас «Дьэ-буо!» представляет собой основополагающий маркер стиля *дыэрэтии ырыа*. Данный зачин с вариантами «Дьэ!»,

«Бу!» и др. исполняет важную функцию в формировании песенных разделов *олонхо* и относится к характерным национальным признакам. В зачине «Дьэ-буо» в концентрированном виде заложены основные элементы последующего развития, в том числе и ладозвукорядные.

Основу зачина составляют протяженные вокализованные распевы импровизационного характера. Структура данного традиционного возгласа достаточно устойчива и однотипна для всех напевов, поющих в манере *дыэрэтии ырыа*. Так, для начальной интонации «Дьэ-буо» характерно более долгое звучание во второй доле верхнего тона в восходящей интонации, относительно первой доли, представленной нижним тоном. Интервальное соотношение между этими тонами обычно представляет собой либо м.3, либо б.2. В каденционном участке звучит постоянное, более ускоренное, многократное повторение нижнего опорного тона равными краткими длительностями.

Заключительные разделы песен из *олонхо* в манере *дыэрэтии ырыа* составляют своеобразную «арку» с зачином, повторяя вступительную часть песни во всех своих основных структурных, ладоинтонационных и метроритмических закономерностях, хотя отсутствует слово-возглас вступительного традиционного зачина «Дьэ-буо». Отдельные повторы вокализованных распевов зачина встречаются в середине напева.

Достаточно часто употребляется сокращенный вариант слова-возгласа «Дьэ-буо!». Так, в двух песнях стиля *дыэрэтии ырыа* из 15 первого варианта, в трех песнях из 11 третьего варианта *олонхо* «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» звучит слово-маркер «Дьэ» с обязательным конечным назальным переднеязычным, апикальным, смычным сонантом *н*, который может предваряться гласными *о*, *у* в виде слогов *-он*, *-ун*. Помимо появления финального назального сонанта *н*, у Н.М. Тарасова встречаются, как в сокращенном варианте зачина, так и в полном его виде, финальные смычные носовые сонанты *нг* и *м*. Можно считать, что завершение зачинного вокализованного распева финальным видоизменением гласного звука, завершающегося сонантом, является характерной особенностью данного *олонхосута*, так как другим исполнителям эпоса несвойственна финальная сонантизация зачинного возгласа, хотя в срединных разделах песни могут появляться сонанты.

Кроме «Дьэ-буо!» существуют зачины, служащие маркером того или иного персонажа *олонхо*. В частности, такими маркерами обладают женские персонажи, как и все положительные герои якутских сказаний, поющие стилем *дьиэрэтии ырыа*. «Женские образы занимают особое место в якутских олонхо. Они играют большую роль в развитии сюжета. Женщина айыы является ключевым образом, причиной конфликта между племенами айыы и абаасы. Она обладает высокими моральными качествами, чиста, порядочна, умна, в отличие от женщины абаасы. Женщины помогают герою выбраться из трудной ситуации, дают полезные советы, используют свою красоту, чтобы победить противника» [Кузьмина, 2014, с. 78]. Их крадут главные противники людей абаасы, они страдают от плена у врага человеческого рода. Поэтому их пение зачастую представляют собой плач. Соответственно, основу вступления их песен составляет звукоподражание плачу. Возгласным распевом, подражанием плачу «*Ыйы-быан! Айайбын!*», начинается «Песня Сестры Бюдюрюйбэт Нюсэр Бёгё» из первого варианта «Быстроногий, Неспотыкающийся Бюдюрюйбэт Нюсэр Бёгё» [Ларионова, 2012, с. 152–153]. Подобные имитации плача характерны для женских персонажей многих якутских сказаний.

У Н.М. Тарасова зачин напева Абааһы кыһа из второго варианта *олонхо* «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» [Там же, с. 154–155] открывается традиционной большетерцовой интонацией. В процессе развития эта начальная большетерцовая интонация *fis-ais* несколько расширяется за счет микроальтерационного повышения звука *ais*. Скачки на широкие интервалы появляются в процессе развития музыкального материала. В финали каждой строки песни звучит нисходящий скачок на ч.5 или ч. 4, а с пятой строки появляется нисходящая секста, которая закрепляется и становится основной, начиная с 11-й строки. Метроритмика напева опирается на хореическую структуру. В целом, напевам героев Нижнего мира этого олонхо преимущественно свойственна экмелика – пение без опорных тонов, представляющее сплошное тремоло, вибрато и «размытые» по высоте тоны.

В якутском музыкальном фольклоре выразительные средства, связанные с тембром, очень важны, особенно при пении стиля *дьиэрэтии ырыа*, принадлежащего к древнему пласту якутского фольклора и относящегося к древней фор-

ме поющего стиха. Якутский *кылысах* имеет характерные особенности звукоизвлечения, чаще всего связанные с региональной стилистикой исполнения, а также индивидуальными возможностями певцов. В свою очередь исполнение горловых призывков у каждого якутского исполнителя имеет свои особенности. У Н.М. Тарасова фальцетные призвуки, звучащие параллельно основному тону, появляются эпизодически. Остальные *кылысахы* напоминают форшлаг, так как их звучание прекращается почти сразу, как вступает основной тон, в то время как для центральной (приленской) стилистики якутского пения *дьиэрэтии ырыа* характерно практически постоянное, параллельное к основной мелодии звучание этого призвука, напоминающего флажолет. Поэтому исполнение данного тембра для олонхосута Горного улуса близко к манере исполнения вилюйских сказителей. Так, у известного сказителя В.О. Каратаева из Борогонского наслега Вилюйского улуса в «Песне богатырского коня» из *олонхо* «Могучий Эр Соготох» (запись 1986 г.) [Якутский героический эпос..., 1996, с. 65]: первая строка – первый слог *ай-* в слове *айнньыһабы*; вторая строка – последний слог *нэ* в слове *эминэ*; третья строка – первый слог *бос-* в слове *босхо* ('свободный'); последняя строка – первый слог *ай-* в слове-звукоподражании *айнньыһабы*. *Кылысахы* у него появляются, главным образом, на первом слоге слова и чаще с широкими гласными *а* и *э*.

Кылысах, как горловой призывок, является сложным конгломератом игры тембров. Он имеет неоднородный характер. В виде *кылысахы* могут звучать различные вибрато, форшлагги, глиссандо, скольжения, флажолет. Так, *кылысах*, одновременно сочетает форшлаг и флажолет. Так как взятый как форшлаг, он продолжает свое звучание с основным тоном в виде флажолета. Этот вид *кылысахы* у Н.М. Тарасова в напевах *дьиэрэтии ырыа* представлен в каденционных участках каждой строки. Другой вид *кылысахы* берется после появления основного тона с некоторым запозданием. В этом случае вначале звучит основной тон без *кылысахы*, а горловой призывок берется перед его повторением, как бы с некоторым запозданием. Данный тип у Н.М. Тарасова появляется в «Песне богатыря Верхнего мира» из первого варианта в четвертой строке слог *та-* в слове *таарардыгыат*. Выявлено, что у Н.М. Тарасова встречаются практически все разновидности *кылысахы*-форшлага или флажолета, при преоблада-

нии *кылысаха*-форшлага без флажолета. *Кылысах*-флажолет без предваряющего форшлага или опорного тона, относящийся к разновидности тон-слог, в «Песне богатыря Верхнего мира» первого варианта *олонхо* «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» встречается в 19-й строке, в которой он звучит на слогах *ха*- и *-хан*- в слове *хаһаннаны*; в 19-й строке – на слоге *-дьа*- в слове *алдьанан*; в последней строке – на слоге *-бэ*- в слове *эбээһинэстээхпит*. В данном напеве *кылысах*-флажолет встречается в первом и во втором, преимущественно открытых слогах слова с начальными шумными согласными *х*, *б* и фарингальным *һ*, медиальными широкими гласными звуками *а* и *э*. Закрытый слог *-хан*- имеет финальный сонант *н*. Именно горловое пение *кылысах* является отличительным национальным признаком для напевов стиля *дьиэрэтии ырыа*, будучи древнейшим субстратом, сохранившимся до наших дней. Его присутствие в песенных разделах *олонхо* – яркий показатель раннестадийного наложения в эпосе якутов.

В якутском музыкальном фольклоре большую роль играют внутрислоговые распевы. В них чаще всего распевается один слог слова. Внутрислоговые распевы являются характерной особенностью стиля *дьиэрэтии ырыа*. Основой стиля *дьиэрэтии ырыа* являются такие распевы слогов, когда на один слог приходится два и более звуков. Они бывают самого разнообразного свойства как в метроритмическом, так и в звуковысотном отношениях. Иногда протяженность их простирается настолько широко, насколько хватит дыхания исполнителю. Внутрислоговые распевы зависят от слогового ритма вербального ряда и одновременно удлиняют время словесной строки. По нашему мнению, именно эти распевы с их богатейшей тембровой палитрой заключают в себе национальную природу якутского мелоса.

Внутрислоговые распевы имеют определенную структуру, в которой каждый слог представлен слогонотой (А.В. Руднева) в различных соотношениях длительностей. Чаще всего в напевах *дьиэрэтии ырыа* распев выражен одним высотно-интонационным уровнем, когда тон повторяется дважды и между основным и повторенным тонами звучат мелизматические и звукотембровые украшения в виде форшлага или *кылысаха*, отделяя один тон от другого. Данный вид короткого распева является основополагающим в песнях стиля *дьиэрэтии ырыа* в *олонхо*. Кроме того, в

интонационном и ритмическом отношениях в распевах могут участвовать опорные тоны напева в различных вариантах, зависящих от разнообразных причин, в т.ч. исполнительского стиля певца, для передачи характеристических черт персонажа музыкально-поэтических жанров якутского фольклора.

У Н.М. Тарасова преобладают распевы с двумя восьмыми на одном звуковысотном уровне. При доминировании такого типа кратких распевов, встречаются также распевы двумя восьмыми в нисходящем большесекундовом движении мелодии, тремя восьмыми в различных звуковысотных комбинациях с превалированием также большесекундовых и большетерцовых интонаций.

Обязательны в напевах *дьиэрэтии ырыа* и пространные вокализованные распевы. Подобные вокализованные распевы по своей протяженности разнообразны и включают от четырех до 20 и более звуков на один слог. Наличие *кылысаха*-флажолета в пении у центральных (приленских) исполнителей предваряется распевом. В свою очередь разнообразие распевов свойственно именно этому региональному стилю, и желание певца подать их наиболее красочно и ярко приводит к использованию различных тембровых приемов для украшения мелоса. По нашему мнению, эти тенденции взаимообусловлены. Особенно четко эту взаимообусловленность можно наблюдать в различных вариантах *олонхо* Н.М. Тарасова «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё», у которого *кылысахи*-флажолеты звучат не часто, а именно в моменты вокализованных распевов. Данные протяженные распевы как бы подготавливают появление горлового призвука. Происходит своеобразный «разгон» голосового аппарата для звучания *кылысаха*-флажолета.

В исполнении *олонхосутов* в процессе пения происходят изменения в вербальном ряде. Так, в пении встречаются видоизменения гласной. Помимо этого в вербальном ряде зачастую меняется качество слова в связи с добавлением согласных к слову в пении. Имеются в виду такого рода добавленные согласные звуки к поющему слову, которые в литературной и разговорной якутской речи в данном слове не встречаются. Особенно оригинально воспринимаются распевы не гласных, а согласных звуков, преимущественно сонантов. В этом отношении своеобразным и показательным является пение Н.М. Тарасова, у которого распевается, помимо гласных звуков, также

и согласный, точнее сонант, хотя в традиционной песенности якутов наиболее употребителен все же распев гласных звуков. У других исполнителей согласная поется отдельным звуком, но он не подвергается распева, как у певца из Горного улуса. Возможность распева сонанта у Н.М. Тарасова связана с тем, что в сонантах голос преобладает над шумом. В песенных разделах его *олонхо* «Быстроногий Неспотыкающийся Нюсэр Бёгё» наблюдается такого рода распев в шести песнях из 16 первого варианта, в шести песнях из семи второго варианта, в которых происходит распев таких сонантов, как *н, л, нг, р, м*, расположенных чаще всего в финали слова, хотя они могут встречаться и в нераспетых слогах в виде добавления к слову, в котором такой сонант в речи не встречается. То есть здесь достаточно протяженному распева подвергаются, помимо перечисленных и распространенных в якутской традиционной песенности голосовых сонантов, также сонорные смычно-боковой переднеязычный *л* и смычно-дрожащий переднеязычный *р*.

Такого рода добавленные при пении гласные и согласные звуки сказываются на видоизменении структуры вербального ряда песни, для которых чаще всего характерно наращивание слогов в процессе пения. Под влиянием мелоса в песнях стиля *дыэрэтии ырыа* происходит некоторое выравнивание в количестве слогов в строках, наращивание их совершается за счет добавления чаще всего внесмыслового слога к последнему слогу последнего слова строки. Структуру вербального

текста песни в сторону наращивания слогов изменяют также разнообразные внесмысловые слова. Все эти добавленные слоги также обнаруживаются в пении Н.М. Тарасова.

Таким образом, исполнительской традиции Н.М. Тарасова присущи внутрислоговые распевы двумя восьмью переменяющимися кылысахом. Кылысах, напоминающий флажок, появляется у него периодически, расцвечивая мелодию напева. Данные черты приближают его пение к традициям вилюйской стилистики. При этом у него чаще всего внутрислововым распевам подвергаются не только гласные звуки, но и согласные звуки: сонанты, сонорные смычно-боковой переднеязычный *л* и смычно-дрожащий переднеязычный *р*. Манера пения в *олонхо* у Н.М. Тарасова при всей ее канонизированной основе отличается своей оригинальностью и отражает все своеобразие песенной культуры народа саха.

Литература

Кузьмина А.А. *Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы.* – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.

Ларионова А.С. *Вербальное и музыкальное в якутском дыэрэтии ырыа.* – Новосибирск: Наука, 2004. – 324 с.

Ларионова А.С. *Напевы якутского героического эпоса олонхо.* – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 178 с.

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск: Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

A.S. Larionova

Features of the Yakut epic singing tradition of Gorny region (for example, Olonkho N.M. Tarasov "Swift-Footed, Sure-Footed Nuser Bege")

Article is devoted to studying of features of epic singing of an Olonkho teller from the Gorny ulus N.M. Tarasov. It is revealed that performance of songs in Olonkho "Swift-Footed, Sure-Footed Nuser Bege", which is recorded in the second half the XX century, reflects initial bases of performance of the Yakut heroic epos in all components of means of expressiveness. At the same time, it is possible to find out that performed by kылысах much in common with singing the vilyuyskiy of storytellers, and the initial exclamation "Dye buo!" it is presented in the truncated option though musical bases are close to the initial. Also for it the singsong not of vowels, and sonants with which it finishes significant singsongs is characteristic.

Keywords: the epos, Olonkho, Olonkho teller, local traditions, a tune, the song, modality, a singsong, metrorhythm, a timbre.

А.И. Саввинов

Фольклор есеевских якутов: к истории собирания, изучения и публикации

В статье рассматриваются основные этапы и события, связанные с изучением фольклора есеевских саха – субэтнической группы северных якутов-оленьеводов, локально проживающей за пределами Якутии. Дается краткая характеристика и анализ основных локальных особенностей традиционных жанров фольклора есеевских якутов. Отмечается роль собирателей, их вклад в сохранение и изучение локальных образцов фольклорных памятников.

Ключевые слова: история, есеевские якуты, устное творчество, фольклорные жанры, есеевский говор, архивные материалы, полевая работа.

В последнее время в республике тема субэтнических групп народа саха, проживающих в сопредельных регионах, становится более привлекательной не только с точки зрения изучения их истории, но и их этнического выживания и сохранения в современных условиях. Среди этих небольших этнотерриториальных групп, расселенных в сопредельных регионах, есеевские якуты представляют особую группу как сравнительно многочисленную и компактно проживающую с сохранившейся живой этнической культурой. Сегодня, в условиях сложных геополитических процессов современной глобализации, когда коренные народы переживают непростое время этнокультурного развития, диаспоральные проблемы этноса становятся весьма актуальными.

Есеевские якуты – небольшая, этнотерриториальная группа северных якутов, издревле проживающая на севере Красноярского края. Своё название местные якуты получили от заполярного оз. Есеев, изначального эпицентра их расселения. И сегодня большинство их компактно проживает в одноименном поселке, расположенном на берегу озера. По последним данным, на территории района проживает около 1000 чел., кроме пос. Есеев и районного центра Тура, они также живут в поселках Чиринда, Байкит, Нидым и др. Кроме того, следует упомянуть о части есеевской группы, расселенной на соседнем Таймыре, представители которой являются давними выходцами из района оз. Есеев. По данным Б.О. Долгих, расселение есеевских якутов на Ламе началось еще со второй половины XIX в. Как он писал, в 1920-х гг. на Таймыре есеевских якутов было больше, чем на самом Есеее [Долгих, 1929,

с. 66]. Якутский диалектолог М.С. Воронкин, в свое время выявивший бытование на Таймыре есеевского говора, подтвердил наличие здесь этнических групп есеевских якутов, сохранивших свои родовые фамилии [Воронкин, 1976, с. 95–104]. Выходцев с Есеев, со временем влившихся здесь в местную долгано-эвенкийскую среду, но сохранивших свои этнические черты, позже, в советское время записали долганями. Поэтому, говоря о традиционном расселении есеевских якутов, следует показать их более широкое территориальное распространение.

История расселения якутов района оз. Есеев берет свое начало еще в XVIII в., когда выходцы из Оленека и Вилюя, постепенно продвигаясь, заселяли северо-западные территории. Обитание здесь якутских ясакоплательщиков подтверждают многие архивные письменные свидетельства этого периода [Ксенофонов, 1992, с. 297; Долгих, 1963, с.122; Парникова, 1971, с. 77]. Озеро Есеев – место знаковое, хранящее немало тайн истории, с ним связаны древние сказания и предания, повествующие об отважных кочевниках северных широт, о некогда стоявшем здесь ясачном зимовье русских казаков, первой на тунгусской земле православной часовне. Несмотря на этногенетическую связь и общность родовой номенклатуры с центральными улусами, есеевские якуты сохранили своеобразие культурных традиций, сформированных в местных географических и этнических условиях.

Длительное изолированное положение местных якутов способствовало формированию здесь локального варианта языка, который и сегодня сохраняет свое уникальное своеобразие. В севе-

ро-западной диалектной группе языка саха ессейский говор занимает особое место. В условиях изолированной этнокультурной среды он сохранил яркий, своеобразный лексический пласт языка. Ессейский говор, отличающийся особой архаикой, характеризуется богатым художественным миром, неповторимой образностью и удивительной выразительностью. В прошлом на этом говоре развилась местная сказительская традиция, представленная такими широко известными жанрами фольклора, как олонхо, легенды и предания, сказки, обрядовые песни, алгысы, загадки и поговорки. Своеобразие местного говора неразрывно связано с особенностями исторической судьбы этой небольшой этнической группы.

Основные традиционные занятия ессейцев – сезонная охота, ловля рыбы, пушной промысел – как и прежде, имеют здесь культуuroобразующее значение. Для северных якутов с характерным кочевым образом жизни оленеводство являлось главной основой их жизнедеятельности, без которого немислим был весь их хозяйственно-бытовой уклад. Озерное рыболовство и жизнь ессейцев – понятия настолько взаимосвязанные, что без этого исконного занятия ее здесь трудно представить. Благодаря круглогодичному лову озерное богатство и сегодня составляет основу их традиционного рациона питания. Весь этот веками накопленный хозяйственно-культурный опыт представляет собой важный фактор их выживания и сохранения этнических традиций [Саввинов, 1989; 1996, с.128–138].

Собирание фольклора ессейских якутов, прежде всего, связано с именами известных исследователей Б.О. Долгих и Н.В. Емельянова, которым принадлежит пионерная заслуга в сохранении этого бесценного устного наследия. Благодаря уникальным записям сегодня имеется возможность получить более широкое представление о самобытной культуре этой локальной группы северных якутов.

Материалы Б.О. Долгих, хранящиеся в Красноярском краевом музее, о которых ранее написано (автором статьи. – А.С.) требуют более тщательного изучения [Саввинов, 2012, с. 97–99]. Безусловно, этот большой полевой материал в этноисторическом аспекте имеет особую ценность как оригинальный источник для сравнительных этногенетических исследований. В этих фольклорных сюжетах немалый интерес также вызывает то, что в них обнаруживаются

некоторые тунгусские и самодийские заимствования, которые могут быть использованы при сравнительном изучении устных традиций северных якутов. Якутские исследователи Н.В. Емельянов, М.С. Воронкин, П.Е. Ефремов проявляли особый интерес к записям Б.О. Долгих.

Важным этапом в собирании и изучении фольклора ессейских якутов явилась работа Ессейского отряда фольклорно-диалектологической экспедиции Якутского института языка, литературы и истории в составе фольклориста Н.В. Емельянова и диалектолога М.С. Воронкина, созданного в 1959 г. Следует отметить, что это была первая специально организованная экспедиция с целью научного изучения языка и фольклора данной локальной группы якутов, проживающих за пределами республики. Работа отряда была связана с комплексными задачами ареального изучения фольклорно-диалектологических особенностей языка саха. В экспедиционно-собираетельской практике института того времени это был первый опыт по сбору фольклорного материала среди локальных групп саха, расселенных в другом регионе. Участники экспедиции были не только хорошо подготовленными специалистами, но и прекрасными носителями языка. Они не ставили перед собой только узко профильные задачи, а рассматривали проблему намного шире, и потому для сбора полевого материала использовалась комплексная методика исследования. Так, научная экспедиция 1959 г. состоялась спустя 20 лет после поездки Б.О. Долгих и работала совершенно в новых условиях. К этому времени небольшое якутское поселение было неузнаваемо преобразовано в колхозный центр с семилетней школой-интернатом, почтой, конторой сельсовета, жилыми постройками. Жители тепло встретили ученых из Якутии и всячески им помогли. Этот отдаленный северный поселок оленеводов и рыбаков с необычным укладом жизни и быта удивил своей самобытной уникальностью. В Ессее участники экспедиции сделали для себя ряд открытий: обнаружили редкое явление – своеобразный местный говор, еще не тронутый влиянием литературного языка, а также практически все известные жанры якутского фольклора: олонхо и сказки, исторические предания и рассказы, обрядовую поэзию и песни, кроме того, уникальные образцы архаичного хосунного эпоса. Это был некий живой оазис старинных якутских традиций.

Однако, как позже писал сам Н.В. Емельянов, экспедиция работала в то время, когда в Есее уже угасла сказительская традиция [РО. Ф. 5. Оп. 5. Ед.хр. 442]. Действительно, если сравнить со временем экспедиции Б.О. Долгих, то исполнителей стало значительно меньше, у них уже не было того большого фольклорного репертуара. В этом, видимо, немалую роль сыграло бытовавшее в советские годы отношение к фольклору, как чему-то отсталому, невольно ассоциировавшемуся со старым бытом и патриархальным прошлым. В этих условиях известные исполнители вынуждены были расстаться со своим любимым занятием и начали постепенно забывать свои песни и сказки. Поэтому к ним нужен был особый подход и предварительная работа с ними. Тем не менее экспедиции повезло, участники застали тогда последних ярких носителей фольклора. Таким образом, впервые среди есейских сказителей были сделаны записи на языке оригинала, с учетом и тщательным соблюдением особенностей есейского говора.

В то время в Есее было всего два практикующих олонхосута: Мартен Иванович Эспек, 1895 г.р., который был потомственным сказителем, его дед Алексей, известный олонхосут, был родом с Вилюя. У него Мартен научился сказительству и начал выступать, не достигнув еще 30-летнего возраста. Запись другого олонхо была сделана у Егора Христофоровича Осогостока, 1918 г.р., малограмотного, работавшего завскладом; сказительством и пением он занимался с молодых лет, кроме того сочинял стихи на родном языке.

От первого сказителя было записано три олонхо: «Тэлэгийтин үрдүнэн тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бөбө» («Одетый над поясом в серебряный камзол Хотой Бөгө»), «Тиин һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» («Богатырь Тигяняй в беличьей дошке») и «Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр» («Мятежная Дева-Богатырь»). От Е.Х. Осогостока – два олонхо: «Тэлэгийтин үрдүнэн тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бөбө» («Одетый над поясом в серебряный камзол Хотой Бөгө») и «Тиин һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» («Богатырь Тигяняй в беличьей дошке»). Хотя они исполняли два одинаковых олонхо, но каждый сказитель это делал по-своему. Их сказительское мастерство было не похоже друг на друга, у каждого была своя выразительность языка, своя исполнительская манера, каждый по-своему передавал характер и образ персонажей и героев

олонхо. Поэтому неслучайно Н.В. Емельянов сделал параллельную запись одного олонхо в двух разных исполнениях.

Мартен Иванович Эспек был замечательным олонхосутом, в его большом репертуаре были и другие виды устного жанра. Так, кроме олонхо от него было записано 10 сказок и преданий. Егор Христофорович Осогосток также был универсальным рассказчиком и сказочником, он продиктовал семь сказок и преданий. Эти два исполнителя в свое время были наиболее яркими носителями местного фольклора.

Кроме олонхосутов, имелись и другие знатоки старины, прекрасные рассказчики. От самой пожилой жительницы Есее, 108-летней Евдокии Христофоровны Уодай, были записаны предания «Дьэһиэй эбэ» («Озеро Есее»), «Үрэн Хоһуун» («Урэн Хосун»), несколько бытовых рассказов, а также пословиц. От 78-летнего Филиппа Павловича Чорду (Амба) были записаны предания «Ньычаада Бухатыыр» («Богатырь Ничада»), «Уот иччитэ» («Дух огня»), «Урэн Хоһуун» («Урэн Хосун»), «Былыр көтөр танаралаах этилэр» («В старину имели родовые птицы-тотемы»); от 78-летнего члена колхоза Семена Васильевича Осогостока (Һиэйкэ), «Майаат омуктар» («Племя маятов»), «Урэн Хоһуун» («Урэн Хосун»), «Дьэһиэй сахалара хантан кэлбиттэрэ» («Откуда прибыли есейские якуты»); в Туре от 68-летнего уроженца Есее Христофора Саввича Ботулу записано предание «Майааттар» («Маяты»). Н.В. Емельянов застал некоторых информантов Б.О. Долгих, например, известного знатока и рассказчика 73-летнего охотника, члена колхоза Есее Христофора Григорьевича Чорду, от него были записаны предание «Аблачакан Хоһуун» («Хосун Аблачакан»), рассказы о заселении Есее якутами. От олонхосута М.И. Эспека был записан образец тойука «Кыыс уолу туойар» («Девушка воспекает парня»). Также были записаны некоторые образцы малых жанров фольклора: 21 пословица и поговорка, 26 – загадок [РО. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 340]. К этой работе были привлечены учащиеся Есейской школы: семиклассницы Христина Ботулу, Валентина Бети, учитель И.С. Иванов. Следует отметить, что в архиве Н.В. Емельянова, кроме фольклорных записей, немало и других не менее интересных материалов. Это и бытовые рассказы информантов, различные записи этнографического характера о традиционных занятиях и обычаях,

краткие сведения о родословной якутских фамилий, местная топонимика и др. Полевые материалы также содержат авторские зарисовки оленьих санок, ловушек и других орудий промысла.

В целом собранный Н.В. Емельяновым богатый фольклорный материал по своему составу и содержанию имеет уникальный характер. Нужно отметить, что тогда экспедицией впервые была предпринята запись образцов фольклора эсеевских якутов на языке оригинала. Безусловно, экспедиция не могла охватить весь разнообразный арсенал местных устных традиций, например, не удалось записать не менее популярный в то время песенный и обрядовый фольклор. Тем не менее весь собранный материал показал его разнообразие, во многом соответствующее основным жанрам якутского фольклора, а некоторые из них носили несколько архаичный характер. Образцы местных олонхо по структуре и сюжетным особенностям типологически несколько отличались от олонхо, известных в виллюйских и центральных улусах.

Эсеевское олонхо, несмотря на свое генетическое родство с традиционной формой и структурой, сохранение героического стиля эпических сказаний, имело ряд местных своеобразных отличий, это, прежде всего несколько иная манера исполнения, характерная для северного варианта олонхо. П.Е. Ефремов, говоря о поэтических художественных средствах долганских сказаний, отмечал в них наличие некоторого северного налета [Ефремов, 1984, с. 69]. В эсеевских традициях также был заметен своеобразный северный колорит, нередко в них описываются местные особенности окружающей природы, хозяйственной деятельности и другие реалии северного быта. В персоналиях героев северных сказаний иногда встречаются имена достаточно необычного происхождения. В этих характерных особенностях северных эпических традиций, безусловно, не могли не отразиться местные условия, природная среда обитания северян.

Можно сказать, что сюжеты об Урэн Хосуне и маятах – пожалуй, характерная особенность эсеевского фольклора, они разные по форме и многовариантные по сюжету. Ареал этих эпических мотивов, широко охватывающий северо-запад Якутии и Таймырский регион, у северных групп якутов имеет особое бытование. Б.О. Долгих придавал им важное значение как ценным источником для изучения этногенетических про-

блем происхождения аборигенов Заполярья. Особую архаику эпических традиций северных якутов подметил еще Г.В. Ксенофонтов. Анализируя хосунные сюжеты оленекцев, уходящие в седую древность эпохи межплеменных войн, он связывал их с собственной гипотезой о раннем периоде передвижения и формирования северных групп якутов [Ксенофонтов, 1992, с. 399–413]. Хотя позже по поводу происхождения этих древних сказаний у исследователей появились другие мнения.

Особый интерес вызывает цикл генеалогических рассказов и преданий о заселении якутами оз. Эсеев. Эта характерная и достаточно популярная тема в устных традициях эсеевцев, она также присутствует в материалах Б.О. Долгих. В этих рассказах весьма ярко отражаются отголоски тех давних времен, когда их далекие предки, преодолев немалые расстояния, расселялись в этих краях. В преданиях рассказывается о родственных связях эсеевцев с оленекскими, жиганскими, виллюйскими якутами, от которых произошли их роды. В прошлом эсеевские якуты строго подразделялись на родоплеменные группы, каждая из которых представляла собой отдельную фратрию или родовую общину. Кроме того, что каждая группа имела свое собственное родовое название, определенную территорию расселения, она имела и свой родовой тотем в виде священных птиц. Факты сохранения у эсеевских якутов старинных родовых названий свидетельствуют о довольно раннем их продвижении на новую территорию, задолго до разложения родоплеменных отношений в якутских улусах. Эти древние названия сохранились на карте Якутии. Таким образом, родовые фамилии, широко распространенные среди эсеевских якутов, говорят сами за себя, ярко свидетельствуя об их этнических корнях.

В фольклорных традициях эсеевцев получили яркое отражение диалектные особенности их языка. Это, пожалуй, одна из отличительных черт этнокультурных явлений, присущих устным традициям локальных субэтнических групп. Так, в эпических формах обнаруживается наличие архаического пласта бытовой лексики, характерной для северных говоров. В отличие от эпических жанров в малых сказочных формах нередко встречается северная лексика, отражающая терминологию кочевого быта, оленеводческого хозяйства и т.д. Обычно в них не воспевается кра-

сота загадочной южной страны, а показывается более реальная картина северной природы и присущие ей явления. Их герои и персонажи нередко имеют имена непонятного происхождения. Эти характерные особенности северных эпических традиций хорошо показаны на примере долганского олонхо П.Е. Ефремовым.

Нельзя не заметить в фольклоре есеев некоторое влияние их этнического окружения. Бытование устной традиции есеев, в отличие от других групп северных якутов, происходило в условиях особого этнокультурного пограничья, где живые языки и устные традиции оказывали огромное влияние друг на друга, способствовали формированию местного сказительского репертуара. Поэтому в эпических и сказочных жанрах якутско-эвенкийские и долгано-якутские сюжетные – заимствования вполне естественное явление. Также можно говорить о наличии в фольклоре есеев некоторых мотивов русских сказок.

Исследователь долганского олонхо П.Е. Ефремов неоднократно отмечал, что олонхо проникало также в долганскую среду через есеевских якутов [Ефремов, 1984, с. 79]. Более того при структурном анализе северных олонхо он находил некоторые сюжетные параллели в олонхо есеевских якутов «Хотой Бёгё» и долганском олонхо «Ат Уола Аталамии букатыыр» («Сын лошади Аталами богатырь») [РО. Ф. 5. Оп. 13. Ед. хр. 185, с. 102]. Эти явления вполне понятны, поскольку есеевские якуты в прошлом имели постоянные контакты с населением таймырской тундры. В целом можно сказать, что развитие фольклорных традиций у соседних народов, имеющих родственные связи, происходило не без взаимного влияния и проникновения.

Говоря об есеевских традициях, нельзя не упомянуть оленекских (кирбейских) якутов. Как известно, население Кирбейского наслега в прошлом не только территориально тяготело к Есеею, между ними были весьма близкие родственные связи. В свое время часть есеевцев перекочевала на Оленек. Поэтому в фольклорных традициях этих групп обнаруживается много общего. В своих оленекских материалах И.С. Гурвич, подробно рассматривая сюжеты хосунных сказаний, отмечает общие для северных якутов-оленьководов характерные особенности этих эпических памятников. В монографии дается пересказ нескольких сказок, например, «Кээдэй», «Хамыкан», «Лиса и налим», «Лиса и медведь», которые

также имелись в репертуаре есеевских сказочников [Гурвич, 1977, с. 171–180]. В 1997 г. вышло замечательное издание местного учителя Е.А. Филиппова «Фольклор оленекских якутов» на якутском языке. В книгу вошли богатые материалы: олонхо, цикл рассказов об Урэн Хосуне, песни и сказки, рассказы и предания. В оленекских образцах обнаруживается немало близких параллелей из репертуара есеевских исполнителей. Таким образом, можно сказать, что публикации этого сборника в какой-то степени восполняют фольклор есеевских якутов [Филиппов, 1997].

Таким образом, Н.В. Емельянов в своем отчете о результатах экспедиции писал, что им записаны: 1) исторические предания и рассказы (всего на 47 с.): различные варианты предания о народности майааты (четыре варианта), Урэн Хосун (четыре варианта), о племяннике его Аблачакане, Тыгыне и др.; 2) сказки и рассказы на 82 с., всего 17 названий; 3) алгысы, песни и др. на 11 стр.; 4) пословицы и загадки на 5 с.; 5) олонхо, всего три названия: «Хотой Бёё» (в двух вариантах), «Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр» (один вариант), «Тиинг хонноох Тиигээнэй Бухатыыр» (два варианта) – 106 с.; 6) автобиография сказителей (М.И. Эспека, 64 года, Е.Х. Осогостока, 42 года). 7) этнографические записи – на 98 с. и одна общая тетрадь. Также сделаны около 90 фотоснимков и звукозапись «Урэн Хосуна» в исполнении Ботулу Христофора Саввича, на одной пленке (около 500 м) [РО. Ф. 5. Оп. 5. Ед. хр. 442, с. 4].

Привезенный с Есеея большой и добротный материал весьма высоко оценил Г.У. Эргис и предложил включить несколько образцов есеевских преданий в готовившееся в то время двухтомное издание «Исторические рассказы и предания якутов». В результате в академический сборник вошли четыре генеалогических рассказа есеевцев, собранных экспедицией. Это были рассказы, записанные от Х.Г. Чорду – «Поселение якутов на Есеее», от М.И. Эспек – «Маяты», от С.В. Осогостока – (һизэйкэ) – «Откуда прибыли есеевские якуты», от Ф.П. Чорду (Амба) – «Есеевцы в старину считали божеством птицу» [Исторические предания, 1960, ч. II. с. 75–81]. Позже, в другое двухтомное издание «Якутские сказки» были включены две сказки: «Саһылы кытта һыагаан» («Лиса и налим») и «Саһыл уол» («Парень-лис») есеевского исполнителя М.И. Эспека, также собранные Н.В. Емельяновым [Якутские сказки, 1964, т. I. с. 50–52, 58–62].

Кроме того в изданный в 1965 г. «Сборник якутских пословиц и поговорок» (сост. Н.В. Емельянов) вошли также некоторые ессейские материалы [Сборник..., 1965, с.13(2), 75, 81(2), 158(2)].

Фольклорное наследие ессейцев, записанное в 1959 г., более 40 лет хранилось в архиве ЯФ СО АН, затем ЯНЦ. Только в 2002 г. архивные материалы смогли увидеть свет благодаря инициативе собирателя материалов, доктора филологических наук Н.В. Емельянова. Он и предложил автору данной статьи подготовить рукопись к печати. Хотя, конечно, подбор материалов, структура сборника были сделаны самим собирателем. Работа была достаточно сложной. Прежде всего, материалы нужно было систематизировать, выполнить редакторскую работу, составить комментарии и указатель, но самой сложной была работа над текстами олонхо: их надо было перевести на стихотворную форму. Кроме того выполнена вся техническая работа по набору текста. Вступительную статью об ессейских якутах написал доктор филологических наук М.С. Воронкин. Много времени ушло и на хлопоты по изданию самого сборника. Книга вышла единственно благодаря поддержке Министерства по делам народов и федеративным отношениям Республики Саха (Якутия). Таким образом, в сборник вошел почти весь хранящийся фольклорный материал: три олонхо, два из них в разных вариантах, 16 сказок, 17 преданий и рассказов, а также несколько произведений малых жанров [Фольклор..., 2002].

К сожалению, сегодня в Есее практически не сохранилось фольклорное исполнительство, но это не значит, что память о славных традициях местного сказительства, предана забвению современным поколением ессейцев. В наше время трудно переоценить вклад того поколения собирателей уникального фольклора, который является своеобразным символом этнокультурного феномена локальной группы ессейских якутов. Благодаря их неустанным поискам, кропотливому труду и, бесспорно, исследовательскому таланту был собран бесценный духовный багаж, без которого невозможно представить богатейшее культурное наследие Есеея. Сегодня традиция академической науки в области изучения проблем этнолокальных групп находит свое про-

должение в современных исследованиях, направленных на ретроспективное изучение этноисторических процессов, а также особенностей современных условий их этнического развития.

Литература и источники

Воронкин М.С. Из наблюдений за говором ессейцев на Таймыре (по материалам диалектологической экспедиции 1964 г.) // Якутский филологический сборник. – Якутск, 1976. – С. 95–104.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М., 1977. – 248 с.

Долгих Б.О. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. – 1929. – № 2.

Долгих Б.О. Происхождение долган / Сибирский этнографический сборник. – М., 1963. – V. – С. 94–141.

Ефремов П.Е. Эпическое творчество северных якутов-оленьеводов: рукопись, 1980 // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Ед.хр. 185.

Ефремов П.Е. Долганское олонхо. – Якутск, 1984 – 132 с.

Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. / под ред. А.А. Попова. – М.; Л., 1960.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Якутск, 1992. – Т.1. – 753 с.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. – Якутск, 1971. – 149 с.

РО – Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Ед. хр. 185; Оп. 6. Ед. хр. 340; Оп. 5. Ед.хр. 442.

Саввинов А.И. Тус хоту Дьэһизэй сиригэр // Кыым. – 1989. – Олунньу 23 к.

Саввинов А.И. Ессейские якуты // Чолбон. – 1996. – №8. – На якут. яз.

Саввинов А.И. Фольклор ессейских якутов в записях Б.О. Долгих (по архивным материалам Красноярского краеведческого музея) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – №1(4).

Сборник якутских пословиц и поговорок / сост. Н.В. Емельянов. – Якутск, 1965. – 246 с.

Филиппов Е.А. Фольклор оленекских якутов. – Якутск, 1997. – 250 с. – На якут. яз.

Фольклор ессейских якутов / сост. Н.В. Емельянов, А.И. Саввинов. – Якутск, 2002. – 227 с. (на якут. яз.).

Якутские сказки: в 2-х т. / под ред. Г.У. Эргиса. – Якутск, 1964–1967.

A.I. Savvinov

The folklore of the Essene Yakuts: the history of collecting, studying and publishing

The article considers the main stages and events associated with the study of the folklore of the Essene Sakha – sub-ethnic groups of the Northern Yakut reindeer herders, locally living outside Yakutia. A brief description and analysis of the main local features of the traditional genres of folklore of the Essene Yakuts. It is noted the role of collectors, their contribution to the preservation and study of local folklore monuments of the samples.

Keywords: history, the Essene Yakuts, oral traditions, folklore genres, the Essene dialect, archival materials, field-work

УДК 82-133(=161.1) (157.56)

О.И. Чарина

Формы бытования эпических произведений русских старожилов Якутии*

В статье рассматриваются разные формы бытования эпических жанров, основанных на былинных традициях, с учетом различных степеней сохранности текстов. Былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче бытовали в Якутии в форме сказки. На Колыме и Индигирке, как и в Приленье, заметны лексические заимствования, которые отражаются не только в прозаических, но и в стихотворных текстах фольклора.

Ключевые слова: русский фольклор, былины, сказки, степень сохранности, особенности бытования, якутское влияние.

В Якутии в двух основных регионах бытования устной народной русской традиции – на Индигирке и Средней Лене – продолжают рассказывать былины, сказки, предания, легенды, былички, устные рассказы. Проблемой бытования былин в Русском Устье занимаются С.Н. Азбелев [ФРУ, 1986], Ю.И. Смирнов [РЭП, 1991], Л.Н. Скрыбыкина [Скрыбыкина, 1995] и др. На Нижней Индигирке зафиксировано бытование 37 сюжетов эпических произведений в 121 записи. Вопросы записи бытовавших на Средней Лене былин и героических сказок занимается Ю.И. Смирнов. Он указывает, что в бассейне рек Лена и Индигирка отмечено 15 эпических произведений в 23 записях [РЭП, 1991, с. 500].

Ю.И. Смирнов отмечает в комментариях к сборнику «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» в главе «Традиция в бассейне Лены и в верховьях Нижней Тунгуски» тех, кто записывал произведения устного народного творчества. Так, известно, что М.Г. Воскобойников зафиксировал от эвенков сказки про Илью Муромца

в 1960 г., Е.И. Шастина – в 1973 г., видимо, добавляет он, «книжного происхождения». В.Я. Шишков записал фрагменты былин «Молодость Василия Буслаевича» (№ 5) – единственный след бытования этой былины в Сибири, «Добрыня и Змей» (№ 12), «Алеша Попович и Тугарин» (№ 22). Эти заявления связаны с Верхней Леной [Там же].

Лишь в 1982 г. на Средней Лене Ю.И. Смирнов записал ритмизованные сказки об Илье Муромце [Там же, № 7, с. 167].

В районе Нижней Индигирки, как пишет Ю.И. Смирнов, русские обосновывались «по одиночке или мелкими группами. Общий фольклорный материал у них поэтому формировался постепенно, по мере установления тесных, зачастую родственных связей друг с другом. Их репертуар несомненно пополнялся и за счет кратковременных контактов с посещавшими их лицами» [Там же, с. 27]. Он отмечает преобладание фольклорных текстов, которые исполняли мужчины: былины и исторические песни. Записывали: исторические песни – В.М. Зензинов

*Статья написана на основе доклада, прочитанного на Втором Республиканском научно-практическом форуме «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» (4 декабря 2015 г., г. Якутск).

(1912); эпические песни и сказки – Д.Д. Травин (1926), эпические произведения – М.А. Кротов (1931), С.И. Боло (1941); в 1946 г. – Т.А. Шуб, Н.А. Габышев – под диктовку; И.С. Гурвич – в 1952 г.; В.И. Зоркин, В.Д. Осипов – в 1973 г.; Е.И. Шастина – в 1983 г.; Ю.И. Смирнов – в 1982 г.; Т.С. Шенталинская – в 1985 г. [Там же, с. 21–32].

В рамках сибиряковской историко-этнографической экспедиции 1894–1896 гг. Д.И. Меликов записал былины про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтьевич») и Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье») [Чарина, 2013, с. 428–431, 435–436].

Современная фольклористика в последнее время внимательно рассматривает устное народное творчество русского народа в иноэтническом окружении. И, не затрагивая многих аспектов, которые связаны с изучением локальной устной традиции, мы в данном случае попытаемся указать на те взаимосвязи, которые возникают у рассказчика и слушателей на основе билингвизма, существующего в Якутии среди индигирского и приленского старожильческого населения и отразившегося в их фольклоре.

Ясно, что Якутии, как в одной традиции (на Колыме и Индигирке), так и в другой (в Приленье), особенности лексической стороны связаны с употреблением якутизмов, которые понятны местным слушателям. Но во втором случае (на Лене) рассказчик вынужден некоторые слова объяснять в силу того, что в ряде деревень (станков) слушатели вообще не владеют вторым языком: одни – только русским, другие – только якутским.

Существует несколько степеней сохранности фольклорного текста. Так, прозаический текст – это пример утраты жанра былины. Сначала имеется полный текст фольклорного произведения со всеми известными по разным вариантам мотивами, затем по шкале утраты текста: утрата некоторых мотивов и образов; утрата большинства текста с перестановкой мотивов, появлением явления контаминации; утрата основного смысла повествования, возможны краткие пересказы произведения, необоснованные контаминации текстов [Чарина, 1997, с. 15].

Указанные выше былины имеют сходный сюжет: богатырь взрослеет и совершает первый подвиг. Исход былин различен.

Так, былина об Илье Муромце в момент его вступления на богатырский путь – это «Исцеле-

ние Ильи Муромца». Илья Муромец до 30 лет (33 лет) пролежал дома на печи. Когда пришли три странника, он дополз до воды, напоил их. «Они дали ему ковшик с водой, он стал ходить. Он пришел на поле, где родители жали хлеб. Сын тайно убрал у них с дороги дуб, который им мешал на пашне» [РЭП, 1991, № 7]. Былина рассказана как сказка в прозе.

В этом же ключе рассмотрим былинку о Мишеньке Даниловиче, входящую в новый корпус фольклорных произведений, которые в конце XIX в. записал Д.И. Меликов на Колыме:

Подступила под град сила великая,
Сорок царей, сорок царевичей,
Еще сорок королей, сорок королевичей,
И что под каждым царем, под каждым царевичем,
Да и под каждым королем, каждым королевичем
Войско по три тьмы и по три тысячи,
А что под самим-то Титом Харафонтьевичем
Силы той и счету нет.
Как и хвалится Тит, похваляется,
Как над славным царством поглумляется
[Чарина, 2013, с. 428–431].

Произведение насчитывает 163 стиха.

Былина о Мишеньке Даниловиче (это также варианты о Даниле Игнатъевиче и Тите Харафонтьевиче) фиксировалась на Нижней Колыме и на Индигирке [РЭП, 1991, № 50–59]. Почти все тесты вариантов приводятся по сборнику «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока». Можно предположить по сюжету, образам, что В.Г. Богораз записал былинку от М. Соковикова, а запись Д.И. Меликова произведена от другого лица. Вместе с тем видно, что М.Г. Решетников и И.Г. Гуляев исполняют свои варианты былины в рамках этой общей традиции.

Однако на Колыме и Индигирке зафиксированы разные варианты исполнения этой былины. Так, Ю.И. Смирнов пишет: «Примечательно, что в индигирских вариантах нет и следа киевизации. Их эпическое время и место действия условны: действие происходит в Иерусалимском царстве, в пору правления царя Тимофея, вражеский предводитель назван Титом Ферапонтвичем, правда, с уточнением что он – “Тита брата зверь” (Китоврас-зверь), в чем усматривается влияние письменного сказания о Соломоне и Китоврасе» [РЭП, 1991, с. 387].

Заметно, что на Индигирке образ Тита предстает без отчества, а на Колыме он – Тит

Харафонтьевич (Хорохонтъевич). В индигирских вариантах былины князь (царь) – Тимофей, в колымских – князь Владимир. В варианте № 56 наличествует путаница, связанная с тем, что вначале речь идет о царе Тимофее, а затем одним из главных действующих лиц становится «князь Врэдимир» [Там же, № 59]. Мишенька Данилович погибает от неоправданной «похвальбы» его отца.

В колымских вариантах появляются Апраксея или Дусечка Апраксевна [Там же, № 57, 58]; Олеша Попович, Добрыня Игнатьевич [Там же, № 59]. Важным является тот факт, что в целом и в колымской, и в индигирской традиции развит мотив горя отца, несвоевременно похвалившегося своим сыном и потерявшего его. Не во всех вариантах отражен мотив самоубийства отца – Данилы Игнатьевича, а в варианте, записанном Д.И. Меликовым, этот мотив смазан, хотя сказано, что отец умер от горя:

Запирался он тут на моленьце,
На моленьце большое-долгим долгое,
Он и людям уже больше не показывался,
Богу он тут так представился.

Заметно, что со временем вариативность ведет к укорочению сюжетов, переходу от стихотворного повествования к прозаическому, а после 80-х гг. XX в. былины не фиксировались. Т.е. по шкале утраты текста: утрата большинства текста с перестановкой мотивов, появлением явления контаминации.

Знаменита былина про богатыря Добрыню Никитича, которую у Меликова мы видим в следующей записи:

Оставалось у Никиты все житье-бытье,
Ну, житье-бытье осталось и имение.
Имение осталось, мало детище
По имени Добрынюшко Никитъевич.
Как стал Добрынюшко на возрасте,
Тут не белая береза к земле кланяется,
Не шелковая трава в поле устилается,
Кланяется родной сын перед матерью:
«Дай мне, матушка, благословение,
Ну, пойду я стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых уток.
Хоть дашь, пойду, и не дашь – пойду»
[Чарина, 2013, с. 435–436].

Данная запись насчитывает 35 стихов. Эта былина зафиксирована на Колыме и Индигирке, ее варианты приведены в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [РЭП, 1991, № 13–19]. Причем на Колыме зафиксирова-

на только одна версия – № 19 в 1895 г. от М. Соковикова В.Г. Богоразом. Эти варианты былины вызывают чувства грусти и нежности, поскольку мать Добрыни, как и отец Михайлушки, показаны как любящие и заботливые родители. Представлена запись этой былины и Д.Д. Травиным [Там же, № 13], сделанная от Н.Г. Чихачева в 1928 г.

Также Ю.И. Смирнов записал вариант от Е.С. Киселева в 1982 г. Это уже совершенно спутанный вариант, где вначале говорится о Михайлушке, а далее о взрослении Добрыни. Данная былина утрачивалась быстрее: терялся основной смысл повествования, имели место краткие переписки произведения, необоснованные контаминации текстов.

Так, при сравнении различных школ сказывания в Русском Устье, где преобладают потомственные семейные традиции, и в бассейне р. Лена, где о школе говорить не приходится, видно, что сказитель или рассказчик не всегда являлись представителями одного рода; что сам характер сказывания различен, так как он связан с настроением на разные аудитории. Тем сложнее проникновение якутизмов в традиционные жанры, в частности, в былины и героические сказки.

При ближайшем рассмотрении видно, что характер воздействия фольклора и языка различен, и на Индигирке он связан больше с лексическими заимствованиями (хотя и незначительными), а в Приленье – с грамматическим влиянием. Ряд важнейших наблюдений сделан в статье «Характер билингвизма в русских фольклорных текстах в Якутии» [Чарина, 2015, с. 86–91].

Так, былины о Мишеньке Даниловиче [ФРУ, 1986, № 97, 103–106; РЭП, 1991, № 50–59; Чарина, 2013, с. 435–436] и Добрыне Никитиче [ФРУ, 1986, № 94–96, 98; РЭП, 1991, № 13–19; Чарина, 2013, с. 428–431] не имеют лексических изменений.

Былину об исцелении Ильи Муромца в Приленье знал известный сказитель и исполнитель песен Ф.Е. Седых. Так, он рассказывал эпизод, где Святогор просит Муромца разбить гроб при помощи колотушки: «В ём разбей крышку; получилась обруч, железная обручей забила; по правой дороге *поедешь* – там звери, что ли, съедят его; а по леву сторону *поедет* – то, значит, он погибнет; а по прямой дороге *поедет*, он попадется Соловью-свистуну; стрелил этого свистуна; в седле завязанный как-то чучело» [РЭП, 1991, № 167]. В последнем примере мы видим применение в одной связке мужского, женского и среднего родов.

Так, Ю.И. Смирнов, рассматривая данное произведение, сообщает об исполнителе: «Когда Ф.Е. Седых истощился на песни, а расспросы собирателя по песенным сюжетам оказались уже совсем праздными, он вдруг сам, забыв о том, что рассказывал за несколько часов перед этим, вернулся к Илье Муромцу и принялся снова о нем рассказывать, как обычно, медленно, четко разделяя слова. Собиратель не стал его останавливать в надежде сделать повторную запись или услышать продолжение. Надежда оправдалась. На это раз текст Ф.Е. Седых (ср. выше № 7) получил вид контаминации сюжетов “Исцеление Ильи”, “Илья и Святогор”, “Илья и Соловей-разбойник”, в завершение которой рассказчик попытался вспомнить сюжет типа “Илья и Калинцарь”, но не смог» [Там же, 1991, с. 421–422].

Неслучайно сам Ф.Е. Седых замечает: «Даже сам некоторых русских слов не понимаю. Я с малолетства больше по-якутски. Отец-мать больше по-якутски. Русское слово плохо обладали (!). Чисто по-русски не умеем говорить». «И в его текстах действительно встречаются ошибки в ударении, в падежных окончаниях и фразеологизмах» [Там же, с. 423–425].

На Колыме и Индигирке в былинах о Добрыне Никитиче и Мишеньке Даниловиче практически нет лексических заимствований из языков соседних народов. В Русском Устье фиксировалась сказка о «Трех богатырях» с показательным заимствованием образов и лексики из якутского языка [Там же, № 171]. Это фольклорное произведение «Три богатыря» записал Н.А. Габьшев, исполнил С.П. Киселев. Сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны. Е.И. Шастина полагала, что она заимствована у якутов. Ю.И. Смирнов не согласен, он пишет, что в данном случае композиция редкая в русской и якутской традиции: рассказ в рассказе, и считает, что якутские параллели, «якутский текст – скорее не источник, а стяженная копия с оригинала, каким является индигирская сказка» [Якутские сказки, 1967, с. 238]. В целом эта богатырская сказка имеет некоторые связи с сюжетами, которые повествуют о богатырях Святогоре, Илье Муромце и других.

Язык приленских русских – здешних русских, отличается тем, что имеет в основе своей якутский язык, но при этом ряд русских лексем в фольклорных текстах подчиняется правилам якутской грамматики. В фольклорном произведении «Сказка про мужика» («Дурак сибиряк»)

[РЭП, 1991, № 172] в записи Ю.И. Смирнова есть фраза: «Ну цар сказал: “Подьте принесите осилкиново лучок”. Пошли принесли осилкиново лучок: семеро несут его... <Старик>: “Ну, – говорит, какой же тебя лук устроит? У меня, – говорит, – есть халгычка”... Мужик не может сломать “халгычку”». На вопрос Ю.И. Смирнова что это слово означает, «жители Полярного полагают, что “халгычка” – по-эвенски или по-юкагирски” лубой лук» [Там же, № 172; с. 426].

В этой богатырской сказке также отражается единичный пример топонима «тундра»: «Учувствовался – ляжу где-то (в) тундре, озеро, на озере пень, такой, на пеню кукушка кукует» [Там же, № 172].

Таким образом, былины в Приленье широко не бытовали, зафиксированы они с утратой большей части текста, с перестановкой мотивов, появлением контаминации. После Ф.Е. Седых (80-е гг. XX в.) никто не исполнял эти произведения. Жанр утратился сразу.

В целом, к 80-м гг. XX в. сказительская школа и бытование былин на северо-востоке Якутии утрачивались постепенно, а сказки на основе былин в Приленье бытовали единично, при фиксации текст произведений показывал, что они практически утрачены.

Мы видим в индигирских былинах крайне бедное лексическое заимствование, которое чаще отражается в других жанрах, например, в частушках, песнях, устных рассказах, где появляется в основном лексика якутов, эвенов, юкагиров.

Также, как показывают примеры использования двуязычия в былинах, оно выполняет роль приема, который направлен на то, чтобы вовлечь в процесс сказывания собеседника, также в тех случаях, когда невозможно не произнести слово на другом языке. Второй факт зачастую связан не только с первоначальным значением слова, но и с тем, что в якутском языке эти слова являются условными знаками, связанными с мировоззрением, которое также усваивается пришельцами.

Литература

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сб. ОРЯС. – Спб., 1901.

РЭП – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. –

Новосибирск, 1991. – 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Скрыбыкина Л.Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск, 1995.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. – Л., 1986.

Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д.И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. – Вып. 8. (ИРЛИ). – Спб., 2013. – С. 110–114.

Чарина О.И. Русские свадебные песни Воронежской области: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.09. – Улан-Удэ, 1997. – 18 с.

Чарина О.И. Характер билингвизма в русских фольклорных текстах в Якутии // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 7. – С. 8–91.

Якутские сказки / изд. подгот Г.У. Эргис. – Якутск, 1967. – Т.2. – 238 с.

O.I. Charina

Forms of the existing of the epic works of the Russian old residents of Yakutia

The article different forms of an existing of the epic genres based on epic traditions taking into account different degrees of safety of texts are considered. Bylinas about Ilya Muromets and Dobrynya Nikitich occurred in Yakutia in the form of the fairy tale. On Kolyma and Indigirka, as well as in Prilenye, lexical loans which are reflected not only in prosaic, but also in poetic texts of folklore are noticeable.

Keywords: Russian folklore, bylinas, fairy tales, degree of safety, feature of an existing, Yakut influence

УДК 398.21 (571.56)

Н.В. Павлова

Сказочный репертуар Д.А. Томской*

Рассматривается весь имеющийся на сегодняшний день сказочный репертуар известной сказительницы из Верхоянского района Д.А. Томской. Статья является первым опытом обзора и исследования сказочного репертуара олонхосута. Отдельные мотивы каждой сказки классифицируются по указателю сказочных сюжетов А. Аарне–С. Томпсона и сюжетов якутских сказок Г.У. Эргиса.

Ключевые слова: сказка, сюжет, текст, тип, волшебная сказка, бытовая сказка, сказительница, указатель.

Известная якутская сказительница Дарья Андреевна Томская из Верхоянского района, как и все олонхосуты, умела исполнять и другие жанры устного народного творчества. Богатый репертуар верхоянской сказительницы осветил В.В. Илларионов во вступительной статье к мультимедийному изданию олонхо Д.А. Томской «Ючюгэй Юдьюгюэн, Кусаган Ходжугур» [Томская, 2011, с. 5–39]. По сведению ученого, эпическое наследие было передано ей от родных и близких людей старшего поколения: ее матери Авдотьи, родственницы Александры Томской, дяди Мартына Бурцева, Е.Р. Горохова-Сытыкыя и А.Н. Горохова [Там же]. Помимо олонхо от нее записаны несколько якутских сказок. Так, например, В.В. Илларионов

в 1985 г. записал от нее сказки «Старушка Ньыы-Ньыы» («Ньыы-Ньыы эмээхсин») [Илларионов, РО], «Шалун Шалунишка» («Мэник-Мэнигийээн») [Илларионов], «Оногостоон Чуокаан и Олоон Долоон» («Оногостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки)») [Илларионов], в 1986 г. – сказку «Солдат Торголдун, который не наедался в течение девяти лет» («Тобус сыл тоххору топпот Торбодьун Саллаат») [Илларионов, РО], а в 1987 г. – сказку «Славный Юджиян» («Үчүгэй Үдүйэн») [Илларионов].

В 1999 г. научными сотрудниками отдела олонхо ИГИ АН РС (Я) С.Д. Мухоплевой, Е.А. Леонтьевой и оператором ЯГУ им. М.К. Аммосова С.С. Степановой записаны сказки «Өркөстөөн

*Статья написана на основе доклада, прочитанного на Втором Республиканском научно-практическом форуме «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке» (4 декабря 2015 г., г. Якутск).

© Н.В. Павлова, 2016

оҕонньор» («Старик Ёркөстөн»), «Прыгун Дыба» («Дыба Кылыһыт»), «Царевна-лягушка» («Баҕа Сарыабына»). Данные сказки хранятся в аудиовизуальном архиве сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН и в фондах Государственного национального хранилища кинодокументов о Республике Саха (Якутия) [Мухоплева].

В 2002 и 2005 гг. внучка сказительницы и сказочницы Е.И. Бурцева записала на магнитоленту четыре сказки: «Зачинщик злоключений Оногосчой Бэргэн» («Оһол төрүүт төрдө Оноҕосчой Бэргэн»), «Прыгун Дыба» («Дыба Кылыһыт»), «Старушка Ньыы-Ньыы» («Ньыы-Ньыы эмээхсин»), «Старик Ёркөстөн» («Өкөстөөн оҕонньор»). Эти сказки являются вариантами ранних сказок Д.А. Томской, аудиозаписи которых находятся у Е.И. Бурцевой [Бурцева].

В сборник воспоминаний и статей вошли самозаписи сказки Е.А. Сивцевой, в 1965–1967 гг. услышанные ею от самой Д.А. Томской [Дьяангы, 2013, с. 98–106]. В сборник включены в качестве приложения четыре сказки: «Дитя коровы Куна Бэрэпис» («Ынах оҕото Куна Бэрэппиис») [Там же, с. 98–100], «Старик Ёркөстөн с тремя дочерьми» («Үс кыыстаах Өкөстөөн оҕонньор») [Там же, с. 101–102], «Бедный крестьянин с быком Вошкой, достигающим облака» («Былыкка тийэр Быт оҕустаах дьаданы бааһынай») [Там же, с. 102–103], «Старик со старухой Огуруо бытык» («Обуруо, бытык оҕонньордоох эмээхсин») [Там же, с. 103–106].

Составители тома ЯНС верно отметили важную особенность манеры исполнения сказочницы, а также выявили, что речь сказочных персонажей иногда передается ею пением [ЯНС, 2008, с. 387].

Варианты сказки «Старушка Ньыы-Ньыы» («Ньыы-Ньыы эмээхсин») записаны В.В. Илларионовым от Д.А. Томской в 1985 г. [Илларионов, РО] и Е.И. Бурцевой в 2005 г. [Бурцева]. В 2008 г. текст, записанный В.В. Илларионовым, был издан в томе ЯНС [ЯНС, 2008, с. 176–185]. По указателю типов сказочных сюжетов А. Аарне–С. Томпсона (далее – АТ) соответствует сюжетам АТ 2028 «Глиняный парень» и АТ 333 В, по указателю сюжетов якутской сказки (далее – СЯС) – № 80, 81, 87 и имеет восемь вариантов. Несмотря на разные названия, все эти сказки содержат общий сюжет: «1. Алаа Монгус обижал своих соседей, отбирал у них

еду, скот, охотничью добычу, наконец, захотел съесть их самих. Соседи решили отомстить ему. 2. Они устроили ловушки: положили у входа скользкий камень, в горячую золу зарыли утиные яйца, в кадку с водой пустили щуку, в лавку забили гвозди острием вверх, на крышу дома за тащили тяжелый камень. Сами хозяйева запрятались. 3. Приходит Монгус, падает на камень и ломает свои ребра, от лопнувших яиц слепнет, щука откусывает ему пальцы, о гвозди он поранил задницу, при выходе из дома его приканчивает упавший камень. Убив Монгуса, соседи забирают его богатства» [ЯС, 1967, с. 176]. Если в нескольких вариантах сказка заканчивается смертью Алаа Монгуса, то в вариантах Д.А. Томской скот и дети героя остаются живыми. Старушка Ньыы-Ньыы, убив Монгуса, из большого пальца чудесного противника вытаскивает свое богатство и детей.

Варианты сказок «Оногостоон Чуохаан и Олоон Толоон» («Оноҕостоон Чуокаан икки Олоон Долоон (икки)») записаны В.В. Илларионовым от Д.А. Томской в 1985 г. [Илларионов] и Е.И. Бурцевой в 2005 г. [Бурцева]. В томе ЯНС опубликован вариант текста И.А. Худякова. В комментариях к данному изданию составителями рассмотрены дополнительно семь вариантов. Следует согласиться с мнением составителей тома, что «от первой фиксации до последней записи почти в течение одного века, основная сюжетная канва сказки сохранилась без существенных изменений» [ЯНС, 2008, с. 406]. По указателю АТ отдельный мотив соответствует типу АТ 1537 «Мертвое тело», а по указателю СЯС – № 288 «Оногостоон Чуохаан и Олоон Толоон», где основным мотивом является убийство байского сына и шаманки [ЯС, 1967, с. 239].

Сказка «Старик Ёркөстөн» («Өкөстөөн оҕонньор») записана от Д.А. Томской в 2002 г. Е.И. Бурцевой [Бурцева]. Текст с аудиокассеты расшифровала в 2013 г. М.А. Стручкова. Помимо этого есть самозапись Е.А. Сивцевой «Старик Ёркөстөн с тремя дочерьми» («Үс кыыстаах Өкөстөөн оҕонньор»), которая была издана в 2013 г. в сборнике статей и воспоминаний «Дьяангы – олонхо төрүт уус дойдута» [2013]. Однако эти сказки по сюжету совсем не похожи, хотя Е.А. Сивцева переняла эту сказку со слов Д.А. Томской в 2005 г. [Там же, с. 101–102]. В сказке Д.А. Томской рассказывается о старике Ёркөстөн, у которого есть четыре женщины: «Саха

кыһа сарыссалаах, омул кыһа ойохтоох, абааһы кыһа арыалдыттаах, ньуучча кыһа ньаһыркалаах...» / «Девушку саха царицу, жену-иностранку, девушку-абаасы как сопровождающую, русскую девушку-прислужницу имеющий...». У старика Ёкёстён от каждой женщины рождаются сыновья. Русская девушка-прислужница пишет от имени царя каверзное письмо, в результате чего остальные три женщины получают увечья от старика Ёкёстён. Женщины обижаются, проклинают его. Герой уходит на войну по приказу царя. Вернувшись с войны, старик Ёкёстён видит, что сыновья повзрослели. Сыновья русской женщины-прислужницы и женщины-абаасы нападают на сына жены-иностранки, за него заступает сын женщины саха. Сын женщины-саха, убив старика отца и двоих женщин с сыновьями, пишет об этом царю. Царь отправляет войска. Брата просит охранять матерей и отправляет далеко за горами с целью уберечь их от войск царя. Победив войска царя, герой приходит к царю. За убийство многих людей его сажают в тюрьму. После трех лет заточения царь добровольно отдает герою свою корону. Герой становится царем [Бурцева]. Сказка называется по имени отца героя. По сюжету её можно отнести к волшебным сказкам, так как герой наделен чудесной богатырской силой и побеждает войска царя. По указателю АТ отдельный мотив можно соотносить к сюжетным типам АТ 510 «Золушка» и АТ № 707 «Чудесные дети», по указателю СЯС частично – к сюжету № 221.

В самозаписи сказки «Старик Ёкёстён с тремя дочерьми» («Үс кыстаах Өкөстөөн оҕонньор») Е.А. Сивцевой старик Ёкёстён вместо трех жен имеет трех дочерей, к которым сватаются богатыри. Однако богатыри не доплывают до берега, тонут из-за злодеяний и коварных умыслов женщины-абаасы. Третий богатырь побеждает женщину-абаасы, с помощью живой воды оживляет двух богатырей. Три богатыря женятся на дочерях старика Ёкёстён. По указателю АТ отдельный мотив можно отнести также к АТ 300 «Победитель змея» из разряда волшебного-героических сказок змеборческого типа.

Вариант сказки «Старик и старуха Огуруо Бытык» («Обуруо Бытык оҕонньордоох эмэ-эхсин») от самой сказительницы, к сожалению, не зафиксирован. Однако эту сказку услышала от Д.А. Томской и произвела самозапись её сестра

Е.А. Сивцева в 1967 г. [Дьяангы, 2013, с. 103–106]. Данный сюжет по указателю СЯС соответствует сюжету № 127 «Старик Ойуу Бичик и старуха Огуруо Бичик» [ЯС, 1967, с. 190]. По международному указателю типов фольклорной сказки отдельный мотив соответствует типу АТ № 313 «Чудесное бегство». В сказке рассказывается о старике, который вынужденно отправляет своих детей к чудовищу. Их поочередно пытаются спасти бык и конь, но девка-абаасы догоняет и возвращает их. В третий раз их спасает олень. Когда девка-абаасы стала догонять их, они бросили гребень – вырос лес, бросили иглу – выросла железная стена, бросили шелковый платок – появилась река, они перебрались на другой берег и убежали от девки-абаасы. Олень перед смертью завещает им бросить по четыре ребра его со словами: будь домом, будь амбаром, голова – печью, легкие – сторожевой собакой, сердце и печень – волками. Когда брат был на охоте, к ним пришел абаасы, и сестра спрятала его сперва в рукавице, потом в шапке и постелила постель для брата, под которой была яма, где сидел абаасы. Брат за предательство убил сестру и пошел, куда глаза глядят. К данному сюжету добавляется сюжет АТ 301 «Три подземных царства». В варианте сказки Е.А. Сивцевой вместо оленя детей спасает бык. Также в данном тексте брат не убивает сестру, встречает царскую дочь, которая находилась в плену у чудовища. С помощью собаки и медведя герой одолевает трехголового змея. Сестра все-таки убивает брата, подложив зубы абаасы под его подушку. Его опять же во второй раз спасают и оживляют собаки. Коварную сестру привязывают к хвосту коня [Дьяангы, 2013, с. 103–106]. Таким образом, к варианту Е.А. Сивцевой можно дополнительно отнести сюжет АТ 300 «Победитель змея».

Сказку «Солдат Торголджун, который не наедался в течение девяти лет» («Тоҕус сыл тоххору топпот Торҕолдьун Саллаат») записал В.В. Илларионов в 1986 г. от Д.А. Томской [Илларионов, РО]. В сказке рассказывается про солдата по имени Торголджун, который все время не наедается. Работает на богача, попа, царя за еду, но все равно остается голодным. В поисках пищи идет дальше. Находит большую листовницу, на которой есть гнездо с птенцами Ексею. Превратившись в ураганный ветер, забирается на дерево. Съедает их запас и остается голодным. Поджидает мать птенцов, чтобы и ее съесть, однако

Ексею сама съедает ненасытного солдата Торголджуна. Сказка заканчивается словами: «Өксөкүнү кыайбыт дин суох» / «Нет победившего птицу Ексею». По указателям СЯС и АТ подходящего сюжета не обнаружили.

Сказка «**Дитя коровы Куна Бэрэпис**» («**Ынах оҕото Куна Бэрэпиис**») также записана от Д.А. Томской. В 1965 г. Е.А. Сивцева услышала данную сказку от неё, записала и тем самым увековечила некоторые сюжеты из сказочного репертуара известной сказительницы [Дьяангы, 2013, с. 98–100]. В сказке царь и царица никак не могут родить наследника. По совету одного старика съедают золотую рыбу, угощают стряпуху и некоторую часть отдают старой корове. Через девять месяцев царица, стряпуха и корова рожают сыновей – Ивана царевича, Бэриэт Бэргэнэ и Коровьего сына Куна Бэрэпис. Сыновья чудесным образом взрослеют. Нечаянно уплывают по морю, блуждают. Заходят в один балаган, кушают. Приходит трехголовый абаасы, угощает парней. Коровий сын Куна Бэрэпис отрубает три головы абаасы. На следующий день приходит другое чудовище. Куна Бэрэпис тоже справляется с ним. На третий день это действие повторяется. Взяв богатство трех чудовищ, братья собираются отплывать. Куна Бэрэпис, превратившись в железную крысу, заходит в балаган, чтобы забрать оставленную вещь. Подслушивает разговор старухи-абаасы (матери трех убитых богатырей-абаасы) со своими невестками, которые жаждут мести и хотят их умертвить. Заранее узнав о всех подготовленных ловушках, Куна Бэрэпис устраняет всех чудесных противниц. Добравшись до дома, герои собираются жениться. Бросают в сторону солнца свои ключницы. Иван царевич женится на дочери генерала, Бэриэт Бэргэн берет в жены поповскую дочь, а Куна Бэрэпис находит свою суженую в другом месте. Однако брата невесты похитил абаасы. Куна Бэрэпис собирается в путь, чтобы спасти брата своей невесты. По пути спасает птенцов ворона. Ворон в знак благодарности дарит герою живую воду. Находит лестницу, которая ведет в нижний мир. Заходит в железный дом, в котором живет огромное чудовище. Хозяин предлагает герою спать на железной кровати. Герой отказывается, просит абаасы показать, как на нее ложиться. Герой убивает абаасы. Под кроватью находит яму, в которой лежат умирающие богатыри. Куна Бэрэ-

пис всех спасает, оживляет с помощью живой воды. Родители невесты отдают все свое богатство, которое Куна Бэрэпис помещает в маленькую сумку. Добираются до дому. Живут богато и счастливо [Дьяангы, 2013, с. 98–100]. Мотив чудесного рождения героя соответствует сюжетному типу АТ 707 «Чудесные дети». По указателю СЯС отдельные мотивы присутствуют в сюжетах № 186–191, в которых зачатие героя связано с поеданием рыбы и рождением героя от коровы.

Сказка «**Бедный крестьянин с быком Вошкой, достигающим облака**» («**Былыкка тийэр Быт оҕустаах дьадагы бааһынай**») известна нам тоже по самозаписи Е.А. Сивцевой, которая услышала её от Д.А. Томской в 1965 г. [Дьяангы, 2013, с. 102–103]. В сказке бедный крестьянин забивает быка Вошку, который достигал облака. Завистливые сыновья богатого соседа решают забрать мясо быка. Крестьянин хитрит, отдает им прутья, говоря: «Если ударить им посуду, появляется жирное мясо». Однако они узнают, что обманул их старик. Опять идут к нему. На этот раз старик повязывает на шею жены мочевой пузырь с кровью. Инсценирует смерть жены и чудесное оживление с помощью прутика. Сыновья соседа просят у старика прутик, тот отдает. С помощью прутика хотят оживить убитых жен, но не могут. Затем, рассердившись на старика, собираются утопить его в проруби. Старик хитростью убегает от них, оставив вместо себя другого. Обнаружив его живым, они удивились. Старик рассказывает, что под водой много богатств. Советует соседям прыгнуть в прорубь. Тем самым герой избавляется от своих врагов [Там же, с. 102–103]. Данный вариант относится к группе бытовых сказок. По указателю АТ отдельные мотивы соответствуют сюжетным типам № 1535 «Дорогая кожа» и 1539 «Шут». По указателю СЯС данный сюжет следует соотносить с сюжетом № 289 «Шут обманщик в сером зипуне» [ЯС, 1967, с. 240].

Вариант сказки «**Прыгун Дыба**» («**Дыба Кылыһыт**») Е.И. Бурцева записала от Д.А. Томской в 2003 г. Сама сказительница в детстве услышала эту сказку от дяди Мартына Антоновича Бурцева. Текст с аудиокассеты расшифровала в 2013 г. М.А. Стручкова. В сказке рассказывается про бедного крестьянина по имени Прыгун Дыба, у которого есть красавица жена по имени Кюн Куолусут и конь. Богатые соседи хотят похитить жену-красавицу, убив героя. Прыгун

Дыба вкладывает в задний проход кобылы золотые монеты, которая, когда ее ударяют, выбрасывает их, и соседи также дорого покупают эту кобылу. Соседи вторично идут к герою, чтобы отомстить ему. Герой, покрасив ногти, начинает раскапывать свои ранее закопанные деньги. Соседи удивляются и тоже просят, чтобы Прыгун Дыба за деньги покрасил им ногти. Однако старики умирают с голоду, раскапывая руками горы. Приходят сыновья стариков, чтобы отомстить. Им герой советует прыгнуть в прорубь за женщинами. Те слушаются его. Тем самым Прыгун Дыба освобождается от своих преследователей [Бурцева]. Данный текст относится также к группе бытовых сказок. По указателю АТ отдельные мотивы можно сравнить с типом АТ № 1539 «Шут», по указателю СЯС – № 289 [ЯС, 1967, с. 240].

Мы рассмотрели лишь некоторые сказки, записанные в разные годы и перенятые от известной сказительницы, так как, к сожалению, не все сказочные тексты Д.А. Томской находятся в оцифрованном и расшифрованном варианте. Из девяти рассмотренных текстов из сказочного репертуара Д.А. Томской шесть сказок относятся к волшебным сказкам, а остальные три – к группе бытовых сказок. Сюжетов, относящихся к группе сказок о животных, мы не обнаружили. Следует отметить, что сказочный репертуар известной сказительницы богат чудесными сюжетами, которыми насыщены волшебные сказки.

Источники и литература

АТ – The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen (FFC No 3). Translated and enlarged by Stith Thompson. – Helsinki, 1961 (FFC No 184).

Бурцева – Расшифрованные тексты М.А. Стручковой с аудиокассеты, записанные от Д.А. Томской Е.И. Бурцевой // Из личного архива Е.И. Бурцевой

Дьяаны – Дьяаны – олонхо төрүт уус дойдута. Ахтылар, ыстатыйалар, хомуурунньуктар. – Дьокуускай, 2013. – 112 с.

Илларионов – Якутские сказки, записанные В.В. Илларионовым // Личный архив В.В. Илларионова Илларионов, РО – Якутские сказки, записанные В.В. Илларионовым в 1986–1987 гг. // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф.5. Оп.13. Ед.286.

Мухоплева – Якутские сказки, записанные С.Д. Мухоплевой, Е.А. Леонтьевой, С.С. Степановой от Д.А. Томской в 1999 г. // Аудиовизуальный архив сектора якутского фольклора ИГиИПМНС СО РАН.

СЯС – Г.У. Эргис. Сюжеты якутских сказок // Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – Т. 2. – С. 159–266.

Томская Д.А. Ючюгэй Юдьюгэйэн, Кусаган Ходжугур / сост. В.В. Илларионов, В.С. Никифорова. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2011. – 376 с.

Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – Т. 1. – 309 с.

Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – Т. 2. – 284 с.

ЯНС – Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева и др. – Новосибирск: Наука, 2008. – 462 с.; ил.+компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 27).

N.V. Pavlova

Fairy repertoire of D.A. Tomskaya

This article discusses all known fairy repertoire of the famous storyteller from the Verkhoiansk district of D.A. Tomskaya. This paper is the first experience of the review and study of fairy repertoire of Olonkho teller. The individual motives of each fairy tale are classified by the sign of fairy stories by A. Aarne – S. Thompson and stories of the Yakut fairy tales by G.U. Ergis.

Keywords: fairy tale, story, text, type, household tale, a storyteller, index

ИНФОРМАЦИЯ

С.Д. Мухоплева, Н.А. Оросина

Второй Республиканский научно-практический форум «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке»

4 декабря 2015 г. в г. Якутске в рамках Декады Олонхо Республики Саха (Якутия) состоялся Второй республиканский научно-практический форум «Олонхо и олонхосуты: проблемы бытования и ревитализации в XXI веке». На форуме обсуждались актуальные проблемы сохранения и ревитализации эпической традиции в современных социокультурных условиях, рассматривались вопросы, касающиеся личности олонхосута, возрождения эпической среды, правового регулирования эпического наследия. Якутская общественность к вопросам современного эпи-

ческого наследия и фольклорному движению проявляет возрастающий интерес. Особый интерес вызывают «сюрпризы», преподносимые нам эпической традицией, которая не собирается «исчезнуть», демонстрируя изумительные запасы жизненных сил [Функ, 2013]. Вопросы современного состояния эпоса и эпической традиции народов Сибири привлекают все большее внимание специалистов разных областей научного знания. При этом их позиции в оценке состояния и перспектив развития эпического наследия по многим параметрам не совпадают. Фольклористы,

Участники форума

наблюдающие за устным текстом сказителей, склонны отстаивать тезис о разрушении эпической традиции и угасании жанра героических сказаний в современных условиях [Арбачакова, Кузьмина, 2014; Мухоплева, 2015]. Этнографы и культурологи, рассматривая вопрос в контексте теоретической проблемы культурных традиций, а также в междисциплинарном культурологическом аспекте, более оптимистичны в своих прогнозах [Функ, 2013; Попова, 2015].

Научное мероприятие организовали Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Центр духовной культуры «Дом Арчы». Форум был проведен под руководством С.Д. Мухоплевой в диалоговом режиме в целях привлечения интереса публики к дискуссии. Секретарем работала Н.А. Оросина. Участник диалога должен был построить свое выступление как конкретный ответ на один из следующих вопросов: 1) кого можно назвать олонхосутом в современных социокультурных условиях; 2) должен ли иметь современный олонхосут в своем репертуаре произведения других жанров фольклора; 3) кем являются олонхосуты советского и постсоветского периодов: исполнителями, авторами-создателями или настоящими олонхосутами; 4) каковы особенности поэтики традиционного олонхо, сохраняются ли средства художественной выразительности, присущие устному олонхо, в современных произведениях по мотивам олонхо; 5) как сохранить сказительские традиции; 6) каким образом фестивали способствуют ревитализации сказительской традиции и эпической среды; 7) может ли содействовать возрождению якутского олонхо исследование эпических традиций других народов; 8) олонхо и современное общество: как изменилось отношение населения к олонхо после провозглашения его Шедевром, какие функции выполняет сегодня олонхо, как регулируются правовые вопросы эпического наследия?

Для участия в форуме подали заявки 22 человека, но выступили только 19. В обсуждении вопросов, затронутых докладчиками, приняли участие представители молодежных организаций. Форум открылся *алгысом* художественного руководителя Центра духовной культуры «Дом Арчы» Б.Н. Михайлова. Работа форума началась со вступительного слова заместителя директора ИГиПМНС СО РАН, к.ф.н. Н.И. Поповой. В своей речи она познакомила участников научного мероприятия с

историей создания Республиканской общественной организации «Ассоциация Олонхо» и включения олонхо в список «Шедевров устного, нематериального культурного наследия человечества»; подчеркнула особый вклад Института не только в становление «Ассоциации Олонхо», но и в признание олонхо Шедевром. Гостей и участников форума приветствовали директор Центра духовной культуры «Дом Арчы» В.И. Бочонина и специальный гость форума, доктор этномузыкологии, руководитель Центра искусствоведческих программ Института прикладной лингвистики (GIAL, Техас, США) Робин Харрис.

После долгих лет забвения, после постановки вопроса о «последних» олонхосутах олонхо вновь стало актуальным явлением общества XXI в. Ныне появилась плеяда практикующих исполнителей олонхо, именуемых в прессе «олонхосутами». Новоявленные «олонхосуты» проявляют себя по-разному. Некоторые из них воспроизводят адаптированный вариант подлинных текстов, разучивая их наизусть, часть «олонхосутов» устно исполняет свои авторские «олонхо», а большинство сказителей исполняют отрывки олонхо в сценических формах. Таким путем идет очень сложный процесс ревитализации сказительской традиции эпического наследия, инициированный «сверху» работниками культуры и науки и поддерживаемый правительством РС (Я). В силу того, что сегодня общество еще не готово признать практикующих исполнителей олонхо в качестве олонхосутов, их эпические произведения еще не стали объектом серьезных исследований, их творчество и репертуар малоизучены.

На форуме была предпринята попытка осмыслить происходящие процессы в обществе в связи с коренным изменением отношения социума к эпическому наследию. Социолог У.А. Винокурова поставила вопрос о социальном статусе олонхосута в современном обществе. Молодая исследовательница, фольклорист Н.А. Оросина рассмотрела спорные вопросы гражданско-правового регулирования авторских прав на произведения, созданные по мотивам олонхо. Методист Центра духовности «Камелек» Г.Г. Слепцова подчеркнула потенциал и значение олонхо в развитии мировоззрения современного человека. Выступление Е.Н. Протождяконовой было посвящено истории организации площадок для выступления практикующих олонхосутов: проведе-

ния фестивалей, конкурсов, вечеров, которые способствовали бы созданию «института» слушателей, т.е. эпической среды.

Каждый докладчик поставленные вопросы: «кого можно назвать олонхосутом в современных социокультурных условиях», «кем являются олонхосуты советского и постсоветского периодов: исполнителями, авторами-создателями или настоящими олонхосутами» – решал исключительно на материале своих наблюдений. Музыковед А.С. Ларионова исследовала особенности традиции эпического пения олонхосута Н.М. Тарасова. Как известно, сказитель был «открыт» уже после составления списка «последних» олонхосутов. Культуролог Г.С. Попова, выдвигая идею ренессанса традиционного эпического наследия саха и основываясь на собственных наблюдениях, проанализировала феномен молодого олонхосута XXI в. Работник дома культуры Нюрбинского улуса Р.Н. Николаева представила В.И. Иванова-Чиллэ Басылай как практикующего олонхосута и продолжателя эпической традиции в современных условиях. Особо важную роль личности олонхосута в распространении, актуализации и возрождении исполнительского искусства олонхосутов отметила научный сотрудник Института Олонхо В.В. Обоюкова. Педагог Е.П. Чехордуна подчеркнула необходимость продолжения сбора и изучения материалов об олонхо и олонхосутах XX в. в архивах исследователей. Фольклористы-филологи В.В. Илларионов и А.А. Кузьмина рассмотрели личность олонхосутов как исполнителей устного олонхо. При этом они акцентировали свое внимание на изменчивости эпической традиции, на усилении авторского начала в текстах. О существенной трансформации содержательной и поэтической части эпического текста практикующих сказителей (С.И. Иванова, Виллойский улус; Е.Г. Евсеева-Сындыыс, Сунтарский улус) с тревогой поделились фольклористы-филологи С.Д. Мухоплева и А.Н. Данилова.

Отвечая на вопрос, «как сохранить сказительские традиции», своим видением проблемы поделилась руководитель Центра искусствоведческих программ Института прикладной лингвистики, исследующая процессы возрождения эпической традиции олонхо Р. Харрис. Как она по-

лагает, баланс между традицией и инновацией; укрепление эпической среды; совершенствование методов обучения эпическому сказительству являются ключевыми факторами обеспечения устойчивого будущего эпической традиции.

Считается, что истинный сказитель олонхо может исполнять и другие жанры традиционного фольклора. Этот тезис был еще раз утвержден в докладах молодых исследователей. Так, Е.Г. Апросимова описала вариант исторического предания из репертуара олонхосута XX в. Д.М. Говорова, а Н.В. Павлова впервые рассмотрела сказки «последнего олонхосута» Д.А. Томской. В репертуаре последней, как известно, наблюдается зыбкость жанровых границ эпоса и сказки. Существование эпоса в форме сказки было продемонстрировано О.И. Чариной и на фольклорном материале русских старожилов Якутии.

Форум показал, что фигура олонхосута сегодня не может рассматриваться только в одном аспекте исполнителя устного олонхо. В процессе обсуждения и диспута участники размышляли о представлении олонхосута как комплексного феномена – и исполнителя устного олонхо, и мифологического персонажа, и социального статуса, и культурного института, и обладателя особого психофизиологического состояния. Результатом работы научного мероприятия является признание необходимости комплексного изучения широкого круга проблем, связанных с вопросами бытования и ревитализации *олонхо* в условиях современных процессов глобализации. Итогом стали рекомендации, в которых предлагается подготовить к печати и найти источник финансирования для издания материалов данного форума*, а также организовать Третий республиканский форум в рамках Декады Олонхо и приурочить его к юбилейным мероприятиям учено-фольклориста, популяризатора эпического наследия народа саха, профессора, д.ф.н. В.В. Илларионова и архивиста-фольклориста, заслуженного ветерана СО РАН Л.Ф. Рожиной.

В рамках форума работала выставка книг ИГИ-иПМНС СО РАН «Олонхо в научном пространстве», составленная заведующей библиотекой Е.А. Васильевой и младшим научным сотрудником сектора якутского фольклора, к.ф.н. Н.В. Павловой.

*По решению редколлегии журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» доклады будут выборочно публиковаться на страницах журнала в номерах 2016 г.

Литература

Арбачакова Л.Н., Кузьмина Е.Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2014. – № 2 (27). – С. 68–72.

Мухомлева С.Д. Понятия «олонхо» и «олонхосут» в постсоветском культурном пространстве // Эпосы народов мира: Проблемы и перспективы сравнительного изучения: сб. тез. по матер. междунар. науч. конф., г. Якутск, 18–19 июня 2015 г. – Якутск, 2015. – С. 48–49.

Попова Г.С. Ренессанс традиционного эпического наследия саха // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. № 1 (31). – С. 82–89.

Функ Д.А. Очерк современного состояния эпической традиции у шорцев (частные материалы и общетеоретические проблемы) // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 91–108.

О.И. Чарина

Международная научная конференция «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)»

В г. Варшава (Польша) 22–23 октября 2015 г. состоялась Международная научная конференция «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)».

Конференцию организовал Институт русистики Варшавского университета под руководством директора института, профессора, Магдалены Дабровской.

В ее работе приняли участие ученые из России и Польши. Так, на пленарном заседании выступили Анна Боженова из Института Европы в Варшаве, Михаил Грибовский из Томского государственного университета.

Во время конференции работали восемь секций: «Горизонты гуманистики», «Литературоведение: текст и контекст», «Текстовая культура» и др.

На секции «Текстовая культура» выступили О.И. Чарина с докладом «Польский исследователь о русско-якутских фольклорных связях (на примере фольклорных образов)» и А.С. Ларионова – с докладом «Якутские музыкальные термины в контексте трудов польских исследователей В.Л. Серошевского и Э.К. Пекарского». Также А.С. Ларионова и О.И. Чарина выступили перед студентами Института русистики, где рассказали о нашем институте и основных направлениях работы каждой из выступавших.

В рамках конференции была проведена экскурсия в университетскую библиотеку, где нам показали огромный массив книг на русском языке, которые хранятся в библиотеке еще со времен Российской империи.

А.С. Ларионова и О.И. Чарина в библиотеке Варшавского университета. 22 октября 2015 г.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Николай Васильевич Емельянов

(К 95-летию со дня рождения)

В истории якутской фольклористики велика роль научного наследия выдающегося ученого-фольклориста, доктора филологических наук, заслуженного ветерана Сибирского отделения АН СССР, действительного члена Международной тюркской академии

Н.В. Емельянова. Он относится к числу известных научных деятелей республики, внесших заметный вклад в становление и развитие якутской фольклористики. Многолетняя работа и величайшая заслуга Николая Васильевича в деле собирания, исследования и практической организации научной работы – бесценный пример для современных исследователей. Его научные труды до сих пор не теряют актуальности и считаются настольными книгами не только для ученых-фольклористов, но и всех, кто интересуется эпическим наследием народа саха.

Научная биография и трудовая деятельность Н.В. Емельянова вызывают интерес у нового поколения фольклористов и требуют дальнейшего исследования. Будущий известный ученый родился 8 января 1921 г. в I Жарханском наслеге Нюрбинского улуса Якутской области в семье служащих. Отец работал на различных предприятиях торговли бухгалтером, а мать вела домашнее хозяйство. В 1941 г. после окончания Нюр-

бинской средней школы № 1 его одноклассники были призваны в действующую армию, а Николай Васильевича по состоянию здоровья признали негодным к военной службе. Он был направлен в Мархинскую среднюю школу, где началась его трудовая деятельность. С 1941 по 1953 г., в течение 12 лет, он добросовестно работал в образовательной системе родного Нюрбинского района. С 1953 по 1955 г. Николай Васильевич преподавал в Якутской средней сельскохозяйственной школе. Как и многие молодые люди своего времени, Н.В. Емельянов непрестанно занимался самообразованием. Преподавая в школе, он заочно обучался на филологическом факультете Якутского государственного педагогического института (1949–1954 гг.). В 1955 г. поступил в аспирантуру Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. После ее окончания с 1958 г. до последних дней жизни он работал в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, далее переименованном в Институт гуманитарных исследований АН РС (Я) (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) сначала младшим научным сотрудником, а потом с 1964 по 1986 г. – заведующим сектором, ведущим научным сотрудником.

В 1963 г. Н.В. Емельянов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Якутские пословицы и поговорки». В 1966 г. ему присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «фольклористика». В 1992 г. он стал доктором филологических наук, защитив диссертацию «Сюжеты олонхо и этапы развития якутского эпоса» в форме научного доклада по сово-

© А.Н. Данилова, Н.А. Оросина, 2016

купности опубликованных работ. Под его непосредственным руководством и при его активном участии осуществлены двуязычные публикации таких книг, как «Якутские народные песни» в четырех частях, все якутские тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», а также трудов классиков якутской фольклористики Г.У. Эргиса (1974), Г.В. Ксенофонтова (1977), А.Е. Кулаковского (1979).

Н.В. Емельянов – один из первых фольклористов Сибири, поддержавших инициативу бурятских ученых об издании серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», с 1977 г. руководил авторским коллективом томов якутского корпуса серии. Он сформировал авторский коллектив, активно участвовал в работе по изучению архивных и опубликованных материалов якутского фольклора, собираемых начиная с 40-х гг. XX в., организовал сборы текстов народной поэзии. В итоге были подготовлены и опубликованы академические издания «Якутский героический эпос “Кыыс Дэбилийэ”» (1992), «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» (1995), «Якутский героический эпос “Могучий Эр Соготох”» (1996), где Н.В. Емельянов выступил в качестве руководителя авторского коллектива, соавтора вступительных статей, комментариев и одного из переводчиков текстов на русский язык.

С 1958 г. он активно участвовал во всесоюзных и республиканских фольклорных мероприятиях, в работе конференций и симпозиумов, выступал с докладами и научными сообщениями в городах Москва, Ленинград, Махачкала, Улан-Удэ, Горно-Алтайск, Новосибирск и др. По его инициативе в 1977 и 1986 гг. в г. Якутске были проведены республиканские конференции по фольклору, а в 1994 г. – III Международная конференция, посвященная памяти американского фольклориста А.Б. Лорда. За время работы в институте Н.В. Емельянов руководил аспирантами, читал курс лекций в Якутском государственном университете, принимал участие в мероприятиях Министерства культуры РС (Я). В 1997 г. за большой научный и практический вклад в изучение и пропаганду якутского фольклора ему было присвоено звание действительного члена Международной тюркской академии.

Н.В. Емельянов – автор более 80 работ по жанровой специфике фольклора саха, мифологии и героическому эпосу олонхо.

Монография «Якутские пословицы и поговорки» [Емельянов, 1962] явилась плодом его многолетнего кропотливого труда. Многими учеными и энтузиастами-корреспондентами из разных улусов республики был накоплен огромный материал по пословицам и поговоркам. Н.В. Емельянов впервые ввел их в научный оборот и классифицировал их по тематике в сравнительно-историческом аспекте.

Во вступительной статье «Исторический фольклор якутов», написанной к книге «Предания, легенды и мифы народов саха (якутов)» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Алексеев, Емельянов, Петров, 1995], мифы якутов были подразделены на следующие группы: 1) о верховных божествах и божествах-спасителях; 2) о злых и добрых духах, обитающих в Верхнем мире, на земле и в Нижнем мире; 3) об окружающей человека природе; 4) о первопредках, родоначальниках якутов; 5) мифы и легенды о шаманах. Рассмотрены основные мифологические образы, проанализированы их функции.

Одними из его значительных заслуг являются монографические исследования по сюжетике якутских олонхо. Якутские олонхо стали делом жизни Н.В. Емельянова. На то, чтобы обзреть якутские олонхо, их сюжеты с высоты птичьего полета, он потратил четверть века. Тем самым выполнил предсмертный наказ Георгия Устиновича Эргиса – своего Учителя. По результатам многолетней кропотливой работы была издана книга «Сюжеты якутских олонхо» [Емельянов, 1980]. Здесь сюжетные темы олонхо были подразделены на три типовые группы: 1) олонхо о заселении племенем айыы аймага Среднего мира; 2) олонхо о родоначальниках ураангхай саха; 3) олонхо о защитниках племени. На основе этих групп были изданы три монографии [1983; 1990 и 2000]. В данных книгах приводится большой уникальный по содержанию архивный материал по эпике якутов, впервые детально исследованы и систематизированы сюжеты олонхо.

Как отмечает В.В. Илларионов, «на основе изучения многообразия сюжетов якутского эпоса Н.В. Емельянов приходил к выводу, что исторический путь развития олонхо связан с развитием этнического самосознания народа саха. Поэтому этап развития олонхо рассматривается в сравнении с устной “летописью” якутов и историческими преданиями и рассказами» [Илларионов, 2011, с. 135].

По мнению С.Д. Мухоплевой, Н.В. Емельянов в своих трудах отмечает, что «в системе тюрко-монгольского эпоса якутское олонхо представляет ранний (древний) этап архаического эпоса и типологически близко стоит к эхирит-булагатским бурятским сказаниям и эпосу периода родового строя алтайцев, тувинцев и хакасов; сюжеты олонхо развиваются в соответствии с этнической историей» [Мухоплева, 2005, с. 47].

В книге «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» [Емельянов, 1983] исследуются ранние типы олонхо о заселении Среднего мира эпическими племенами айыы и ураангхай саха, а также о женщинах-богатырках, анализируются принципы эпического сюжетосложения в связи с многообразием сюжетных линий и повествовательно-фольклорных тем. Здесь он проанализировал сюжеты одноименных олонхо «Сын лошади Дырай богатырь» И.И. Бурнашева-Тонг Суоруна и У.Г. Нохсорова, идейно-тематическое содержание которых укладывается в эпические сюжеты о заселении Среднего мира племенами айыы. В этих сказаниях нашли свое поэтическое отражение отзвуки истории переселения предков якутов с южной прародины на места современного расселения. Типологическое исследование образов богатырок якутских олонхо привело Н.В. Емельянова к выводу, что «образы богатырок типологически предшествуют образам богатырок бурятских, хакасских, каракалпакских, алтайских, казахских эпических сказаний» [Емельянов, Петров, 1993, с. 22]. Им выделены два типа богатырок. Первый тип – «богатырка, борющаяся за свою свободу от посягательств мужчин и тем самым активно вступающая против брака». Этот тип автор приблизил к образам воинственных женщин эпоса северных народностей. Второй тип представлен «образами богатырок (шаманок), вступающих в борьбу за создание семьи и защищающих племя айыы аймаҕа. Образ такой богатырки перекликается с образами героинь эпоса тюрко-монгольских народов» [Там же, с. 22].

Вторая книга «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» [Емельянов, 1990] посвящена анализу сюжетов олонхо о родоначальнике племени ураангхай саха Эр Соготохе, многообразию сюжетных тем и систем самопознания в эпическом творчестве якутов. Герои олонхо второго этапа в результате героического сватовства добывают себе невест, создают семью и становятся родоначальниками людей, причисляющих себя к одному этносу. Сю-

жетные линии данного типа олонхо тесно переплетаются с сюжетами исторических преданий.

В третьей книге «Сюжеты олонхо о защитниках племени» [Емельянов, 2000] исследуются сюжеты олонхо о защитниках племени саха. Идеалом богатыря-защитника Н.В. Емельянов считает Нюргуна Боотура Стремительного. Эпический тип богатыря-защитника Нюргуна Боотура был создан олонхосутами Ботурусского улуса, т.е. таттинской школой сказителей. Здесь он раскрыл закономерности развития сюжетов олонхо о Нюргунах – защитниках племени айыы на примере творчества таттинских олонхосутов Н.Т. Абрамова, К.Г. Оросина, Н.Ф. Попова (XIX в.). И показал, что каждое олонхо является самостоятельным произведением, созданным искусством олонхосутов на основе устоявшейся устной эпической традиции. Поэтому в книге исследуются сюжеты каждого сказания в отдельности в цикле о Нюргуне. Таким образом, автор пришел к выводу, что главный герой олонхо имеет следующие ипостаси: первый человек на земле – родоначальник племени – защитник племени, и что сюжеты олонхо развиваются в соответствии с этнической историей.

Н.В. Емельянов, Учитель от бога и аксакал якутской фольклористики, подготовил высококвалифицированных специалистов, среди них: д.ф.н. В.Т. Петров, известный долгановед П.Е. Ефремов, к.ф.н., писательница С.П. Ойунская, д.ф.н., профессор В.В. Илларионов, фольклорист, детский писатель П.Н. Дмитриев, к.ф.н., доцент В.М. Никифоров, к.ф.н., доцент С.Д. Мухоплева. Своим ученикам Николай Васильевич передал бережное отношение к устным традициям своего народа, любовь к научному поиску.

Таким образом, имя Н.В. Емельянова стало эталоном Ученого с большой буквы и является неотъемлемой частью якутской фольклористики.

Литература

Алексеев Н.А., Емельянов Н.В., Петров В.Т. Исторический фольклор якутов // Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 11–36. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 376 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. – М.: Наука, 1983. – 246 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2000. – 192 с.

Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки / под ред. Г.У. Эргиса. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1962. – 96 с.

Емельянов Н.В., Петров В.Т. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ» // Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО

Наука, 1993. – С. 22–25. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Илларионов В.В. К 90-летию со дня рождения эповеда Николая Васильевича Емельянова // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2011. – № 4 (том 8). – С. 134–136.

Мухомлева С.Д. Он себя считал продолжателем дела своего Учителя // Якутский архив: ист.-док. науч.-попул. ил. журн. / гл. ред. В.Н. Иванов. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – № 2 (17). – С. 47–49.

А.Н. Данилова,

к.ф.н., н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН,

Н.А. Оросина,

к.ф.н., м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН

Наталья Николаевна Широбокова

(К 70-летию со дня рождения)

Видный российский тюрколог, якутовед, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института филологии СО РАН, заведующая сектором языков народов Сибири Наталья Николаевна Широбокова родилась 28 января 1946 г. в г.

Новосибирске. В 1968 г. после окончания Новосибирского государственного университета она поступила в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР и под руководством заслуженного деятеля науки Якутской АССР, доктора филологических наук, профессора Елизаветы Ивановны Убрятовой начала исследовать актуальные проблемы исторического развития якутского и других тюркских языков. В 1992 г. Наталья Николаевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие якутского консонантизма», в 2000 г. – докторскую диссертацию на тему «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири».

В 1993 г. Н.Н. Широбокова возглавила сектор языков народов Сибири института, а в 2000 г. ста-

ла заместителем директора Института филологии СО РАН.

С 1990 г. Наталья Николаевна совмещает работу в ИФЛ СО РАН с работой в НГУ, где заведует кафедрой языков и фольклора народов Сибири. Н.Н. Широбокова разработала и читает ряд теоретических курсов для студентов-тюркологов гуманитарного факультета: «Введение в тюркологию», «Древняя история тюрков», «Морфонология тюркских языков Сибири», «Морфология тюркских языков», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Тюркская диалектология». Под её руководством успешно защитили кандидатские диссертации восемь аспирантов.

Многогранная научная деятельность Натальи Николаевны посвящена освещению истории якутского языка в связи с древнетюркскими языками и тюркскими языками Южной Сибири. При этом ею последовательно углубляются и развиваются результаты исследований Е.И. Убрятовой, имеющие непреходящее значение в изучении истории тюркских языков. В её монографии «Историческое развитие якутского консонантизма» (Новосибирск: Наука, 2001) впервые в тюркологии были исследованы процессы формирования состава и системы консонантов якутского языка и выделены пять основных этапов ее развития. Показана близость праякутской консонантной системы к пратюркской системе. При этом указывается сохранение у первого более

древних черт. А другая фундаментальная монография Натальи Николаевны «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» (Новосибирск: Наука, 2005) посвящена анализу реконструированных элементов фонологической системы древнеякутского языка как основы сравнения с современным и другими тюркскими языками Южной Сибири, а также некоторых фрагментов якутской лексики, сопоставимых с лексикой южносибирских тюркских языков.

Данное перспективное направление исследования истории развития тюркских языков Сибири получает продолжение и в других трудах Н.Н. Широковой и ее учеников. Об этом свидетельствует коллективная монография «Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая», составленная и изданная под её руководством в 2013 г.

Н.Н. Широкова – автор более 120 работ, в т.ч. четырёх монографий. Она участвовала в работе над составлением «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (макет, 60 а.л., 200 карт; соавт. Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев) и «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири» (макет, 25 а.л., 200 карт; соавт. Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев).

Н.Н. Широкова является редактором более 30 сборников научных трудов и монографий сотрудников ИФЛ СО РАН и других НИИ и вузов Сибири.

Наталья Николаевна оказывает большую помощь в развитии исследований по якутскому

языку в нашей республике. Под ее редакцией и рецензией издаются в центральных издательствах страны труды якутоведов, посвященные актуальным проблемам языка саха. Она член редакционной коллегии «Большого толкового словаря якутского языка».

Н.Н. Широкова вносит большой вклад в дело подготовки научных кадров нашей республики. Она член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Языки народов РФ (якутский язык)» при ИГиИПМНС СО РАН. Она выступает в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций, посвященных актуальным проблемам якутского языкознания. Ведет научную консультацию среди сотрудников нашего института.

Наталья Николаевна принимает активное участие в научных конференциях, проводимых ИГиИПМНС СО РАН.

Желаем уважаемой коллеге, видному якутоведу, тюркологу-сибиреведу Н.Н. Широковой доброго здоровья, новых научных открытий во славу развития новосибирской лингвистической сибиреведческой научной школы.

Н.Н. Ефремов,

*д.ф.н., г.н.с. сектора
грамматики и диалектологии*

Лидия Филипповна Рожина

(К 70-летию со дня рождения)

Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН, созданный стараниями многих поколений сотрудников института, хранит в себе уникальные материалы по изучению культуры и истории народов Северо-Востока России. Большая заслуга в фор-

мировании архива принадлежит фольклористу Георгию Устиновичу Эргису. Работа по сохранению культурного наследия народов Якутии требовала большой самоотдачи и бескорыстного труда. Первым хранителем Рукописного фольклорного фонда была Анастасия Лаврентьевна Новгородова. Благодаря самоотверженному труду сотрудников института тех лет был сохранен и систематизирован огромный рукописный материал. Достойной наследницей этих замечательных людей, бескорыстно преданных делу сохранения рукописного наследия, можно считать Лидию Филипповну Рожину.

Она родилась 23 января 1946 г. в поселке Каза-чье Усть-Янского района третьим ребенком в семье учителей Иванова Филиппа Дмитриевича и Ивановой Татьяны Петровны из Хангаласского улуса. В 1954 г. ее семья переехала в село Булгунняхтах Хангаласского улуса. Детство Лидии Филипповны прошло на берегу величественной и прекрасной реки Лены. И до сих пор она считает село Булгунняхтах своей малой родиной и не прерывает связи с ним, проводя каждое лето в деревне у родственников.

В 1963 г. она закончила Булгунняхтахскую среднюю школу и начала работать воспитателем в детском саду села «Кытыл Дьура» Хангаласского улуса. В 1968 г. поступила на заочное отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Якутского государственного университета. В том же году Лидия Филипповна начала работать в секторе литературы и фольклора ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР лаборантом. Заведующим сектором в то время был Н.В. Емельянов, а в самом секторе работала блестящая плеяда исследователей, таких, как Г.М. Васильев, Г.С. Сыромятников, Н.П. Канаев, Г.К. Боескоров, С.П. Ойунская, В.Т. Петров, П.Е. Ефремов, Ж.К. Лебедева, В.А. Семенов, Н.З. Копырин и др. Работая в секторе, Лидия Филипповна принимала непосредственное участие в расшифровке, подготовке рукописных текстов олонхо и систематизации сюжетов (с Н.В. Емельяновым), расшифровке и подготовке к печати записей малых жанров (с С.П. Ойунской), подготовке к публикации рукописных текстов долганского олонхо (с П.Е. Ефремовым) и др.

По настоянию Н.В. Емельянова, с 1991 по 2008 г. Лидия Филипповна работала заведующей Архивом ЯНЦ СО РАН; с 2008 по 2014 г. – в секторе якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН; с 2014 г. работает в Рукописном отделе ИГИИПМНС СО РАН. В этом году исполняется 48 лет, как Лидия Филипповна пришла в родной институт.

В годы работы она прониклась интересом и любовью к устному творчеству якутского народа. Лидия Филипповна – участник многих комплексных экспедиций по собиранию нематериального наследия народов Севера. В 1972 г. она принимала участие в фольклорной экспедиции в Оленёкском районе ЯАССР под руководством П.Е. Ефремова, в 1979 г. – в фольклорной экспедиции в Абыйском районе ЯАССР под руководством П.Н. Дмитриева.

В 1986 г. Лидия Филипповна была участником комплексной фольклорной экспедиции ИФФ СО РАН и ИЯЛИ СО РАН в Вилюйском, Верхневилуйском, Нюрбинском и Сунтарском районах ЯАССР.

В 2011–2012 гг. Лидия Филипповна активно продолжала полевую работу в центральных и вилюйских улусах Якутии в рамках проекта «Духовная культура саха: традиции, современное состояние и перспективы развития» (под руководством С.Д. Мухоплевой). Был собран уникальный аудио-, видеоматериал по осуохаю, который ныне хранится в Госкинохранилище РС (Я) и который стал одним из бесценных источников распространения и изучения кругового танца осуохай.

Трудовая деятельность Лидии Филипповны посвящена сохранению и передаче устного наследия народов Якутии следующим поколениям. Лидия Филипповна является уникальным специалистом, читающим рукописные тексты на староякутском. В этом плане она незаменимый специалист в области расшифровки архивных документов – записей фольклорных и этнографических текстов. Лидия Филипповна активно участвует в издании рукописей, хранящихся в Рукописном отделе института, вкладывая в это свой многолетний опыт и умение «прочитать» рукописи.

Она принимала участие в издании книг «Ньырбакаан удьурдара» (Якутск, 1991); «Ойун» в трех частях (Якутск, 1993); олонхо «Ала Булкун» сказителя Т.В. Захарова-Чээбий (Якутск, 2004); олонхо «Айыы Дугуйдах» сказителя Е.И. Огочуярова (Якутск, 2010); «Песни круговых танцев саха» (Якутск, 2011); «Ксенофонов Г.В.: фотографии, документы» (Якутск, 2012); «Олонхо Жулейского наслега. Образцы народной литературы, собранные Э.К. Пекарским» (Якутск, 2013); «Богатырь Уол Дугуй» сказителя Е.И. Кардашевского (Якутск, 2014); олонхо «Алантай Ботур» сказителя Е.Г. Охлопкова-Буоратай (Якутск, 2015).

Навыки текстуальной работы Лидии Филипповны были успешно использованы при подготовке к изданию четырех томов известной серии сибирского издательства «Наука» – «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Это олонхо «Кыыс Дэбиллэйэ» (1993), «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» (1995), «Фольклор долган» (2000), «Якутские народные сказки» (2008).

Лидия Филипповна отличается добросовестностью, скрупулезностью в работе с архивными

источниками. Её трепетное отношение к рукописному архиву является образцом отношения к культурному наследию прошлого. Своим спокойным характером, общительностью и профессионализмом Лидия Филипповна снискала уважение коллег и многочисленных посетителей архива.

В знак признания заслуг Л.Ф. Рожина награждена Почетными грамотами Президиума СО РАН (1988 г.), Профсоюза работников РАН (1999 г.), Якутского научного центра СО РАН (2007 г.), Академии наук РС (Я) (2010 г.), Почетным знаком «Серебряная сигма» (2007 г.), Благодарностью вице-президента РС (Я) (2009 г.) и Благодарственным письмом Якутского научного центра СО РАН

(2011 г.). За плодотворное сотрудничество и вклад в воспитание подрастающего поколения и приобщение их к научно-исследовательской работе Лидия Филипповна награждена благодарственными письмами от администраций улусов.

Коллектив родного института сердечно поздравляет Лидию Филипповну Рожину с юбилеем и желает доброго здоровья, благополучия и удачи!

Н.В. Покатилова,

*д.ф.н., заведующая рукописным отделом
ИГИиПМНС СО РАН*

Е.Г. Апросимова,

лаборант рукописного отдела ИГИиПМНС СО РАН

НЕКРОЛОГ

Памяти Михаила Спиридоновича Воронкина

14 февраля 2016 г. ушел из жизни Михаил Спиридонович Воронкин – профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран Сибирского отделения Академии наук СССР, ветеран Великой Оте-

чественной войны 1941–1945 гг.

М.С. Воронкин родился 21 ноября 1923 г. в Оргетском наслеге Верхневилуйского улуса Якутской АССР. С детства познал тяжелую жизнь сельского труженика.

Трудовую деятельность он начал с 1941 г. учителем начальных классов в далеком Туобуйинском наслеге Верхневилуйского района; работал военруком, руководителем допризывной военной подготовки.

В 1954 г. Михаил Спиридонович успешно окончил Якутский государственный педагогический институт, затем работал в должности преподавателя Вилуйского педагогического училища имени Н.Г. Чернышевского, а потом инспектора Вилуйского районного отдела народного образования. Но любовь к родному языку привела его на исследовательскую работу: в 1958–1961 гг. он учился в аспирантуре ЯФ СО АН СССР и в 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме

«Есейский говор якутского языка», где первые в якутском языкознании описал язык якутов, оказавшихся волею судьбы за пределами Якутии. В данной работе ученый обнаружил, например в области фонетики, индифферентный *i*, асингармонические варианты произношения, нарушение законов гармонии гласных и т.д., что стало результатом субстратного влияния эвенкийского языка. Кроме того, он нашел в области морфологии языка есейцев архаические черты, восходящие к древности.

В работе «Саха диалектологиятын очерката: фонетика уонна морфология» (1980) М.С. Воронкин предложил новую классификацию говоров якутского языка, что считается более удачным диалектным членением якутского языка и стимулировало фронтальное изучение всех четырех диалектных зон якутского языка. В связи с этим организовывались экспедиционные поездки в наиболее интересные северные, южные, западные и восточные районы Якутии, в т.ч. также в места проживания якутов в Бодайбинском районе Иркутской области, Тугуро-Чуликанском районе Хабаровского края и места обитания есейских, катангинских и магаданских якутов, в которых самое деятельное участие принимал М.С. Воронкин.

Значительным событием в якутской диалектологии стало составление по инициативе М.С. Воронкина в соавторстве с научными сотрудниками Института ЯЛИ ЯФ СО АН СССР П.С. Афанасьевым и М.П. Алексеевым «Диалектологического словаря якутского языка» в двух томах, изданных в Москве (1976) и Новосибирске (1995), где содержатся свыше 13500 диалектных слов. Труд этот, хотя и, как первый опыт, не может претендо-

вать на полноту охвата всех диалектных слов, но как единственный полный диалектологический словарь обобщающего характера будет иметь непреходящее научное значение.

В 1988 г. М.С. Воронкин защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Диалектная система якутского языка: образование, взаимодействие с литературным языком и структура», где он изложил итоги тридцатилетнего наблюдения над территориальными диалектами якутского языка и изучения их исторического развития. По его мнению, первые признаки диалектообразования в якутском языке прослеживаются еще до прихода русских. Формировавшийся общеплеменной язык древних якутов начал делиться на акающий и окающий диалекты. Причиной тому, видимо, послужил начинавшийся процесс образования двух племенных объединений на территории первоначального расселения якутов. Данный исторический период языкового развития составляет первый этап образования диалектов в якутском языке на территории Средней Лены. В связи с распространением якутского языка на современной его территории, происходило образование диалектов на новой основе. Оно составляет второй этап диалектообразования в якутском языке. Автор названной диссертационной работы считает, что язык долган хорошо вписывается в северо-западную диалектную зону и остается своеобразным диалектом якутского языка.

М.С. Воронкин является одним из инициаторов придания государственного статуса якутскому и русскому языкам, активно выступал в средствах массовой информации по различным вопросам языкового строительства в республике. Он автор более 50 научных работ, в том числе шести книг: четырех монографий, двух словарей.

Им же в соавторстве также опубликованы материалы по фольклору есейских якутов.

Ученый-диалектолог принимал постоянное участие в создании диалектологических атласов говоров северо-западной и олекмо-вилюйской диалектных зон якутского языка. Он внедрил преподавание якутской диалектологии в Якутском государственном университете, где в течение 10 лет читал по ней лекции. Таким образом, на основе учебного пособия, составленного им, и его трудов в стенах университета ведутся занятия по одной из древнейших наук – диалектологии.

За шестидесятилетний безупречный труд Михаил Спиридонович был награжден многими медалями, почетными грамотами, почетными трудовыми и научными званиями. Но самой дорогой он считал медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», присужденную ему в пору цветущей молодости за самоотверженный труд в тяжелые годы войны. Этой высокой наградой Родины Михаил Спиридонович законно гордился и особенно дорожил.

М.С. Воронкин постоянно участвовал во всех общественных мероприятиях родного института, был организатором воскресников, субботников, в которых он принимал самое активное участие. При решении проблемных вопросов, которые нередко возникали в жизни института, он был человеком принципиальным, не знающим никакого снисхождения. Наш уважаемый коллега Михаил Спиридонович хорошо пел, любил играть на мандолине. Ушел от нас человек добрый, внимательный и участливый, хороший семьянин и заботливый отец.

Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах!

Коллеги из отдела грамматики и диалектологии ИГиИПМНС СО РАН

Сведения об авторах

Андреева Тамара Егоровна – к. филол. наук, доцент, замдиректора по науке ИГИИПМНС СО РАН, taan2001@mail.ru

Апросимова Елизавета Гаврильевна – лаб. рукописного отдела ИГИИПМНС СО РАН, laprosimova@gmail.com

Артыкбаев Жамбыл Омарович – докт. ист. наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан), socantropology@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, valera305@mail.ru

Васильева Надежда Матвеевна – канд. филол. наук, м.н.с. сектора лексикографии ИГИИПМНС СО РАН, tnm69@mail.ru

Васильева Римма Иннокентьевна – канд. филол. наук, н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, rimin62@inbox.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна – канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГИИПМНС СО РАН, lilivin@mail.ru

Готовцева Лина Митрофановна – канд. филол. наук, с.н.с. сектора лексикологии ИГИИПМНС СО РАН, Lingot@rambler.ru

Данилова Анна Николаевна – канд. филол. наук, н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, danilova.aanchuk@yandex.ru

Данилова Надежда Ивановна – докт. филол. наук, зав. сектором грамматики и диалектологии ИГИИПМНС СО РАН, nadiv2008@mail.ru

Дырхеева Галина Александровна – докт. филол. наук, проф., г.н.с. отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, an5dag1@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – докт. филол. наук, г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Зориктуев Булат Раднаевич – докт. ист. наук, г.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, enhe_z@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – докт. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Ларионова Анна Семеновна – докт. иск., доцент по специальности, завсектором якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, проф. Высшей школы музыки (институт) РС(Я) им. В.А. Босикова, degerenan@mail.ru

Мухоплева Светлана Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, Muhopleva@mail.ru

Насилов Дмитрий Михайлович – д. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии, Африки при Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Федеральный институт развития образования (Москва), nadi@mail.cnt.ru

Нелунов Анатолий Гаврилович – канд. филол. наук, с.н.с. сектора лексикографии ИГИИПМНС СО РАН, nelunov43@mail.ru

Оросина Надежда Анатольевна – канд. филол. наук, м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, onadya88@mail.ru

Павлова Надежда Васильевна – канд. филол. наук, м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, ИГИИПМНС СО РАН, nadya.sanaaya@yandex.ru

Покатилова Надежда Володаровна – докт. филол. наук, в.н.с., зав.рукописным отделом ИГИИПМНС СО РАН, pnv_yсу@mail.ru

Попова Наталья Иннокентьевна – канд. филол. наук, замдиректора по науке ИГИИПМНС СО РАН, nat.popova@rambler.ru

Саввинов Анатолий Иванович – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГиИПМНС СО РАН, savvin_06@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна – канд. ист. наук с.н.с. сектора арктических исследований ИГиИПМНС СО РАН, filippovav@mail.ru

Харрис Робин – докт. этномузыкологии, руководитель Центра искусствоведческих программ Отделения прикладной антропологии Института прикладной лингвистики (GIAL, Техас, США), Robin_Harris@gial.edu

Чарина Ольга Иосифовна – канд. филол. наук, доцент по специальности, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГиИПМНС СО РАН, ochar@list.ru

Шепелева Валентина Борисовна – докт. ист. наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета, vshepel@rambler.ru

Information about authors

Andreeva Tamara Egorovna – Candidate of Philol. Sc., Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, taan2001@mail.ru

Aprosimova Elizaveta Gavrilovna – Laboratory Assistant of Manuscript Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, laprosimova@gmail.com

Artykbaev Zhambyl Omarovich – Dr. Hist.Sc., Professor, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana (Republic of Kazakhstan), socantropology@mail.ru

Vasilev Valeriy Egorovich – Candidate of Hist. Sc., Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera305@mail.ru

Vasileva Nadezhda Matveevna – Candidate of Philol. Sc., Junior Research Fellow, Lexicography Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, tnm69@mail.ru

Vasileva Rimma Innokentyevna – Candidate of Philol. Sc., Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian, rimin62@inbox.ru

Vinokurova Liliya Innokentyevna – Candidate of Hist. Sc., Leading Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lilivin@mail.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philol. Sc., Senior Researcher, Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Lingot@rambler.ru

Danilova Anna Nikolaevna – Candidate of Philol. Sc., Research Fellow, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, danilova.aanchyk@yandex.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna – Dr. Philol.Sc., Head of Grammar and Dialectology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nadiv2008@mail.ru

Dyrkheeva Galina Aleksandrovna – Dr. Philol.Sc., Professor, Chief Researcher, Linguistics Department, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, an5dag1@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich – Dr. Philol.Sc., Senior Researcher, Department of Grammar and Dialectology of Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nik.efrem50@mail.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Hist. Sc., Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, zhukova@mail.ru

Zoriktuev Bulat Radnaevich – Dr. Hist.Sc., Chief Researcher, History and Culture of Central Asia Department, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, enhe_z@mail.ru

Ivanov Spiridon Alekseevich – Dr. Philol.Sc., Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Larionova Anna Semenovna – Dr. Art, Associate professor, Head of Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Professor, Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia) named after V.A. Bosikov, degerenan@mail.ru

Muhopleva Svetlana Dmitrievna – Candidate of Philol. Sc., Associate Professor, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, muhopleva@mail.ru

Nasilov Dmitry Mikhaylovich – Dr. Philol.Sc., Professor, Head of Turkic Philology Department, Institute of Asia and Africa at Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Federal Institute of Education Development (Moscow), nadi@mail.cnt.ru

Nelunov Anatoly Gavrilovich – Candidate of Philol. Sc., Senior Researcher, Lexicography Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nelunov43@mail.ru

Orosina Nadezhda Antonovna – Candidate of Philol. Sc., Junior Research Fellow, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, onadya88@mail.ru

Pavlova Nadezhda Vasilyevna – Candidate of Philol. Sc., Junior Research Fellow of Yakut Folklore Department (Group) IHRISN SB RAS, nadya.sanaaya@yandex.ru

Pokatilova Nadezhda Volodarovna – Dr. Philol.Sc., Leading Researcher, Head of Manuscript Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, pnv_ysu@mail.ru

Popova Natalia Innokentevna – Candidate of Philol. Sc., Deputy Director on Science, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nat.popova@rambler.ru

Robin Harris – PhD (Ethnomusicology), Director of the Center for Excellence in World Arts, department of Applied Anthropology, at the Graduate Institute for Applied Linguistics (GIAL), in Texas, USA, Robin_Harris@gial.edu

Savvinov Anatoly Ivanovich – Candidate of Hist.Sc., Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, savvin_06@mail.ru

Filippova Viktoriya Viktorovna – Candidate of Hist.Sc., Senior Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, filippovav@mail.ru

Charina Olga Iosifovna – Candidate of Philol. Sc., Associate Professor, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ochar@list.ru

Shepeleva Valentina Borisovna – Dr. Hist.Sc., Associate Professor, Professor, Department of Modern Russian History and Historiography, Omsk State University, vshepel@rambler.ru

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Объем научной статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), информационные статьи – 3–6, хроникальные заметки – 1–3 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Абзац – 1,25 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисовочные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются. Рукописи в печатном и электронном виде (формат Word 95, 98, 2000) направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301, 303. Тел. 35–15–16; 36–42–35.

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-50537
от 06 июля 2012 г.

Адрес издателя и редакции
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 14.03.2016. Дата выхода в свет 23.03.2016
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,12. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
